

**FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY PALACKÉHO
V OLOMOUCI
KATEDRA SLAVISTIKY**

**KOMENTOVANÝ PŘEKLAD ČÁSTI KNIHY
BORISE AKUNINA „STATSKIJ SOVĚTNIK“**

Magisterská diplomová práce

Vypracovala: Bc. Jana Krčková

Vedoucí: doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

2009

Prohlašuji, že jsem práci vypracovala samostatně a uvedla jsem všechny použité prameny.

V Olomouci, 13.12.2009

Děkuji doc. PhDr. Zdeňce Vychodilové, CSc. za konzultace, rady a připomínky, které mi během psaní diplomové práce poskytovala. Dále bych poděkovala Evgeniji Alexejevně Afanasové za pomoc při rozboru ruského textu.

Содержание

Вступление	6
1 Перевод и его основные принципы	8
1.1 Перевод и его коммуникативный аспект.....	8
1.2 Эквивалентность перевода.....	9
1.3 Прагматический перевод	10
1.4 Работа переводчика над переводом	11
1.5 Начинаящий переводчик.....	13
1.6 Работа со словарём	14
1.7 Перевод сегодня.....	15
2 Статский советник.....	17
2.1 Автор произведения	17
2.2 Произведение	18
3 Анализ произведения с переводческой точки зрения.....	19
3.1 Реалии	19
3.2 Архаизмы и историзмы в переводе.....	35
3.3 Метафора	39
3.4 Аллюзия.....	40
3.5 Фразеологизмы	41
3.6 Название произведения	44
4 Перевод произведения	46
Заключение	68
Resumé.....	73
Список литературы	80
Приложение.....	82

Вступление

Перевод художественной литературы оказывает посредничество в контактах между странами и также помогает знакомиться и узнавать культуру другой страны.

В настоящее время переводы с русского языка на чешский считаются редким явлением. Современные русские авторы в Чехии почти не известны, хотя современная русская литература стоит интереса со стороны чешского читателя. К сожалению, чешский читатель знает лишь классическую русскую литературу.

Такие имена как Пелевин, Сорокин, Улицкая, Гришковец чешские читатели мало знают. На чешский язык было переведено пять книг Пелевина, лишь две книги Сорокина и всего одна книга Улицкой.

Одним из самых успешных современных авторов в России считают Бориса Акунина. Уже несколько лет его книги занимают места в первой десятке самых читаемых книг в России. На чешский язык было переведено пять книг. И данное небольшое количество стало поводом к выбору темы моей дипломной работы. Я подобрала именно книгу Статский советник, так как книга не была до сих пор переведена на чешский язык. К тому же книга стала в России настолько популярной, что по книге был снят фильм.

Книга насчитывает двести восемьдесят две страниц и состоит из пролога, шестнадцати глав и эпилога. К переводу я выбрала самое начало книги – пролог и первую главу, так как перевод середины или конца книги считаю нелогичным и вырванным из контекста.

Книга является политическим детективом, сюжет которого происходит в 1891 году в Москве, и описывает волну терроризма, вспыхнувшую в конце 19 века.

Дипломная работа расчленена на теоретическую и практическую части. Практическая часть – сам перевод части книги. Теоретическая часть – комментарий к переводу и анализ перевода.

Теоретическая часть описывает взгляды известных теоретиков перевода на письменный перевод и его положение. В данной части занимаюсь также позицией переводчика в процессе перевода, его задачами и подготовкой.

Дальше разбираются уже конкретные проблемные, но одновременно типичные вопросы, которые должен решать переводчик. Теоретические сведения буду демонстрировать на примерах из перевода книги.

К данному анализу используются прежде всего книги русских авторов или книги, написанные на русском языке. Так как не все вышеупомянутые книги доступны в чешских библиотеках, пришлось искать издания в электронном виде в интернете. Использование интернета в работе переводчика занимаюсь в одной из глав работы.

Цель работы заключается не только в анализе перевода, но и в определении проблем, с которыми переводчики встречаются в своей работе.

1 Перевод и его основные принципы

1.1 Перевод и его коммуникативный аспект

В.Н.Комиссаров определяет перевод как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причём его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении.¹

Перевод предполагает наличие двух коммуникантов говорящих на разных языках. И перевод обеспечивает передачу информации между двумя коммуникантами, которые не владеют как одинаковыми языками, так и фоновыми знаниями. Первый и второй аспект препятствует пониманию друг друга. В данной ситуации необходимым элементом общения выступает переводчик, как промежуточное звено.

Переводчик выполняет одновременно несколько функций²:

- 1) рецептор оригинала
- 2) создатель текста
- 3) объединяет речевые акты на исходном и переводящем языках.

Все три функции может выполнять лишь лицо, которое владеет обеими языками. Лицо, которое может извлекать информацию из оригинала и передать её на другом языке. При этом оно не может изменять информацию, структуру или содержание оригинала, добавлять что-либо от себя лично, выражать свои точки зрения. Перевод должен служить полноценной заменой подлинного текста. Переводчик также может выступать в качестве самостоятельного источника информации. В данном случае переводчик даёт дополнительную, изъяснительную информацию, но опять-таки не изменяя основную информацию.

Перевод, конечно, не является полностью объективной заменой подлинника. На переводчика, как и на автора оригинала, действует ряд факторов, таких как влияние традиций, культурной среды и личности переводчика. Дело в том, что переводчик может воспроизводить текст в отличающихся условиях другой культуры.³ Так как переводчик должен стремиться с одной стороны к объективному переводу, но с другой стороны не

¹ КОМИССАРОВ, Вилен, Наумович. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высш. шк., 1990. Стр. 44-45

² КОМИССАРОВ, Вилен, Наумович. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высш. шк., 1990. Стр. 46

³ HRALA, Milan. *K současným úvahám o překladau*. In *Translatologica Pragensia II*. Praha: Univerzita Karlova, 1986. Стр. 73

может избежать субъективной оценки, говорим о субъективно-объективном характере интерпретации. Поэтому часто встречаемся с противоположными вариантами перевода одной и той же книги.⁴

В письменном переводе существует текст на исходном языке, который должен быть переведён на другой, т.наз. переводящий язык. Из вышесказанного вытекает, что перевод является либо действием, либо результатом действия.

Л. С. Бархударов под понятием перевод как процесс понимает определенный вид языкового, точнее, межъязыкового преобразования или трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке.⁵ Перевод как действие происходит в голове переводчика. Переводчик сначала уясняет содержание оригинала текста, затем подбирает подходящие варианты перевода. Причем часто руководствуется своей интуицией. Результатом данного процесса является сам перевод. Он обладает определённым качеством. Качество перевода зависит от теоретической подготовки переводчика, но также и от опыта (см. «Начинающий переводчик»).

1.2 Эквивалентность перевода

Под эквивалентностью перевода В. С. Виноградов понимает «наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника.»⁶ То есть в максимальной степени сохранить содержание оригинала при передаче на другой язык. Но данное понятие относительное, так как уровень и специфика эквивалентности меняются в зависимости от способа и жанра текста на исходном языке.

«Процесс перевода или межъязыковая трансформация осуществляется не произвольно, а по каким-то определенным правилам, в каких-то строго определенных рамках, при выходе за которые мы уже лишаемся права говорить о переводе».⁷ Наличие разницы между системами исходного и переводящего языков ограничивает возможность перевода без любых утрат информации (которые могут выражать либо факты, либо эмоции). Л. С. Бархударов данное содержание (информацию), которая должна быть сохранена,

⁴ HOCHEL, Braňo. *Porovnávacía intepretácia prekladu*. In *Translatologica Pragensia II*. Praha: Univerzita Karlova, 1986. Стр. 183

⁵ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. Стр.6

⁶ ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. Стр.11

⁷ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. Стр.9

называет инвариантом. «Мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника».⁸

Любой текст носит коммуникативную задачу (факты или эмоции) и таким образом выполняет цель коммуникации. Естественно, задачей перевода – обеспечить передачу информации таким образом, при котором созданный на переводящем языке текст служит полноценной коммуникативной заменой оригинала и отождествляется подлинному тексту на исходном языке. «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения.»⁹ Но перевод никогда не может быть абсолютным эквивалентом оригинала. Всегда будут существовать потери. Но задача переводчика – минимизировать данные потери. Полное совпадение значений лексических единиц разных языков относительно редки. Такое бывает только у однозначных слов: географические названия, научные и технические термины, названия месяцев и дней недели, числительные и т.п.

С целью выражения определённой информации таким образом, чтобы сохранить коммуникативную цель высказывания, переводчик заменяет ситуацию для передачи цели коммуникации.

1.3 Прагматический перевод

С эквивалентностью перевода и коммуникативным аспектом узко связано понятие прагматического подхода к переводу. Художественный текст передаёт не только определённую информацию, но также определённым образом воздействует на читателя и вызывает эмоциональную реакцию. Именно перевод с прагматической точки зрения может передать как информацию, так и эмоции. Комиссаров определяет прагматический аспект как способность создать на переводящем языке текст, обладающий способностью оказывать аналогичное художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода.¹⁰ Л. С. Бархударов добавляет, что прагматическое значение определяется «как отношение между знаком и человеком (точнее, человеческим коллективом), пользующимся данным знаком».¹¹

⁸ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. Стр. 9

⁹ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. Стр.11

¹⁰ КОМИССАРОВ, Вилен, Наумович. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высш. шк., 1990. Стр. 220

¹¹ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. Стр.106

Чтобы создать прагматический перевод, переводчик выбирает подходящие языковые средства и должен владеть необходимыми фоновыми знаниями, как и носители исходного языка. Переводчик также учитывает, что читатель перевода принадлежит к другой культурной группе и не владеет знаниями, как носители исходного языка. Предположением для успешного выполнения посреднической функции переводчика является превосходное знание истории, культуры, литературы и обычаев народа говорящего на исходном языке.

1.4 Работа переводчика над переводом

«Перевод в любом случае представляет собой творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от переводчика целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов»¹². Переводчик в большей степени осуществляет данную деятельность интуитивно. Владение данным умением называется искусством перевода. Переводчик осуществляет творческую работу. Злата Куфнерова её определяет как способность переводчика опосредствовать содержание произведения и найти такой подход к переводу, когда в отдельности перевод отличается от оригинала, но в результате оба текста сходятся.¹³ «Переводческая деятельность по определению носит посреднический характер, поскольку ее цель заключается в том, чтобы сделать доступным для читателей перевода сообщение, сделанное автором оригинала на другом языке.»¹⁴

Богуслав Илек определяет последовательность работы переводчика. Т.е. правила, которые стоят перед переводчиком и которые он должен соблюдать.¹⁵ Как В. Н. Комиссаров, так и Илек утверждают, что перевод является одновременно искусством, знанием и умением. Но в переводе есть что-то, чему нельзя научиться, но всё-таки теория перевода своими правилами и принципами во многом упрощает и улучшает работу переводчика. Данные правила основаны на практическом опыте.¹⁶

Вначале переводчик знакомится с книгой. В течение первого чтения переводчик должен освободиться от своей роли переводчика и прочитать книгу как обычный читатель. Переводчик поймёт, стоит ли книгу переводить и какие реакции на книгу возникнут.

¹² КОМИССАРОВ, Вилен, Наумович. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высш. шк., 1990. Стр. 36-37

¹³ KUFNEROVÁ, Zlata. *Jazyková tvořivost v literárním překladu a lingvistická analýza*. In *Translatologica Pragensia V*. Praha: Univerzita Karlova. 1991. Стр. 23-24.

¹⁴ КОМИССАРОВ, Вилен, Наумович. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высш. шк., 1990. Стр. 40

¹⁵ ILEK, Bohuslav. *Metodika překládání*. In MORAVEC, Jaroslav (red.). *Kniha o překládání*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Стр. 72

¹⁶ ILEK, Bohuslav. *Metodika překládání*. In MORAVEC, Jaroslav (red.). *Kniha o překládání*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Стр.68

Переводчик определяет свое отношение к книге. После прочтения книги переводчик должен быть способен изложить все стороны книги.

Второй шаг переводчика – повторное чтение с примечаниями к тексту. В данный момент переводчик обдумывает возможные варианты перевода трудных мест. Возможные затруднения могут возникать тогда, когда переводчик в книге встречается с незнакомой ему лексикой. Когда действие романа происходит в определённой среде, и герои романа используют специальную лексику, в которой переводчик не разбирается. Переводчик должен данную лексику определить. Следовательно, переводчик должен разбираться в данной тематике не только на исходном языке, но также на переводящем, так как ему придётся искать подходящие эквиваленты.

Переводчику помогают словари, энциклопедии. Полезно для переводчика, когда он может обратиться к носителю языка и проконсультироваться не только по значению слова, но и по его экспрессивно-эмоциональной окраске. Особенно, когда в подлиннике используются диалекты. Я тоже несколько раз обращалась за помощью к носителю языка, без которого не смогла бы адекватно осуществить перевод.

В настоящее время неотъемлемой частью работы с информацией считается Интернет. Так как издание книг не успевает за скоростью развития некоторых отраслей науки. Следующим примером может служить невозможность переводчика доступа к нужной информации в печатных изданиях. С такой проблемой столкнулась и я. Так как мне не удалось приобрести нужные книги на тему дореволюционной системы силовых структур в России, пришлось искать терминологию в сети Интернет (об использовании Интернета см. «Исторические реалии»).

Переводчик должен понять, изучить и стараться подражать стилю автора. Стил проявляеся в выборе слов, построении предложений или образных выражений. Верный перевод – только такой перевод, который сохраняет уровень стиля подлинного текста. Важным пунктом при переводе является также сохранение динамики текста.

У реалий переводчик тщательно обдумывает, насколько полезно (или бесполезно) сохранять подлинные названия реалий. Учиывая то, что читатель может не знать культуру, в которой книга написана. Каждое использованное русское слово должно быть обосновано. Слишком много русских слов в подлинном варианте путает читателя, и читатель теряетя в названиях, которые не понимает. Данная проблема касается также имён собственных. Оставить ли русские имена в их подлинной форме или использовать чешское имя как эквивалент? Общераспространённым подходом к данной проблеме считается такой: если речь идёт о исторической личности, для которой в чешском языке существует чешский

эквивалент, он и используется. Примером служит имя *Франц-Фердинанд*, переведённое на чешский язык как *František Ferdinand*. В обратном случае, идёт ли речь о герое романа, имя транскрибируется, ибо чешские эквиваленты воздействовали бы скорее комически.

В русском тексте часто встречаются причастия и деепричастия, которые в чешском языке существуют, но не используются, так как звучат архаически. Переводчик их заменяет придаточными предложениями.

В конце подготовительной части перевода, переводчик понял текст книги, проник в стиль автора, справился с трудными местами и специальной лексикой, нашёл подходящие эквиваленты. Тогда переводчик приступает к самому переводу книги.

После перевода книги переводчик работу откладывает и через некоторое время к ней возвращается, читает книгу не как переводчик, а как читатель. Это позволяет переводчику позабыть о переводе и после некоторого времени он сможет увидеть те ошибки или недостатки, которые не видел из-за непосредственного влияния русского подлинника.

1.5 Начинаящий переводчик

Так как перевод части книги *Статский советник* считается моим первым большим переводом, хотелось бы остановиться на вопросе, касающемся проблем и ошибок, встречаемых и совершаемых начинающими и неопытными переводчиками.

Мирослав Йиндра во своей статье описывает три группы проблем, которые встречаются у начинающих переводчиков¹⁷:

- 1) трудности, связанные с языком оригинала;
- 2) трудности, связанные с языком перевода;
- 3) трудности, связанные с общей образованностью и культурной подготовкой переводчика.

Ad 1) Проблема заключается в ошибочном прочтении или понимании оригинала. Такие случаи происходят, когда начинающий переводчик не прочитал достаточного количества книг на языке оригинала. Т.е. отсутствует опыт работы с языком оригинала. Так называемый «начитанный» переводчик лучше понимает реалии или культурные традиции, связанные с языком. Переводчик незнающий или не понимающий культуру и реалии данного языка, может совершать грубые культурные ошибки, часто даже смешные.

¹⁷ JINDRA, Miroslav. *K některým problémům začínajících překladatelů umělecké literatury*. In *Translatologica Pragensia II*. Praha: Univerzita Karlova, 1986. Стр.404-406

На мой взгляд, чем меньше опыта у переводчика, тем чаще он должен пользоваться помощью человека, родной язык которого является исходным языком. Так как он может оказать переводчику помощь не только в области морфологического и синтаксического анализа текста, но также в области реалий и культуры. Переводчик таким образом может избежать вышеупомянутых ошибок.

Ad2) Переводчик в высшей степени должен владеть своим родным языком. Частой проблемой является интерпункция в тексте. Поэтому начинающий переводчик, который полностью не уверен в своих знаниях правил чешского языка, должен доверить конечную проверку перевода специалисту.

Так как начинающий переводчик имеет небольшой опыт, появляются проблемы в области адекватности перевода. С одной стороны переводчик сильно придерживается оригинала и перевод будет слишком дословным. Или с другой стороны, переводчик создаёт слишком вольный перевод, в котором иногда необоснованно выпускает или добавляет предложения или абзацы.

Ad3) Необходимым компонентом в работе переводчика является общая образованность и культурный кругозор. То, чему переводчики научились в общеобразовательных учреждениях не хватает. Переводчик должен постоянно развивать свои знания.

1.6 Работа со словарём

«Переводчик во своей работе никогда не может опираться на догадки, предположения, а должен со всех сторон подробно изучать и исследовать текст.»¹⁸ Из данной цитаты вытекает, что работа со словарём представляет важную часть работы над переводом.

Иногда переводчик обнаружит подходящее для текста выражение. Но иногда искаемое в словаре слово своим значением совсем не подходит к контексту. Тогда переводчик ищет его синонимические значения.

Необходимым пособием в моей работе стал толковый словарь Ушакова в электронном виде¹⁹. Так как в тексте встречалось много устаревших или мне незнакомых слов, словарь Ушакова дал мне полное определение выражений с примерами из разных произведений, которые помогли понять значение. Наряду с пояснением значения, в скобках даются замечания: от какого языка происходит слово, какую часть речи обозначает, к какому стилю относится и т.п.

¹⁸ JENLIČKA, Miloslav. *O práci překladatele s ruským slovníkem*. In MORAVEC, Jaroslav (red.). *Kniha o překládání*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Стр. 330

¹⁹ УШАКОВ, Дмитрий Николаевич. *Большой толковый словарь современного русского языка*. [online]. [cit.2009]. Dostupnost z <<http://ushdict.narod.ru/>>.

1.7 Перевод сегодня

Значение перевода в современном обществе растёт. Его важное положение обусловлено постоянно повышающимся количеством контактов между странами, народами, культурами. Т.наз. глобализация сокращает расстояния и сближает культуры. Одним из результатов такого сближения является желание познакомиться с литературой другой страны. И здесь посредником становится перевод.

Количество переводов с определённого языка меняется в зависимости от исторических событий и модных трендов. До 1989 года количество переводов с русского на чешский было достаточным. Однако переломный 1989 год в истории отношений России и Чехии резко прекратил переводы. Тогда модным трендом стали переводы с английского языка. Отношения между обеими странами обновляются, и обновляется традиция переводов.

Ситуацию с переводами чешских книг на российском рынке изучила Зденька Выходилова.²⁰ Ежегодно в России печатается около десяти книжных переводов и чуть больше публикуются в журналах. Чешские переводы издаются лишь в московских и петербургских издательствах (напр. *Азбука, Амфора, Иностранка, Аграф*). Важную роль в распространении чешской литературы играют литературные журналы. Но не только журналы обеспечивают ознакомление российской публики с чешской литературой. В Чешском центре в Москве проходят встречи чешских авторов с читателями и презентации их книг, переведенных на русский язык. В Санкт-Петербурге в области пропаганды чешской культуры и литературы работает *Общество братьев Чапек*.

В 90-х годах из чешских авторов на российском рынке лидировали: Богумил Грабал, Милан Кундера и Вацлав Гавел. Работа последнего была практически полностью переведена. Однако самым популярным и известным остаётся Милан Кундера. Из современных авторов пользуется популярностью Михал Вивег (*Лучшие годы-несу под хост, Летописцы отцовской любви, Игра на вылет*). Одной из самых популярных звёзд на книжном рынке остаётся *Швейк* Ярослава Гашека.

Всё-таки сегодня количество переводов с русского на чешский язык небольшое. Если конкретно говорить про Бориса Акунина, на чешский язык была переведена лишь малая часть его произведений, хотя Борис Акунин считается одним из самых успешных и издаваемых современных русских авторов.²¹ Книги Б.Акунина, переведенные на чешский язык: *Leviatan*

²⁰ VYCHODILOVÁ, Zdeňka. *K překládání české beletrie do ruštiny v posledních dvou desetiletích*. In KALIVODOVÁ, Eva a kol. *Tajemná translologie*. Praha: Ústav translologie FF UK. 2008. Стр. 55-65

²¹ *Лента.ру: издание Rambler Media Group*. [online]. [cit. 2009-10-10]. Dostupný z <<http://www.lenta.ru/lib/14183665/>>.

- *Левиафан, Zvláštní úkoly – Особые поручения, Turecký gambit – Турецкий гамбит, Achillova smrt – Смерть Ахиллеса, Případ Azazel – Азазель, Tajemství zlatého tolobasu – Алтын-толобас.*

Ежегодно в начале декабря в Москве проходит книжная ярмарка под названием *Международная ярмарка интеллектуальной литературы NON/FICTION*.^{22,23} В 2009 году ее почётным гостем стала Чешская республика. На торжественном открытии выставки присутствовал Министр культуры Чешской Республики Вацлав Ридлбаух. На выставке, прошедшей под эгидой Министерства культуры ЧР, компании *Свет книги* и Чешского центра в Москве, были представлены экспозиции лучших книжных иллюстраторов, выставка *Самые красивые чешские книги 2008* и подборка русских переводов чешской литературы. Также прошла презентация туристических сборников и путеводителей по Праге, документальных фильмов о Чехии. Посетители выставки могли лично познакомиться с авторами чешских бестселлеров Михалом Вивегом и Яхимом Тополом.

²² *Выставочные проекты ЭКСПО-ПАРК*. [online]. [cit. 2009-12-11]. Dostupný z <http://www.expopark.ru/RU/Non_Fiction.shtml?id=20&languash=RU&basket=&mode=full_news&id_news=3869>

²³ *Клуб любителей аудиокниг*. [online]. [cit. 2009-12-11]. Dostupný z <<http://abookclub.ru/news/index.php?ID=11359>>

2 Статский советник

2.1 Автор произведения

Борис Акунин – творческий псевдоним писателя Григория Шалвовича Чхартишвили. Он родился 20 мая 1956 года в Грузии. Закончил историко-филологическое отделение Института стран Азии и Африки МГУ и стал японоведом. Работал заместителем редактора газеты *Иностранная литература*, также занимался переводами с японского и английского языков. Он является главным редактором 20-томной *Антологии японской литературы* и председателем правления проекта *Пушкинская библиотека*.

В 1998 году Григорий Чхартишвили начал писать под псевдонимом Борис Акунин. И здесь проявилось влияние японского языка, так как слово «*акунин*» в переводе с японского обозначает *злой человек* или *разбойник*.

Автор приобрел популярность благодаря книгам про Эраста Петровича Фандорина. Каждое произведение точно датировано (*Азазель* - 1876 год, *Турецкий гамбит* - 1877 год, *Левиафан* - 1878 год, *Смерть Ахиллеса* - 1882 год, *Пиковый валет* - 1886 год, *Декоратор* - 1889 год, *Статский советник* - 1891 год, *Коронация* - 1896 год, *Любовница смерти* - 1900 год, *Любовник смерти* - 1900 год, *Алмазная колесница* – 1878 и 1905 годы, *Нефритовые четки* - 1881-1900 годы).²⁴

По книгам *Азазель*, *Турецкий гамбит*, *Пелагия и белый бульгод* и *Статский советник* были сняты фильмы, к которым сам Акунин написал сценарии. Кроме Эраста Петровича Фандорина, Акунин также создал такие персонажи, как сестра Пелагея, Николай Фандорин (внук Эраста Петровича) и описал их приключения.

Интересной попыткой в области романов стала книга Акунина *Квест*. Это приключенческий роман и одновременно компьютерная игра. Произведение построено по законам и логике компьютерной игры. Читателю предлагается необычная возможность — разгадать вместе с героем одну из главных тайн человечества, для чего придется отправиться в Советский Союз тридцатых годов, а оттуда перенестись в еще более отдаленную эпоху.

Акунин также является автором пьес. В 2000 году газетой *Комсомольская правда* он был признан *Писателем года*. В 2007 году получил премию за лучший перевод с японского языка сочинений японского писателя и драматурга Юкио Мисимы. В 2009 году Борис Акунин стал кавалером ордена Восходящего солнца четвертой степени. Награждение

²⁴ *Официальный сайт Эраста Петровича*. [online]. [cit. 2009-10-10]. Dostupný z <<http://www.fandorin.ru/akunin/akuninworks.html>>

состоялось в японском посольстве в Москве. 10 августа 2009 года за вклад в развитие культурных связей между Россией и Японией Акунину была присуждена премия фонда, действующего под эгидой правительства Японии.

Бориса Акунина называют одним из самых издаваемых современных авторов в России. Его успех также отмечен и за рубежом.²⁵

2.2 Произведение

Роман *Статский советник* является книгой из серии приключений Эраста Петровича Фандорина. Общее количество книг из данной серии составляет 12.

Каждая книга точно датированна и характер героя с возрастом меняется. *Статский советник* происходит в 1891 году в Москве.

Главный герой – Эраст Петрович Фандорин – во многом напоминает известных детективов как Эркюль Пуаро или Шерлок Холмс. Особенно своими странными привычками и причудами, за которыми скрывается гениальность и талант решать преступления.

Детектив *Статский советник* затрагивает тему политического терроризма. Как сам автор книги заметил, данная тема актуальна и сегодня. Трагична также в том смысле, что люди готовы совершать чудовищные злодеяния во имя блага и добра и жертвовать своей жизнью или жизнью других людей.

Борис Акунин во своих книгах также нарушает правило детективов, что сыщик не должен оказываться преступником. Не сразу читатель обнаружит данный факт, а постепенно. Под сомнение подвергает Фандорин даже самого Императора, которому нельзя верить.

Акунин блестящим способом владеет историческими фактами, которые включает в роман. Исторический фон не придуман, а отвечает действительности. Даже персонажи созданы на основе действительных личностей того времени. Как мне удалось узнать, как минимум четыре персонажа из книги своими именами и должностями отвечают действительным московским чиновникам. Акунин чётко изучил систему силовых структур в России в конце 19 века и свои знания непринуждено включает в книги. О именах упомянуто в статье «Имена собственные».

²⁵ Лента.ру: издание Rambler Media Group.[online]. [cit. 2009-10-10]. Dostupný z <<http://www.lenta.ru/lib/14183665/>>.

3 Анализ произведения с переводческой точки зрения

3.1 Реалии

Реалии считаются носителями культуры, являются частью нации, от которой происходят. «Перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины»²⁶. Задача реалий – передача национального своеобразия языка.

Реалии являются словами, или же словосочетаниями, которые встречаются в языке одной нации, но не существуют в языке другой. Вышеуказанную проблему, то есть проблему перевода реалий, должен решать каждый переводчик.

Приходится различать выражения, не принимаемые в качестве реалий, хотя данные выражения (реалии) в переводящем языке не встречаются. Речь идёт о реалиях, которые не определяют колорит или культуру нации. Например, слово *тигр* или *зебра* в переводе на чешский язык не могут служить реалиями, поскольку данные животные в дикой природе у нас не встречаются и в словарный запас чешского языка попали из других языков. Вышеупомянутые животные не встречаются не только в одной стране или культуре, но на целом континенте, т.е. в нескольких культурах. Данные слова придают тексту лишь экзотический оттенок. Называются *экзотизмами*. В книге *Непереводимое в переводе* перечисляются такие слова, как *пальма* или *снег*.²⁷

Приведем несколько примеров определений реалий.

«Слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чужие другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода».²⁸

²⁶ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.14

²⁷ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.39

²⁸ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.55

«Социокультурный уклад определенной национальной общности имеет свои особенности, отличающие его от других национальных укладов. Эти особенности отражаются в лексике и составляют в ней фоновую информацию, передающую сведения о национальных формах, видах и проявлениях духовной и материальной культуры.»²⁹

Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся термины, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу. Например, названия блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев, видов устного народного творчества и т.д. Сюда же входят слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления, торговые и общественные заведения и пр.³⁰

С понятием «реалия» узко связано также понятие фоновая информация, которая упомянута выше. В теории перевода фоновые информации (знания) часто называют реалиями. Виноградов такие фоновые знания определяет как «социокультурные сведения характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности».³¹ Виноградов дальше отмечает: «Содержание фоновой информации охватывает прежде всего специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п.»³² Переводчик также должен знать, к какому периоду времени в истории страны та или другая фоновая информация относится.

3.1.1 Реалия и термин

Авторы книги *Непереводимое в переводе* указывают на то, что реалии часто понимаются как термины. Они отмечают следующие различия: термин не имеет национальной принадлежности. Термин не принадлежит ни к одному из языков. Реалия же, напротив, принадлежит к определённому языку и культуре. Она тесно связана с данным

²⁹ ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. Стр.58

³⁰ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. Стр.

³¹ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.36

³² ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. Стр.36-37

языком.³³ Термин является сверхнациональным, тогда как реалия национальна. Многие термины возникают искусственным путём. Большинство терминов по происхождению либо греческие, либо латинские.

То есть, реалия представляет собой слово, происходящее из данного языка, поскольку она тесно связана с жизнью и культурой нации. Данное определение резко отличает реалию от термина.

3.1.2 Термин

Несмотря на то, что книга *Статский советник* является художественным произведением, здесь встречаются термины технического, общественно-научного и прочего характера.

Использование терминов в художественных произведениях обусловлено тематикой, содержанием книги. Термины в книге *Статский советник* касаются прежде всего области военного дела и полиции.

Чаще всего встречаемся с воинскими званиями: *генерал, генерал-адъютант, адъютант, подполковник, полковник, штаб-ротмистр; полицейскими должностями: обер-полицмейстер, жандарм, жандармерия, городской; гражданскими чинами: статский советник, коллежский советник, коллежский асессор; названиями одежды военных и полицейских (аксельбант).*

Термины не переводятся, а замещаются. Данный подход обозначает, что на практике переводчик не может дословно перевести слова, а ищет эквиваленты в языке перевода, т.е. также термины. Простейший вариант для переводчика такой, когда существует одинаковый по смыслу и содержанию термин.

К примеру: *жандарм – četník, жандармерия – četnická stanice, генерал – generál, подполковник - podplukovník, полковник - plukovník, штаб-ротмистр – štábní rotmistr, коллежский советник – kolegiální rada* и т.п.

Проблемы возникают в том случае, когда содержание или смысл терминов в исходном и переводящем языке не совпадают. Переводчик должен искать взаимосвязь или приблизительное соответствие. Это представляет собой ознакомление переводчика с данной тематикой на исходном и переводящем языке. В моём случае, я была вынуждена сначала ознакомиться с дореволюционными званиями Российской империи, иерархией должностей и званий силовых структур того времени, названиями элементов одежды военных. Такой же

³³ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.17

процесс ознакомления я совершила и в случае вышеупомянутых терминов в австро-венгерской армии. Я решила сопоставить дореволюционную Россию с Чешскими землями, когда они входили в состав Австро-Венгрии.

3.1.3 Реалия и иноязычное вкрапление в тексте

Иноязычные слова или целые предложения в тексте не считаются реалиями. В русских романах чаще всего читатель встречается с французским языком, на котором говорили образованные граждане, так как русское образованное общество конца 18 - начале 19 веков было двуязычным. Французский язык вышел на первое место по степени распространенности в российском обществе. Ярким примером служит роман *Война и мир* Л.Н.Толстого, где персонажи ведут продолжительные диалоги на французском языке. Несмотря на то, что данные иноязычные вкрапления не считаются реалиями, они частично несут характер реалий. Они приводились намеренно на французском языке и их цель – показать читателю культуру, стиль жизни и характер героев. В данном случае, французский язык в речи героев 18 и 19 веков показывает их образованность и принадлежность к высшим слоям общества.

В романе *Статский советник* представлено лишь одно предложение на французском языке: *Agents provocateurs*, в переводе *agenti provokatěři*. И в вышеуказанном примере данное восклицание показывает на образованность героя, т.е. на знание французского языка.

3.1.4 Классификация реалий ³⁴

В качестве примеров в отдельных подгруппах классификации я привожу конкретные слова, которые встречаются в романе *Статский советник*.

I. Предметное деление

A. Географические реалии

К данной группе принадлежат названия объектов физической географии, метеорологии, географические объекты, связанные с деятельностью человека, например: *Сибирь, Москва, Санкт - Петербург, Клин*.

B. Этнографические реалии

Реалии, выражающие в себе культуру, повседневную жизнь, обычаи, религию, искусство. В романе встречаем такие слова, как: *самовар, кинжал, баня, рубль, верста, дюйм*.

³⁴ Классификация реалий по Влахову и Флорину. ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр 59

С. Общественно-политические реалии

Сюда относятся административно-территориальные единицы, наименования органов власти, правителей, политических движений и социальных явлений, титулов, должностей и званий. Примеры из текста: *губерния, губернатор, опричник, царь*.

Авторы Влахов и Флорин в данную подгруппу включают и воинские реалии, а именно воинские звания, или гражданские чины. С данной точкой зрения я не согласна. Воинские звания или гражданские чины не могут служить реалиями, так как реалии являются «носителями культуры, являются частью нации, от которой происходят» или «встречаются в исходном языке одной нации, но не существует в языке другой нации». Такие слова, как: *жандарм, жандармерия, генерал, подполковник, полковник, штаб-ротмистр, статский советник, коллежский асессор, князь, дворянин* встречаются и в других языках, и имеют даже одинаковое значение.³⁵ Вышеприведённые слова из книги *Статский советник* я включила в группу терминов, а именно воинских терминов и терминов из области гражданских чинов.

II. Местное деление

А. На уровне одного языка

Различаются так называемые «свои реалии» и «чужие реалии».

1) За «свои реалии» принимаем либо исконно русские слова, обозначающие реалии (напр. *самовар, баня*), либо слова, заимствованные из других языков, но обозначающие тоже русскую реалию. Речь идёт о языках народов и народностей, принадлежащих к Российской империи. Например: *кинжал* - слово арабского происхождения³⁶, попавшее в русский язык посредством кавказских народов.

2) Чужие реалии - это слова, проникшие в русский язык, но не обозначающие русские реалии. Данные слова были либо транскрибированы,

³⁵ Слова «статский советник, дворянин, князь» Влахов и Флорин приводят в качестве примеров во своей книге. Стр 56

³⁶ УШАКОВ, Дмитрий Николаевич. *Большой толковый словарь современного русского языка*. [online]. [cit. 2009-07-17]. Dostupný z < <http://ushdict.narod.ru/> > .

либо образованы методом кальки. Примером служит слово *дюйм*, которое происходит из голландского языка (*duim*)³⁷ и обозначает единицу измерения.

В. На уровне двух языков

С данной точки зрения разделяем реалии на внешние и внутренние.

1) Внешние реалии – это такие реалии, которые являются чужими для обоих языков. Рассматривая чешский и русский языки, внешней реалией будет например *фондю* (швейц.) или *айнтонф* (нем.). То есть реалия, которая не встречается ни в одном из вышеупомянутых языков.

Внутренняя реалия, напротив, – это реалия, принадлежащая одному из пары языков. Таким образом, слово *айнтонф* являлось бы внутренней реалией в переводе чешский-немецкий или русский-немецкий.

2) Внутренние реалии делятся на национальные, региональные, интернациональные и микрореалии.

а. Национальные реалии представляют такие реалии, которые принадлежат одной нации, одной культуре, но они чужие для другой культуры. К ним относится большинство реалий. В романе к ним принадлежит слово *опричник*.

б. Региональные реалии своим значением переходят границы данной культуры или страны и проникают в другие культуры «Слова нерусского происхождения, так называемые тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т.д., которые можно было бы назвать дважды безэквивалентными: сначала они не имели эквивалентов с точки зрения русского языка и это обусловило их заимствование; теперь они не имеют эквивалентов уже с точки зрения иностранных языков по отношению к русскому».³⁸ Примером служат советизмы: *совет*, *большевик*, *колхоз*, которые были транскрибированы во все языки. В романе советизмы не встречаются. Однако большинство региональных реалий является реалиями общими для стран бывшего Советского союза или для территорий, принадлежащих в свое время к Российской империи. Поэтому *самовар*, *баня*, *верста* считаются региональными реалиями, ибо они встречаются не только в России.

³⁷ УШАКОВ, Дмитрий Николаевич. *Большой толковый словарь современного русского языка*. [online]. [cit. 2009-07-17]. Доступно з < <http://ushdict.narod.ru/> > .

³⁸ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*, издание 3-ье, Москва, 1983 In ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.68

с. Интернациональные реалии по своей сущности похожи на региональные. Данные реалии также пересекли границы страны и культуры. Как пишут Влахов и Флорин: «Их содержание может отличаться от первоначального, исходного».³⁹ Далее приводят пример: *ковбой*, *сомbrero*. Даже ни в чешском языке слова *kovboj* či *sombrero* не соответствуют своим содержанием действительному значению в исходном языке. В переведенном тексте интернациональные реалии не встречаются.

d. Микрореалии в тексте не появляются. Данные реалии специфичны тем, что они принадлежат к определённой географической территории, городу или социальной группе.

III. Временное деление

У реалий рассматриваются отношение времени и предмету, времени и места и их проникновение в язык

A. Реалии в отношении предмета и времени

Отношение времени у реалий очень важно, ибо вместе с меняющейся культурой, с которой реальия связана, меняется и сама реальия. На основании критерия времени делятся реалии на современные и исторические. С данной точки зрения происходят сдвиги. Современная реальия может превратиться в реальию историческую. Такой сдвиг может произойти и в обратном порядке. Примером служит реальия *губернатор*. До 1917 года являлась современной реальией. После революции в том же году была данная функция отменена и стала таким образом исторической реальией. В настоящее время данная функция после её обновления опять существует и является современной реальией.

B. Реалии в отношении места и времени

Некоторые реалии рассматриваются с точки зрения и времени а национальной принадлежности. Такими реалиями бывают например *губерния* или *опричник*. Они принадлежать к русскому народу, но также ограничены временем.

³⁹ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.70

С. Проникновение чужих реалий

Также проникновение чужих реалий связано со временем. Иностранные элементы поступают в язык в периоды времени, когда язык и народ сталкиваются с другими культурами. Люди принимали реалии и одновременно и их названия.

В русской культуре существует период времени, который непосредственно связан с книгой *Статский советник*, а то эпоха Петра I. В данном периоде времени поступает в русский язык огромное количество западноевропейских терминов и реалий. « В конце 17 — начале 18 вв. Петр I ввёл в созданной им регулярной армии единую систему 3. в. (чинов) западно-европейского типа, которые были окончательно оформлены Табелью о рангах от 24 января 1722. Большинство их просуществовало до 1917.»⁴⁰ Это практически все военные или полицейские названия, которые в книге встречаются.

По степени освоенности реалии разделяются на знакомые и незнакомые. Главную роль играет время и частота использования в языке. Чем чаще встречается читатель в данной реалией в тексте, тем быстрее становится реализия знакомой. Известность реалии читательской публике – важная информация для переводчика. Переводчик должен знать, знакомая ли реализия совсем или не знакомая вообще. Третьей возможностью, с которой я встретила, была ошибочное представление о содержанию реалии, когда читатель понимает под реалией совсем другое значение. На основании данной информации переводчик решает, как данную реалию переводить. И мне пришлось узнавать, насколько реалии, которые встречаются в тексте, знакомы (или не знакомы). Речь идёт о реалиях: *верста*, *кинжал*, *губернатор*, *губерния*, *баня*, *самовар*, у которых я сомневалась, знает ли читатель их значение. Поэтому я провела опрос среди своих знакомых, которые не знакомы с русской культурой, знают ли они вышеуказанные слова. Известными словами были *самовар*, наоборот совсем незнакомые слова были *верста* и *кинжал*.

3.1.5 Перевод реалий

Выражение «перевод реалий» считается условным. Из всех дефиниций реалий вытекает, что реализия непереводаема. Значение реалии следует читателю передать. Переводчик встречается с двумя основными затруднениями при их переводе:

- 1) В переводящем языке отсутствует выражение для переводимой реалии, так как в переводящем языке данная реализия отсутствует.

⁴⁰ *Воинские звания по табели о рангах от 24.01.1722 (с изменениями)*. [online]. [cit. 2009-02-17] Dostupný z < <http://www.soldat.ru/spravka/rank/table1.html> >

- 2) Вместе с семантическим значением требуется перевести и внутреннюю коннотацию реалии.

3.1.6 Осмысление реалий

А. Знание реалии

Интернациональные реалии бывают в большинстве случаев читателю известны, поскольку с ними встречается в СМИ. Читатель о них создал определённое представление. Однако переводчик должен проверить, отвечает ли значение реалии в исходном языке значению реалии в языке переводящем.

У слов *цар*, *самовар* я предполагала известность данных реалий читателю. Свои предположения я проверила опросом (см. выше).

В. Контекстуальное осмысление

В данном случае переводчик рассчитывает на то, что читатель поймёт значение реалии из контекста. Слова *губерния*, *губернатор* я не переводила, ибо предполагаю, что читатель поймёт, что речь идёт о названии административной единицы, которую можно приравнять к чешским административным единицам под названием *kraj*. И что *губернатор* обозначает чиновника, управляющего губернией. Для правильного понятия читателю помогают в тексте словосочитания: *bude jmenován gubernátorem* и *území moskevské gubernie*. Из данных вспомогательных предложений и словосочетаний можно сделать вывод о значении реалий.

3.1.7 Приёмы передачи смысла реалии

1. Выделение реалии кавычками, либо курсивом или сохранение орфографии (латинского шрифта – в текстах напечатанных русским шрифтом). В таком случае читатель поймёт, что слово является реалией или особым словом, однако не поймёт его смысла.
2. Расширение смысловой основы реалии. Например, предложением или словом, разъясняющим значение реалии.
Dojdu pro samovar s čajem.
3. Употребление вместе с реалией нейтрального слова, синонима, пояснение смысла прямо в тексте. Данный подход я выбрала при переводе слова *кинжал*, смысл которого, я предполагаю, читателю неясен. При первом упоминании данного слова я использовала подлинное название и в следующем предложении уже чешское нейтральное слово *dýka*, благодаря которому читатель догадается о смысле слова.
Nebyl v ní však žádný telegram, ale krátký kinžál. Dýka pronikla generálovi přímo do srdce.

4. Примечания, появившиеся на той же странице, где и реалия, употребляются в случае, когда реалия требует подробного изложения и переводчик не может слишком вмешиваться в содержание (напр. прямая речь в пьесе).
5. Глоссарии или списки в конце книги являются для переводчика простейшим вариантом, куда может данную реалию внести и подробно прокомментировать. Вышеприведённый вариант осложняет читателю чтение книги, ибо читателя заставляют искать незнакомое слово в глоссарии и таким образом прерывать чтение.

3.1.8 Приёмы передачи реалий в переводе

1) Транскрипция и транслитерация

«Транскрипция – передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв русского алфавита.»⁴¹

«Транслитерация - передача букв иноязычного слова при помощи букв русского алфавита.»⁴² В нашем случае у обоих определений речь идёт о буквах чешского алфавита.

Данные два подхода используются при передаче имён собственных, географических наименований, названий газет и журналов, одежды, т.е. безэквивалентной лексики. Переводчик не может ими злоупотреблять, ибо ни транслитерация, ни транскрипция не раскрывают значение слова. Если всё-таки переводчик хочет использовать вышеупомянутые подходы и хочет оставить незнакомое для читателя слово в подлинном звучании, переводчик должен добавить к данному слову пояснение.

2) Перевод

Перевод употребляется в случае, когда транскрипция или транслитерация невозможны.

1. Неологизм - сохраняет колорит и содержание реалии. Новое слово, которое возникает и является калькой или полукалькой.

Как определяет Л. С. Бархударов, калькирование заключается в передаче безэквивалентной лексики ИЯ при помощи замены ее составных частей — морфем

⁴¹ РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. [online]. [cit. 2009-10-29]. Dostupný z < http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/t.php>

⁴² РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. [online]. [cit. 2009-10-29]. Dostupný z < http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/t.php>

или слов (в случае устойчивых словосочетаний), их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ.⁴³

2. Приблизительный перевод, или же перевод при помощи аналога, представляет перевод, при котором переводчик ищет в переводящем языке слово с точным соответствием или похожим значением. Таким образом, я заменила слово *империял*, которое чешскому читателю совсем незнакомо, на аналог *zlaťák*, которое по историческому значению вполне заменяет русское слово.

Следует осознать, что аналоги могут иногда создать у читателя неправильно представление о сущности описываемого предмета или явления.⁴⁴ Поэтому, хотя русское слово *училище* имеет в чешском языке эквивалент *učiliště*, но представление чешских читателей о значении данного слово в чешском языке могло бы негативно повлиять на понимание значения в русском языке. Так как школу под названием *učiliště* заканчивают не офицеры, а рабочие в области ручной работы (токарь, повар, швея и т.п.). Самым подходящим переводом для данного слова является нейтральное словосочетание *důstojnická škola*.

3. В описательном переводе переводчик раскрывает значение слова при помощи развернутых словосочетаний или предложений. Переводчик даёт вместе с реалией и её определение. Примером служит описательный перевод слова кинжал. В первом предложении я сохранила слово при помощи транскрипции. Но в следующем предложении я разъяснила значение слова при помощи нейтрального чешского слова *dýka*. Хотя описательный перевод считается неэкономным решением, переводчик, используя в дальнейшем транскрибированное слово, уже без описания, читатель будет понимать его значение.

3.1.9 Перевод мер

«Наименования мер, обозначающих единицы веса, длины, площади, объема жидкостей (сыпучих тел) и т. д., обладают, с точки зрения перевода, некоторыми особенностями, которые заслуживают внимания.»⁴⁵ Такое обозначение является типичной реалией. Они представляют собой важного носителя информации. Читатель не владеет представлением о реальных величинах этих мер. Поэтому переводчик подаёт данную

⁴³ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. 99

⁴⁴ БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975. 102

⁴⁵ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.153

информацию таким образом, чтобы читатель догадался об их значении. С целью сохранить колорит, который реалия-мера в себе несёт, переводчик должен знать, насколько данная реалия читателю знакома. В книге *Статский советник* встречаемся с тремя реалиями-мерами: *империал, верста и дюйм*.

Третья вышеуказанная реалия имеет соответствие в чешском языке, а то *palec*. В данном случае просто заменяем слова. У первой и второй реалий уже возникают проблемы с переводом, так как в чешском языке соответствий нет.

Слово *империал* обозначает российскую золотую монету, которая чеканилась в 1755—1805 и в 1885—1917 годах, и своё название получила название в связи с декларативной надписью *Имперская российская монета*.⁴⁶ Чешскому читателю данная монета совсем не знакома. Поэтому необходимо было её заменить более близким чешскому читателю названием монеты, которая обращалась в то же время в чешских землях. Такой монетой является *zlaťák*, указывающий одновременно на золотой цвет монеты, который играет важную роль в контексте.

У слова *верста* из контекста читатель может догадаться, что речь идёт о единице длины, т.е. автор говорит об определённом расстоянии. Но дальше читатель не имеет даже приблизительного представления, сколько километров или метром верста обозначает. Так как слово *верста* не несёт основной колорит и её отсутствием не уменьшится русский колорит книги, я заменила версту *километром* и таким образом читатель поймёт данное расстояние. «Поэтому в ряде случаев художественный образ при переводе намного выигрывает в яркости и четкости, если читатель вместо непонятной чужой реалии встретит реалию знакомую, привычную, которая создает в его воображении требуемый образ.»⁴⁷

3.1.10 Имена собственные

Как пишут Влахов и Флорин: «...имя собственное, как правило, при переводе заимствуется, транскрибируется, но как исключение, может подвергаться переводу;»⁴⁸.

Транскрипция представляет собой передачу звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв русского алфавита, таким образом, чтобы сохранилась в самой высокой степени фонетическая близость обеих имён. Транслитерация является передачей букв иноязычного

⁴⁶ Российское агентство международной информации РИА Новости. [online]. [cit.2009-11-01]. Dostupný z <<http://www.rian.ru/economy/20090406/167241576.html>>

⁴⁷ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.158

⁴⁸ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.208

слова при помощи букв русского алфавита.⁴⁹ В ряде случаев транскрипция носит условный характер, так как у звуков языка оригинала нет приблизительно соответствующих им звуков и букв в языке перевода.⁵⁰ На практике чешской букве *h* несуществующей на русском языке отвечает буква *г*. Поэтому и название улицы *Гнездниковская* было переведено как *Hnězdníkovká*, потому что в корне слова чувствуется намёк на слово *гнездо* (чеш. *hnízdo*). Таким же образом не учитываются при транскрипции мягкие или твёрдые знаки, если их нельзя выразить при помощи чешского алфавита.⁵¹ Таким образом, в транскрипции имён *Григорьевич, Смольянинов, Мыльников, Витальевич* на чешский, присутствие мягкого знака не проявится.

Следующей проблемой стала буква *щ*, которая может транскрибироваться по-разному. Официально в чешских книгах и учебниках разъясняется произношение данной буквы как сочетание двух букв *sh* и *č* (чеш. *šč*). Но на мой взгляд, данное произношение полностью не соответствует действительности. Настоящее произношение данной буквы звучит ближе сочетанию чешских букв *š* и *j*. Поэтому и я решила использовать последний вариант транскрипции с помощью чешских букв *š* и *j*, у имени Ведищев (чеш. *Vědišjev*).

В транскрипции также не учитывается ударение и безударное *о*, которое произносится как *а*. В чешском языке ударение неподвижное, всегда на первом слоге, поэтому и у имён будет ударение в начале слова. Но в транскрипции русских имён сохраняется написание безударного *о*, как *о*. Поэтому перечисленные русские имена и фамилии произносим следующим образом: *Хранов – Chrapov, Полина – Polina, Скокова – Skokovová, Долгорукой – Dolgorukij*, а не *Chrapav, Palina, Skakovová, Dalgarukij*.⁵²

Так как книга переводится с русского языка на чешский, рассматривается решение транскрипции или перевода из одной графической системы в другую. Данный вопрос не рассматривается в случае переводов с латиницы в латиницу. Здесь сохраняется подлинное название без графических изменений.

Типичным явлением в чешском языке – образование женских фамилий при помощи окончания *–ова* (чеш. *přechylování*). Таким образом, к русским женским фамилиям я добавляла окончание *–ова* (*студентка Скокова – studentka Skokovová, Иванцова – Ivancovová*).

⁴⁹ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.208

⁵⁰ КОМИССАРОВ, Вилен Наумович. *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС & Polyglossum, 2000–2001. Стр.165

⁵¹ HAUSENBLAS, Karel. *Psaní a skloňování ruských jmen vlastních v češtině*. In MORAVEC, Jaroslav (red.). *Kniha o překládání*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Стр. 200-201

⁵² HAUSENBLAS, Karel. *Psaní a skloňování ruských jmen vlastních v češtině*. In MORAVEC, Jaroslav (red.). *Kniha o překládání*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953. Стр. 204

Так как книга переводится в первый раз и традиционного написания имён не существует, все имена собственные я транскрибировала. С учётом максимального сохранения фонетического произношения в русском языке. Переводить имена собственные не требовалось, так как данные имена не содержат внутреннюю характеристику персонажа.⁵³ Хотя имена персонажей в романе *Статский советник* автор выбрал неслучайно. Они похожи на имена реальных людей, занимающих во время действия романа те же посты, как и персонажи в романе.

*Долгорукой Владимир Андреевич – Долгоруков Владимир Андреевич*⁵⁴

*Мыльников Евстратий Павлович – Медников Евстратий Павлович*⁵⁵

*Зубцов Сергей Витальевич – Зубатов Сергей Васильевич*⁵⁶

*Бурляев Петр Иванович – Бердяев Николай Сергеевич*⁵⁷

Имя и фамилия становятся также носителями колорита. Чтобы сохранить русский колорит, имена и фамилии я не переводила, а транскрибировала. Однако у двух имён пришлось искать их исконное написание, так как они попали в русский язык из французского и немецкого языков - это *Мишель* и *фон Зейдлиц*. У имени *Мишель* существует только одно написание *Michel*. У фамилии *фон Зейдлиц* существуют два варианта написания: *von Seidlitz* или *von Seydlitz*. Так как обе фамилии происходят от одного корня, оба написания на немецком представляют правильную форму.⁵⁸ Я решила использовать второй вариант написания (*von Seydlitz*). У данной фамилии наблюдаем ещё одно явление, о котором пишет Комиссаров. Речь идёт об отклонении от транскрипции к транслитерации у слов немецкого происхождения, в которых встречается дифтонг *ei*. Здесь преобладает графика над произношением. По правилам транскрипции фамилия *Seidlitz/Seydlitz* должна читаться как *Зайдлиц*.⁵⁹

⁵³ Ярким примером служит например произведение Николая Васильевича Гоголя Мёртвые души, где имя каждого персонажа содержит характеристику персонажа.

⁵⁴ *Словари и энциклопедии на Академике*. [online]. [cit.2009-11-05]. Dostupný z <<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/323193>>

⁵⁵ *Библиотека Хроноса*. [online]. [cit.2009-11-08]. Dostupný z <http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/mednikov_ep.html>

⁵⁶ *Словари и энциклопедии на Академике*. [online]. [cit.2009-11-05]. Dostupný z <<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/118743>>

⁵⁷ *Московский журнал*. Журнал правительства Москвы. [online]. [cit.2009-11-08]. Dostupný z <<http://www.mj.rusk.ru/show.php?idar=801145>>

⁵⁸ *Familienverband der Familie v.Seydlitz und v.Seidlitz e.V.* [online]. [cit.2009-11-08]. Dostupný z <<http://www.se-i-ydlitz.de/index.php>>

⁵⁹ КОМИССАРОВ, Вилен Наумович. *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС & Polyglossum, 2000–2001. Стр.166

К именам собственным принадлежит группа *крылатых имён*, т.е. *аллюзивных имен*, которые «у носителей языка ассоциируются с определенным словом из фольклорных, литературных и фразеологических источников»⁶⁰. К таким словам относятся *Вавилон* и *Замухранск*. Оба слова относятся к фразеологическим выражениям. Слово *Вавилон* является также географическим названием и поэтому заменяется чешским названием *Babylon*. Наоборот выдуманный город *Замухранск* обозначает место забытое. В чешском языке существует несколько фразеологических выражений для такого места. Однако самым подходящим с точки зрения распространения является *Zapadákov*.

В книге встречаем также названия городов, областей, улиц. Для таких, как: *Сибирь*, *Петербург*, *Москва*, *Ницца* в чешском языке уже существуют закреплённые названия (*Sibiř*, *Petrohrad*, *Moskva*, *Nice*). Остальные, менее знакомые (*Тверь*, *Клин*), я транскрибировала. Особым использованием переводчик встречается в предложении: *Я честный солдат, у меня два «Георгия» - за Севастополь и за вторую Плевну! – горячась воскликнул он*. Здесь потребовалось читателю разъяснить значение всех трёх имён. К имени *Георгий* переведено на чешский как *Jiří* пришлось дополнить словосочетание *řád svatého*, благодаря которому незнающий читатель поймёт, что речь идёт не о человеке, а об ордене⁶¹. Также у названий городов Севастополь и Плевна необходимо было указать при помощи слово *bitva*, что дело касается исторических событий (войн).^{62,63}

Если название улицы состоит из качественного и отыменного прилагательного и существительного, то качественное прилагательное и существительное переводится и второе транскрибируется с учётом морфологическим правил.⁶⁴ Например: *Малая Никитская улица* – *ulice Malá Nikitská*, *Тверская улица* – *ulice Tverská*, *Большой Гнездиновский переулок* – *ulice Velká Hnězdníkovská*, *Воробьёвы горы* – *Vrabčí hory*.

3.1.11 Обращение

Речь идёт о обращениях лексического характера. Рассматриваются несколько типов:

1. Вежливое обращение

⁶⁰ ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Автореф. докт. дисс. М.: Изд. МГУ, 1975, с. 59

⁶¹ Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия (Орден Святого Георгия) — высшая военная награда Российской империи. *Орден св.Георги. Правила ношения*. [online]. [cit.2009-11-12]. Dostupný z <<http://award.armor.kiev.ua/georg/index.html>>

⁶² *Центральный Военно-Морской порталь*. [online]. [cit.2009-07-13]. Dostupný z <<http://flot.com/publications/books/shelf/belyaev/18.htm>>

⁶³ *История Отечества с древнейших времен до наших дней*. [online]. [cit.2009-07-13]. Dostupný z <<http://slovari.yandex.ru/dict/io/article/io/19000/13318.htm>>

⁶⁴ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.213

2. Обращение, зависимое от общественного и социального положения
 3. Обращение, зависимое от родственных или близких отношений
 4. Узуальные обороты
 5. С эмоционально-экспрессивным оттенком
 6. Оклики и обращения к животным
- 1) Вежливое обращение на обыкновенном уровне не несёт никакого колорита и подлежит переводу на традиционное обращение в стране переводящего языка. Исключением является случай, когда автор хочет подчеркнуть принадлежность говорящего к определённой культуре.⁶⁵

В дореволюционной России добавляли перед чином или титулом обращение господин или госпожа. Например *господин статский советник*.

- 2) С обращением в зависимости от общественного и социального положения встречаемся достаточно часто. В дореволюционной России гражданская и военная служба были разделены по классам. Каждому классу отвечало точное обращение к человеку:
 - 1-2 класс – Ваше высокопревосходительство
 - 3-4 класс – Ваше превосходительство
 - 5 класс – Ваше высокородие
 - 6-8 класс – Ваше высокоблагородие
 - 9-14 класс – Ваше благородие

В романе появляются три таких обращения: *Ваше высокопревосходительство*, *Ваше высокородие* и *Ваше благородие*. Данные обращения я решил перевести таким образом:

Ваше высокопревосходительство – *vaše vysoká excelence* (данное чешское обращение со словом *vysoká* звучит странно, но только *Vaše excelence* соответствует обращению *Ваше превосходительство*)

Ваше высокородие – *vaše vysokorodí*

Ваше благородие – *vaše blahorodí*

- 3) Термины родства могут вызывать проблемы с переводом. Переводчик должен искать эквивалент отвечающий контексту. Например, *батюшка* нельзя на чешский перевести при помощи слова *otec* или слов от него производных. Надо было его заменить более подходящим, но не соответствующим словом первоначальному значению в подлиннике *milostpán*.

⁶⁵ Ярким примером служит главный герой произведений Агаты Кристи Эркюль Пуаро, который вежливые обращения произносит на французском.

- 4) Узуальные обращения и формулы представляют для переводчика трудности, ибо зависят от традиций и обычаев обращения. Таких узуальных обращений в тексте нет. Нередко камнем преткновения для переводчика бывает перевод многих из эмоционально окрашенных обращений; трудность заключается прежде всего в тонкости нюансировки, которую не всегда легко уловить и, кроме того, в бедности, а иной раз и в отсутствии соответствующих средств выражения в ПЯ.⁶⁶ Переводчик должен понять нюансы и стилистическую окраску и найти соответствующий эквивалент с такой же окраской. Например, используемое в тексте обращение *голубчик* нельзя перевести на чешский язык при помощи дословного перевода *holoubki*, хотя такое обращение в чешском языке тоже существует. Но в данном контексте вышеуказанное слово не подходит, так как, во-первых, говорит вышестоящий чиновник с нижестоящим чиновником, и во-вторых, чешский язык не настолько использует деминутивов. В данный контекст подойдет более нейтральное слово *příteli* и даже стилистическая окраска будет сохранена.

3.2 Архаизмы и историзмы в переводе

Лексический запас языка непосредственно связан с развитием общества и его истории. В языке всегда встречаются слова, которые принадлежат к современному словарному запасу, но также слова, воспринимаемые своим значением как устаревшие.

Вышеуказанные слова разделяют на две группы: архаизмы и историзмы.

Архаизм - устаревшие названия ныне существующих понятий. Т.е. вещь или явление, которое существует и сегодня, но общество использует для них другое название. Примеры в книге: *курьерский поезд, карцер, караульная, сюртук, жандарм, труповозка*.

Историзм – устаревшие слова (или устаревшие значения слов), которые называют исчезнувшие из быта национальной общности предметы обихода, орудия труда, обрядовые вещи, оружие, учреждения, должности и т. п.⁶⁷ Примеры в книге: *опричник, карета, камердинер, курсистка, обращение (высокопревосходительство, благородие, государь, сиятельство), каторга, мещанка, карета, сюзерен, вахмистр, возок*.

⁶⁶ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.230

⁶⁷ ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. Стр.137.

3.2.1 Исторические реалии

С историческими реалиями переводчик встречается либо в произведениях архаических, т.е. произведениях старых авторов, либо архаизованных, т.е. произведениях современных авторов, пишущих о прошлом.

Говоря о романе *Статский советник*, речь идёт об архаизированном романе, так как роман был написан в 1999 году, но действие книги происходит в 1891 году. Как переводчик, я встретила с историческими реалиями: как архаизмами, так и историзмами.

«Автор преднамеренно вводит в текст исторические реалии, и замена их более нейтральными соответствиями (калькой, описательным переводом и пр.) шла бы уже вразрез с его намерениями.»⁶⁸

В книге появляется историческая лексика, прежде всего из области военного дела, так как главный герой работает в области силовых структур. До того времени я никогда не встретила и не интересовалась данной тематикой, и поэтому было необходимо ориентироваться в данной теме.

При переводе реалий я решила использовать чешские реалии по данной теме того времени, т.е. конца 19 века. Однако не везде я смогла использовать чешские эквиваленты.

Адекватно переводя реалии, сначала необходимо было понять систему силовых структур России 19 века. Здесь хотелось бы остановиться на вопросе, касающемся использования Интернета в качестве источника информации.

Уже долгое время ведутся споры о том, можно ли считать Интернет достоверным источником информации. Достоверность полученных данных прежде всего зависит от того, какая интернетовская страница была использована. Достоверным источником информации ни в коем случае нельзя считать информацию, полученную со страниц частных лиц (т.наз. *блог*⁶⁹). Достоверным источником информации можно считать интернетовские страницы таких организаций, как, например: Министерство внутренних дел, или официальные страницы организаций и клубов, где часто в членах числятся и публикуют специалисты и учёные. К примеру, официальный сайт, посвященный российской армии и её истории⁷⁰, официальный сайт посвященный истории Австро-венгерской армии⁷¹, газеты и журналы в Интернете (*Альманах*⁷²), электронные библиотеки,

⁶⁸ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.135

⁶⁹ Публичные дневниковые записи частных лиц.

⁷⁰ *Soldat.ru*. [online]. [cit. 2009-02-17]. Dostupný z <www.soldat.ru>

⁷¹ *Rakousko-uherská armáda*. [online]. [cit. 2009-02-17]. Dostupný z <<http://rakuherarmada.webpark.cz>>

⁷² *Альманах*. Официальный журнал-альманах Региональной общественной организации «Академия русской символики Марс». [online]. [cit. 2009-02-17]. Dostupný z <www.geraldika.org>

справочники и словари.^{73, 74} В данном случае, полученную информацию можно считать достоверной. Страницы Министерства внутренних дел ЧР я упомянула не случайно, так как с данных страниц я извлекла информацию об истории жандармерии.

Для меня Интернет стал необходимым источником информации, так как в библиотеках я не нашла ни русских, ни чешских печатных изданий, касающихся данной темы. Важно отметить, что каждую использованную интернетовскую страничку я проверяла на предмет источника информации и достоверности сведений.

Я использовала Интернет не только для поиска русских реалий, но и чешских. Пришлось также познакомиться с системой силовых структур в Австро-Венгерской империи. Полученную информацию (русскую и чешскую) было необходимо дальше сопоставлять. Целью стало приблизить к пониманию читателя структуру российской армии посредством австро-венгерской, которую чешский читатель знает лучше. Но одновременно я старалась не лишиться перевод русского колорита. Однако, не везде можно было использовать чешские реалии вместо русских. Поэтому слова *губернатор* и *губерния* я перевела при помощи транскрипции, т.е. *gubernátor* а *gubernie*. Чешский эквивалент *hejtman* и *hejtmanství* совсем не подходит, потому что они представляют настолько чешский колорит, что их присутствие в тексте казалось бы скорее комическим. Также я не заменила историческую личность *Владимир Красно Солнышко*⁷⁵ не именем князя из чешских легенд, а нейтральным выражением *kníže rán*.

3.2.2 Звукоподражания и междометия

Звукоподражания – это имитация фонетическими средствами неречевого звука. Влахов и Флорин разделяют звукоподражания на:

- 1) природные (гром, треск, шелест, морской прибой);
- 2) животные (крики или вообще звуки, издаваемые животными, птицами, насекомыми);
- 3) механические (кляксон, лязг металла, звонки)⁷⁶

⁷³ *Библиотекарь.Ру* (Библиотекарь Точка Ру) - электронная библиотека нехудожественной литературы по русской и мировой истории, искусству, культуре, прикладным наукам. Книги, периодика, графика, справочная и техническая литература для учащихся средних и высших учебных заведений. [online]. [cit. 2009-09-09]. Dostupný z <<http://www.bibliotekar.ru>>

⁷⁴ *Библиотека Гумер*. Электронная библиотека гуманитарных наук.[online]. [cit.2009]. Dostupný z <www.gumer.info>

⁷⁵ Владимир I Святославич, ок. 960 — 15 июля 1015 — киевский великий князь, при котором произошло крещение Руси. В былинах известен также как Владимир Красное Солнышко.

⁷⁶ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.246

Междометия - часть речи, включающая неизменяемые слова, которые непосредственно выражают наши чувства и волеизъявления, не называя их. От знаменательных частей речи междометия отличаются тем, что они не обладают номинативной функцией (функцией называния), так как являются только речевыми знаками, словами-сигналами, употребляемыми для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или для выражения требования, желания, повеления.⁷⁷

Междометия можно по составу разделять на первичные (непроизводные) и вторичные (производные). Розенталь определяет данные группы таким образом:

первичные междометия – это междометия, состоящие из одного или двух-трех звуков (иногда они двукратно или трехкратно повторяются);

вторичные междометия – это междометия, образованные из полнозначных слов, теряющих свою номинативную функцию и произносимых с сильной эмоционально-экспрессивной окраской.⁷⁸

Особое место в группе вторичных междометий занимают междометия с компонентом *бог*. Данное междометие получило широкое распространение, благодаря христианизации. Эти междометия выражают различные позитивные эмоции: радость, облегчение, удовлетворение, одобрение, клятву или предупреждение т.п.⁷⁹

Все вышеперечисленные звукоподражания имеют в каждом языке определённую форму. Поэтому они не подлежат транскрипции, а переводу, чтобы в переводящем языке создать такой эффект, как и в исходном языке. Переводчику следует учесть ситуативный контекст. Не существует однозначного варианта перевода междометий. В зависимости от контекста может быть одно междометие переведено несколькими вариантами.

Встречаемые в тексте звукоподражания и междометия иногда сходны, а иногда отличаются:

Звукоподражание гудков поезда: у-у-у – *Hu-hu-hu*

Междометия чиханья: *a...a...апчи – he...he...hepčí*

Междометия растерянности : э-э-э – *e-e-e*

м-м-м – ehm-m-m

Другие междометия: *ax – ach*

⁷⁷ РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. [online]. [cit. 2009-10-29]. Dostupný z <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/m.php>

⁷⁸ РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. [online]. [cit. 2009-11-09]. Dostupný z <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/m.php>

⁷⁹ КУПЦОВА, А. А. *Многозначность междометных образований с компонентом бог в русском языке*. In Вестник ЦМО МГУ, 2009, № 2. Русистика. [online]. [cit. 2009-10-06]. Dostupný z <<http://vestnikcie.fvds.ru/vestnik/rus/2009/n2/04/Kuptsova2.pdf>>

ну – по

Вторичные междометия: *unasi bože – chraň bůh*

слава богу – sláva bohu

ей-богу – na mou věru

3.2.3 Аббревиатура

Слово, образованное из названий начальных букв или из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание (инициальная аббревиатура).⁸⁰

Аббревиатура либо переводится, либо транскрибируется, путём либо сохранения аббревиатуры, либо её расшифровки.

1. Перевод аббревиатурой.
2. Перевод развернутой формой.
3. Транскрипция аббревиатуры.
4. Транскрипция развернутой формы.

Перевод аббревиатурой предполагает её наличие или создание в переводящем языке. В тексте встречаются две аббревиатуры *Б.Г.* и *П.П.Р.* Данные аббревиатуры не обозначают официальное название.

Б.Г. – аббревиатура названия *Боевая группа*, которую я перевела как *Vojová Skupina*, поэтому и аббревиатура на чешском языке будет звучать как „*B.S.*“

П.П.Р. – аббревиатура обозначающая По первому разряду. Данное выражение можно перевести на чешский язык как *První úrovně* и образовать от него новую аббревиатуру *P.Ú.*

3.3 Метафора

«Употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений.»⁸¹ Но метафоры основаны на сходстве двух предметов и не все народы приписывают сходства одинаковым предметам. Особенно, если такого предмета в переводящем языке нет.

Раньше, чем переводчик начнёт искать чешский эквивалент, должен метафору интерпретировать. Это обозначает понять её содержание, степень её употребления, т.е. является ли употребленная метафора совсем оригинальной или часто употребляемой или уже клише. У метафор, отражающих локальные особенности, переводчик должен искать в первую очередь ассоциативное содержание. Это обозначает сохранить функциональный

⁸⁰ РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. [online]. [cit. 2009-11-09]. Dostupný z <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/a.php>

⁸¹ KUFNEROVÁ, Zlata a kol. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 2003. Стр.113

эквивалент. Переводчик не может переводить отдельные слова. Иначе читатель не поймёт смысла метафоры, так как не видит ассоциации.

Есть даже случаи, когда читатель может понять дословный перевод метафоры, но в переводящем языке данного выражения не используется. Поэтому переводчик его заменяет более используемым. Примером служит «словно турецкая одалиска». В дословном переводе на чешский метафора звучит *jako tanečnice v tureckém harému*. Чешский читатель поймёт метафору, но поскольку данное выражение было бы слишком длинным, можно выпустит слово *tanečnice* и оставить лишь *jako v tureckém harému*. Подобный случай можно рассматривать на метафоре *бобрик волос, ветви древа русской государственности*.

За идеальный подход считается, когда переводчик заменяет исходную метафору метафорой на переводящем языке. Это не всегда возможно. К примеру, исходную метафору *меч поднимать* я не перевела на чешский язык при помощи метафоры, так как не нашла подходящую.

Встречаемые в тексте метафоры и способ их перевода на чешский язык:

Покатить черной колбасой – vléci jako černou kládu

Вытянуться в струнку – vzpřímit se do pozoru

Бобрик волос – vlasy vystříhané na ježka

Цепочка звена – článek řetězce

(блистать) как империял – blýskat se jak zlaťák

Елочные шары куполов – korule jako vánoční baňky

Ветви древа русской государственности – spleť sítě ruského státního aparátu

(молиться на кого) как на Бога – modlit se k někomu jako k Bohu

Золото человек – zlatý člověk

Словно турецкая одалиска – jako v tureckém harému

Соперничать на поприще полицейской службы – soupeřit na kolbišti policejní služby.

3.4 Аллюзия

Переводчик в своей работе встречается кроме метафор, также с аллюзиями, или же намёками на культурные, исторические, биографические события или факты. «Аллюзивное содержание возникает, когда говорящий или пишущий организует контекст с таким расчетом, чтобы какое-то слово, фразеологический оборот или словосочетание намекали на тот или иной языковой, литературный, социальный факт, на какой-либо обычай, реалию,

черту быта и нравов.»⁸³ Такие намёки известны читателю подлинного текста, так как он живёт в данной культуре, но наоборот не известны читателю перевода. Данную разницу переводчик должен компенсировать таким образом, чтобы смысл аллюзии остался сохранен, но читатель перевода понял данный смысл. Дословный перевод таких аллюзий не считается функциональным.⁸⁴

В тексте встречаемся с аллюзией «человек Володи Красное Солнышко». Данная аллюзия не может быть переведена на чешский язык дословно, так как чешский читатель не поймёт, кто такой или что такое *Володя Красное Солнышко* и какое его отношение к тексту. Сначала требуется объяснить, кто такой *Володя Красно Солнышко*. Данное имя используется в былинах для киевского князя Владимира I Святославича, при котором произошло крещение Руси. Автор данным словосочетанием хотел выразит, что человек, о котором говорится в тексте, высокопоставленный человек. И так как его поддерживает московский губернатор, т.е. высшая должность Москвы, которого зовут Владимир Андреевич Долгорукой, автор воспользовался сходством обеих имён.

3.5 Фразеологизмы

Фразеологизмы - «Лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы.»⁸⁵ Фразеологизмы используются в речи как готовые словесные блоки. В переводе необходимо сохранить их смысловое, эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое содержание.⁸⁶

Злата Куфнерова приписывает фразеологизмам следующие качества: экспрессивность, сменяемость и изменчивость.⁸⁷

Экспрессивность выражает субъективную оценку говорящего к описываемой действительности. Сменяемость обозначает динамику, с которой некоторые фразеологизмы исчезают и другие возникают. И изменчивость определяет диапазон заменяемости отдельных компонентов фразеологизмов.

Их перевод для переводчика задача не лёгкая. На самом деле фразеологизмы не переводятся, а заменяются. Как отмечают Влахов и Флорин, работая над переводом

⁸³ ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. Стр.62

⁸⁴ KUFNEROVÁ, Zlata a kol. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 2003. Стр.155

⁸⁵ РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*. [online]. [cit. 2009-11-11]. Dostupný z <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/f.php>

⁸⁶ ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. Стр.181

⁸⁷ KUFNEROVÁ, Zlata a kol. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 2003. Стр. 87

фразеологии в тексте, переводчик должен, во-первых, знать область фразеологии, во-вторых, распознавать фразеологические единицы в тексте, и в-третьих, найти соответствующий эквивалент переводимой фразеологической единицы, причём не только с точки зрения семантики, но и с точки зрения экспрессивно-стилистической окраски.⁸⁸

«Часто, когда речь идет о фразеологических единицах (ФЕ) в качестве реалий, подразумевают и 1) обычные устойчивые словосочетания всех типов, в том числе идиомы, пословицы и поговорки, многие из которых обладают сами по себе характерной национальной и/или исторической окраской, и 2) ФЕ, в компонентном составе которых имеются реалии.»⁸⁹

В.В.Виноградов разделяет три основных типа фразеологических единиц⁹⁰:

- 1) фразеологические сращения
- 2) фразеологические единства
- 3) фразеологические сочетания.

Ad1) Фразеологические сращения

Словосочетания, которые абсолютно неделимы, неразложны. Их значение совершенно независимо от их лексического состава. Это значит, что нельзя объяснить их смысл, который был утрачен со временем. Они включают в себе непонятные слова или грамматические архаизмы. Сращения даже настолько слитны и недифференцированы, что его эллиптическое опущение или сокращение либо вовсе не влияет на значение целого, либо приводит к его распаду.

Некоторые примеры фразеологических сращений в книге:

ценного пса- psík na vodítku

на дальних подступах- na daleké cestě

шиворот-навыорот- vzhůru nohama

попортила немало крови- pila krev

дворянских кровей – urozené krve

на душе скребли кошки- nasadit si brouka do hlavy

ляд с ней – čert s ní

Ad2) Фразеологические единства

⁸⁸ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.180

⁸⁹ ВЛАХОВ, Сергей; ФЛЮРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. стр.19

⁹⁰ ВИНОГРАДОВ, Виктор Владимирович. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва: Наука, 1977. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Стр. 140-161.

К главным признакам относятся возможность заместить целое сочетание слов одним словом, эквивалентным по смыслу. Но наоборот нельзя заменять только одно слово синонимом или каким-нибудь другим словом, также нельзя заменять порядок слов. В отличие от сращений они частично мотивированы. Наблюдаем наличие контраста или параллелизма.

Некоторые примеры фразеологических единств в книге:

карающего меча – smrtící meč

воздуха глотну – nadýchám se čerstvého vzduchu

злые языки – zlí jazykové

руки на себя наложит – vzít si život

век не отмоешься – hanba tě bude provázet celý život

устроили травлю – uspořádali hon

ни свет ни заря – časně zrána

сыграли роль – roli sehráli

совсем с ума походили – úplně se zbláznili

царствие ему небесное – ať odpočívá v pokoji

нервите вы себе душу – nedejte si srdce

бог милостив – bůh je dobrotivý

за соломинку ухватишься – chytat se stébla

Ad3) Фразеологические сочетания

Это такой тип фразеологической единицы, в которой одно из слов употреблено в прямом значении. Одно из слов может быть описано или заменено синонимом. Допускается подстановка синонимов под отдельные члены выражения.

Некоторые примеры фразеологических сочетаний в книге:

оставаться в живых – zůstat na živu (в тексте musí zemřít)

взывают о возмездии – volat po pomstě

на все воля Божья – vše je vůle boží

уберег Господь – bůh ochránil

как с делом покончим – jakmile to vyřídím

взгляд упал – pohled padl

перехватил взгляд – všimnout si pohledu

меч поднимает – vztáhnout ruku

брови поползли вверх – obočí povyskočilo

перейти от слов к действиям – přejít od slov k činům

бросил мне вызов – hodil mi rukavici

В статье *Основные проблемы при переводе фразеологических единиц*⁹¹ автор предлагает три подхода к их переводу.

Первым и самым удачным подходом является перевод фразеологизмов соответствующим полноценным фразеологизмом на переводящем языке. Фразеологизм обладает одинаковым смысловым содержанием, метафоричностью и эмоционально-экспрессивной окраской.

Второй подход, когда фразеологизм заменяем только словом, сохраняющим смысл фразеологизма. Отличие состоит, например, в изменении формы или синонимических компонентов. К такому подходу прибегаем в случае отсутствия точного фразеологического эквивалента в переводящем языке.

Третий тип перевода – описательный перевод. Наименее подходящий тип, к которому переводчик обращается только в случае полного отсутствия фразеологизма в переводящем языке. В данном переводе полностью утрачена эмоциональная окраска.

3.6 Название произведения

Название произведения является делом эксклюзивным, которое занимает привилегированное место в переводе произведения.⁹² Титул книги является не только названием, но выполняет функцию рекламы, так как это первое, что потенциальный читатель увидит. Переводчик, думая о названии книги, должен думать также о читателе, заинтересует ли его название или нет, будет ли для него привлекательным. Поэтому оно заслуживает особого внимания.⁹³

Перевод названия произведения должен сохранить функциональную эквивалентность. Название на переводящем языке должно быть точным семантическим переводом с исходного языка. В случае, когда название произведения выражает такие средства как реалию, аллюзию, метафору или имя собственное, переводчик использует вышеупомянутую функциональную эквивалентность. Исключением являются раньше переведённые произведения, названия которых традиционно сохраняются.

⁹¹ ЛЕОНИДОВА, Мария. *Основные проблемы при переводе фразеологических единиц*. In *Translatologica Pragensia I*. Praha: Univerzita Karlova, 1984. Стр. 59-65

⁹² KUFNEROVÁ, Zlata a kol. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 2003. Стр.149

⁹³ KUČERA, Stírad. *Název díla jako problém překladačský*. In *Translatologica Pragensia II*. Praha.: Univerzita Karlova, 1986. Стр. 411-419

Поскольку книга *Статский советник* до сих пор не была переведена и название не содержит реалию или т.п., я использовала точный семантический перевод. Книга получила название *Státní rada*.

4 Перевод произведения

Boris Akunin

Státní rada

Úvod

Okna po levé straně byla zcela bílá, zalepená od námrazy a mokrého sněhu. Vítr dorážel lepkavými a měkkými chomáči na žalostně drnčící okna, cloumal těžkým vagónem, jakoby neztrácel naději, že snad srazí vlak z kluzkých kolejí a povleče ho jako černou kládu po široké bílé rovině – přes zamrzlou říčku, mrtvá pole, přímo k smutnému a temnému lesu, který v dálce spojoval nebe i zemi.

Na celou tuto žalostně vyhlížející krajinu bylo možné se dívat skrz okna na pravé straně, která byla krásně čistá. Dívat se? Ale na co? Jen pouhý sníh, divoké kvílení větru, temné nízké nebe...tma, chlad a smrt.

Zato uvnitř vagónu v ministerském salónku bylo báječně. Modravě hedvábné stínítko barvilo útulné šero do tmavě modra, za bronzovou mříží krbu bylo slyšet praskání dřeva a rytmické cinkání lžičky o šálek. Vlak s nevelkým, zato však skvěle vybaveným salónkem s psacím stolem, koženými křesly a nástěnnou mapou ruského impéria se nesl rychlostí padesát kilometrů za hodinu sněhovou bouří a deštivým zimním úsvitem.

V jednom z křesel podřimoval stařík po bradu přikrytý skotským plédem. Měl mužný a panovačný obličej. Dokonce i ve spánku měl obočí přísně stažené, a v koutcích surových rtů se vytvořil bolestný záhyb. Vrásčité tváře mu každou chvíli nervózně cukaly. Pohupující se světlo lampy rozkrylo v temnotě silnou ruku, která ležela na opěrátku z mahagonového dřeva a na níž se blýskl diamantový prsten.

Na stole přímo pod lampou ležel sloupek novin. A na jeho vrchu zakázaná curyšská “Národní svoboda”, dva dny stará. Na otevřené stránce byl článek zlostně přeškrtnutý červeným perem:

Kat se skrývá před mstou

Z důvěryhodného zdroje se redakci podařilo zjistit, že generáladjutant Chrapov byl minulý čtvrtek odvolán ze své funkce pracovníka ministerstva vnitra a velitele Hlavního četnického ústředí. V nejbližší době bude jmenován sibiřským generálgubernátorem a ihned poté odjede na místo svého působení.

Motiv této změny je zcela jasný. Car chce ochránit Chrapova před mstou národa a na nějaký čas schovat svého psíka na vodítku dále od hlavního města. Avšak rozsudek vyneseny naší skupinou nad krvelačným uzurpátorem stále platí. Svým zvěřským příkazem zbičovat politickou vězenkyni Polinu Ivancovovou překročil Chrapov veškeré zákony lidskosti. Chrapov musí zemřít. Katovi se sice podařilo dvakrát se zachránit před mstiteli, ale stejně je již odsouzen.

Ze stejného zdroje se nám dále podařilo zjistit, že Chrapovovi bylo již přislíbeno křeslo ministra vnitra. Sibiř je jen dočasným opatřením, které ho má vytáhnout zpod smrtícího meče hněvu národa. Carští pochopové chtějí rozkrýt a zničit naši Bojovou skupinu, která je pověřena vyplnit rozsudek vyneseny nad tímto katem. Jakmile pomine nebezpečí, Chrapov se se vši slávou vrátí do Petrohradu a stane se tak všemocným carovým poskokem.

To nesmíme dopustit! Ztracené životy našich spolubojovníků volají po pomstě.

Ivancovová, která nesnesla ostudu, se v cele oběsila. Bylo jí pouhých sedmnáct let.

Třidvacetiletá studentka Skokovová vystřelila na uzurpátora, netrefila se a byla oběšena.

Náš spolubojovník z Bojové skupiny, jehož jméno zůstane utajeno, byl zabit střepinou z vlastní bomby. Chrapov opět zůstal naživu.

Ale to nic, Vaše vysoká excelence, ať uděláte cokoliv, Váš konec je nevyhnutelný. Naše Bojová Skupina si Vás najde i na Sibiři.

Šťastnou cestu!

Lokomotiva silně zahoukala, nejdříve dlouze, potom krátce: Hůů! Hu-hu!

Ústa spícího staříka neklidně zacukala a vydala tlumený zvuk. Otevřel oči, rozpačitě pohlédl vlevo na bílá okna, vpravo na černá a jeho pohled se poté rozjasnil a zostřil. Přísný stařík odhodil pléd, pod kterým se objevil sametový kabátek, bílá košile a černá kravata, zažmoulal suchými rty a zazvonil na zvonek.

Za okamžik se otevřely dveře vedoucí z pracovny do přijímacího salonku. Zrovna, když si stařík upravoval opasek, vtrhl do místnosti mladičkový podplukovník v četnické uniformě s bílými parádními šňůrami na prsou.

„Dobré ráno, vaše vysoká excelence!“

„Tvěř jsme už přejeli?“ zeptal se hlubokým hlasem generál, aniž by odpověděl na pozdrav.

„Přesně tak, Ivane Fjodoroviči. Blížíme se k městu Klin.“

„Jak to, že ke Klinu?“ rozzlobeně křikl sedící stařík. „Už? Proč jste mě nevzbudil dřív? Zaspal jsem?“

Důstojník si protřel pomačkanou tvář.

„Vůbec ne. Viděl jsem, že jste usnul. Tak jsem si říkal, ať se Ivan Fjodorovič aspoň trošku prospí. To nic, stihnete se i umýt, obléct se a dát si čaj. Do Moskvy je to ještě celou hodinu.“

Vlak zpomalil a začínal brzdit. Za okny zablikaly ohně, sem tam se objevovaly lampy a zasněžené střechy.

Generál si zívnu.

„Dobrá, ať dají vařit čaj. Jinak se nevzbudím.“

Četník zasalutoval a při odchodu za sebou potichu zavřel dveře.

V přijímacím vagónu svítilo ostré světlo, voněl likér a doutníky. Vedle psacího stolu seděl ještě jeden důstojník. Plavovlasý mladík s růžovými tvářemi, světlým obočím a bělostnými řasami si podpíral hlavu. Poté se protáhl, zavrzal klouby a zeptal se plukovníka:

„Co se tam děje?“

„Chce čaj. Já to zařídím.“

„Áha!“ protáhl albín a podíval se z okna. „To je co? Klin? Sedni si Micheli. Dojdu pro samovar s čajem. Projdu se, protáhnu si aspoň nohy. A při tom se podívám, jestli nespí.“

Vstal, oblékl si uniformu a za cinkání ostruh prošel do třetí místnosti tohoto nádherného vagónu. Zde bylo vše už zcela obyčejné: u stěn stála křesla a věšáky na svršky, v rohu stolek s nádobím a samovarem. Dva silní muži ve stejných vlněných oblecích a se stejně zakroucenými knírky (avšak jeden měl knírek pískové barvy a druhý rezavé) nehnutě seděli proti sobě. Další dva spali v křeslech přistavených k sobě.

Jakmile se objevil plavovlasý důstojník, muži vyskočili z křesel, ale důstojník přitiskl ukazováček ke rtům, aby jim naznačil, že mají spát dál. Ukázal na samovar a zašeptal:

„Nesu čaj jeho vysoké excelenci. Uf, je tu horko. Půjdu se nadýchat čerstvého vzduchu.“

V chodbičce vagónu se vzpřímili do pozoru dva četníci s karabinami. Chodbička nebyla vytápěná, proto měli strážní na sobě pláště, čepice a kapuce.

„Už se budete střídat?“ zeptal se důstojník. Přitom si natahoval na ruce bílé rukavice a sledoval, jak pomalu připlouvá vlak na nástupiště.

„Právě jsme nastoupili, vaše blahorodí!“ houknul starší strážník. „Teď budeme na stráží až do Moskvy.“

„Dobrá.“

Albín strčil do těžkých dveří a do vagónu zavál čerstvý vzduch, mokrý sníh a zápach oleje.

„Osm hodin, a sotva začalo svítat,“ vzdechl si pro sebe důstojník a sestoupil na první schůdek.

Vlak se ještě zcela nezastavil, ještě skřípaly brzdy, ale po nástupišti k vagonu už spěchali dva muži: jeden malý se svítilnou, druhý vysoký, štíhlý, v cylindru a v širokém parádním plášti s pelerínou.

„To je on, zvláštní úředník!“ křikl první (soudě podle čepice to byl staniční dozorce) a obrátil se ke svému společníkovi.

Úředník se zastavil u otevřených dveří, v ruce držel cylindr a zeptal se důstojníka:

„Vy jste Mozdalevský? Pobočník jeho vysoké excelence?“

Na rozdíl od železničáře koktající muž sice nekřičel, ale jeho klidný a zvučný hlas lehce přehlušil kvílení metelice.

„Ne, já jsem velitel ochranky.“ odpověděl plavovlasý muž a zároveň se snažil rozpoznat tvář elegána.

Tvář byla pozoruhodná: úzká, ostrá, s pečlivě vytvarovaným černým knírkem, na čele přísná vodorovná vráska.

„Aha, štábní rotmistr von Seydlitz. Výborně!“ spokojeně pokýval hlavou neznámý, který se ihned představil. „Fandorin, úředník zvláštního pověření při jeho výsosti m–moskevském generálguvernátorovi. Předpokládám, že o mně víte.“

„Ano, pane státní rado, dostali jsme šifrovanou zprávu, že za bezpečnost Ivana Fjodoroviče budete v Moskvě odpovídat vy. Ale předpokládal jsem, že se potkáme na nádraží. Rychle si nastupte, prosím, nebo nám do chodby nafouká sníh.“

Státní rada kývnul průvodci na rozloučenou, lehce vyběhl po vysokých schůdcích a zabouchl za sebou dveře. Bylo slyšet jen tiché dunění vlaku.

„Už jste na u-území moskevské g-gubernie,“ vysvětlil úředník, sundal si cylindr a otřepal si z něho sníh. Při tom se objevily jeho černé vlasy. Avšak skráně, nehledě na své mladí, měl zcela prošedivělé. „tady z-začíná, řekněme, má pravomoc. V Klinu po-postojíme nejméně d-dvě hodiny. Před námi odstraňují závěje. Budeme mít dostatek času se na všem domluvit a rozdělit si povinnosti. Ale ne-nejdříve bych potřeboval jít k jeho vysoké excelenci, p-představit se a předat velmi du-důležitou zprávu. Kde si mohu odložit?“

„Prosím, v místnosti pro strážce, tam je věšák.“

Von Seydlitz doprovodil úředníka nejdříve do místnosti, kde hlídali dva strážci v civilu, a poté, co si Fandorin sundal plášť a položil na stůl promočený cylindr, vešli do další místnosti.

„Micheli, pan státní rada Fandorin!“ vysvětloval plukovníkovi velitel stráže. „To je on. S velmi důležitou zprávou pro Ivana Fjodoroviče.“

Michel vstal.

„Pobočník jeho vysoké excelence Mozalevský. Mohu se podívat na vaše doklady?“

„S-samozřejmě.“ úředník vytáhl z kapsy poskládaný papír a podal ho pobočníkovi.

„Je to Fandorin,“ potvrdil velitel stráží, „v šifrované zprávě byl popis jeho osoby, velmi dobře jsem si ho zapamatoval.“

Mozdalevský si pozorně prohlédl razítko a fotografii a vrátil papír jeho majiteli.

„Dobrá, pane státní rado, hned mu to vyřídím.“

Za minutu se úředník ocitnul v království měkkých koberců, modré barvy a mahagonového dřeva. Když vešel, mlčky se uklonil.

„Dobrý den, pane Fandorine,“ srdečně zabrumlal generál, který si do té doby stihl vyměnit sametový kabátek za vojenský žaket. „Erast Petrovič, není liž pravda?“

„P-přesně tak, Vaše vysoká excelence.“

„Rozhodl jste se přivítat svého svěřence na daleké cestě? Chválím za horlivost, i když považuji celý tento zmatek za zcela zbytečný. Za prvé, moje cesta ze Sankt Petěrburku byla tajná, za druhé, pánů revolucionářů se ani v nejmenším nebojím, a za třetí, vše je vůle boží. Jestli mne Bůh do dnešní doby ochraňoval, znamená to, že Chrapova, starou vojnu, ještě potřebuje.“ Generál, který byl právě oním Chrapovem, se pobožně pokřížoval.

„Mám pro vaši vysokou excelenci velmi důležitou a z-zcela ta-tajnou zprávu,“ chladně vyslovil státní rada a podíval se na Chrapovova pobočníka. „Promiňte, podplukovníku, ale takové jsou instrukce, které jsem dostal.“

„Vstup, Míšo,“ vlídně poručil sibiřský generálgubernátor, kterého v zahraničních novinách nazvali katem a uzurpátorem. „samovar s čajem je připravený? Jakmile to vyřídím, zavolám tě, dáme si čaj.“ A když se za pobočníkem zavřely dveře, zeptal se:

„Tak co tam máte za tajnosti? Telegram od panovníka? Dejte mi ho.“

Úředník se přiblížil těsně k sedícímu Chrapovovi a vsunul ruku do vnitřní kapsy koženého saka. Náhle ale jeho pohled padl na zakázané noviny s červeně přeškrtnutým článkem. Generál si všiml pohledu státního rady a rozčílil se.

„Páni nihilisté nenechají Chrapova bez pozornosti. Našli “kata”! Vy jste určitě, Eraste Petroviči, o mně také slyšel spoustu nesmyslů! Nevěřte jim, lžou. Zlí jazykové to jsou. Převracejí všechno vzhůru nohama! To je pomluva, že ji v mé přítomnosti bili. Jsou to zvířata, ti žalárníci!“ Bylo zřejmé, že tato neblahá historie s oběšenou Ivancovovou pila jeho vysokou excelenci krev a do teď mu nedala pokoje. „Jsem čestný voják, mám dva řády svatého Jiřího, za bitvu u Sevastopolu a

Plevna!“ zvolal rozhořčeně. „Vždyť jsem tu hlupačku chtěl ušetřit galejí! V dobrém jsem s ní mluvil. Mám stejně starou vnučku! A ona mě, starému člověku, dala facku v přítomnosti stráží a vězňů! Za to jí, hanebnici podle zákona hrozilo deset let galejí! Já jsem poručil, aby ji jen zmrskali a celý případ tím ukončili. Ne aby ji seřezali skoro až do smrti, jak potom psali v různých novinách. Ale deset ran, jen aby omdlela! Ale mrskala ji dozorkyně, ne žalárnici. Kdo mohl tušit, že ta pomatená Ivancovová si vezme život? Vždyť nebyla žádné urozené krve, ale obyčejná měšťanka! A taková choulostivá!“ generál rozhněvaně máchnul rukou. „Hanba mě teď bude provázet celý život. A potom ještě jedna, taky taková hlupačka, po mně střílela. Psal jsem jeho veličenstvu, aby ji nevěšeli, ale panovník byl neúprosný. Na žádost vlastnoručně připsal: “Kdo na mé věrné sloužící ruku vztáhne, tomu žádné smilování.” Chrapov dojatě zamrkal a v jeho očích se zatřpytila slza. „Uspořádali na mě hon jak na vlka. A já chtěl jen to nejlepší...Nerozumím tomu, kdybyste mě řezali, nerozumím tomu!“

Generálgubernátor rozhodil zdrceně rukama, ale černovlasý mladík s šedými skráněmi na to hned odpověděl, tentokrát už ale bez jakéhokoliv koktání:

„Co vy můžete vědět o cti a lidské důstojnosti. Nic! To nepochopíte, ale ostatní dostanou lekci.“

Ivan Fjodorovič otevřel ústa a chtěl vstát z křesla, ale zvláštní úředník vytáhl ruku z kabátu. Nebyl v ní však žádný telegram, ale krátký kinžál. Dýka pronikla generálovi přímo do srdce. Jeho obočí povyskočilo, Chrapov otevřel ústa, ale nevydal ani hlásku. Generálovy prsty sevřely ruku státního rady a přitom se blýskl onen diamant. Poté generálov bezvládně zvrátil hlav a po bradě mu stékal proužek rudé krve.

Vrah s odporem uvolnil sevřené prsty mrtvého staříka z svého zápěstí. Rychlým pohybem strhl přilepený knírek a setřel šedé skráně, které byly stejně tak černé jako jeho vlasy.

Ohlédl se po zavřených dveřích a poté odhodlaně přistoupil k jednomu ze sněhem zalepených oken, která vedla do krajiny. Vzal za kliku, ale okno zcela přimrzlo a nechtělo povolit. To však ani v nejmenším zvláštního státního radu nerozrušilo. Chytil kliku oběma rukama a zapřel se. Na čele mu naběhly žíly, zaskřípal zatnutými zuby a... Zázrak! Okno zavrзло a sjelo dolů. Přímo do obličeje silákovi šlehly sněhové chomáče, a závěsy se radostně zatřepaly. Jedním rychlým pohybem se vrah přehoupnul přes rám okna a zmizel v šedivém západu slunce.

Pracovna se měnila před očima. Vítr začal radostně a divoce honit po koberci důležité dokumenty, cuchat třásně ubrusu, čechrat šedé vlasy na generálově hlavě.

Modré stínítko se prudce rozhoupalo, světlo lampy se prohánělo po hrudi mrtvého. Nyní bylo možné uvidět, že na kostěné rukojeti na doraz vraženého kinžálu byla vyřezána dvě písmena: B. S.

Kapitola první, v níž je Fandorin zatčen

Den se nevyvedl hned od začátku. Erast Petrovič Fandorin vstal časně zrána, protože o půl deváté měl být na Nikolajevském nádraží. Jako každý den spolu s japonským komorníkem provedl důkladnou rozcvičku a dal si zelený čaj. Při holení prováděl dýchací cviky, když náhle zazvonil telefon. Ukázalo se, že se státní rada tak časně vzbudil zbytečně. Expresní vlak ze Sankt Petěrburku přijede s dvouhodinovým zpožděním z důvodu sněhových závějí na trati.

Protože všechny potřebné instrukce týkající se bezpečného pobytu petrohradského hosta byly předány již včera, Erast Petrovič nevěděl, co dělat s nečekaně získaným volným časem. Chtěl vyjet na nádraží o něco dříve, ale neudělal to. Proč zbytečně zneklidňovat podřízené? Není třeba pochybovat o tom, že plukovník Svěřčinský, který je nyní ve funkci velitele Gubernského četnického velitelství, přesně vyplní zadané instrukce. První nástupiště, kam expres přijede, je obklíčeno agenty v civilu, přímo u nástupiště čeká maskovaný vůz, i ochranný oddíl byl vybrán důkladně. Snad zcela postačí, když bude na nádraží čtvrt hodiny před příjezdem vlaku. A to jen tak, spíše pro pořádek, než se záměrem odhalit nedostatky.

Úkol zadaný jeho výsostí knížetem Vladimírem Andrejevičem je sice velmi zodpovědný, ne však těžký. Přivítat důležitou osobu a doprovodit ji ke knížeti na snídani, pak odpočinek v přísně střežené rezidenci na Vrabčích horách a večer odvézt novopečeného sibiřského generálgubernátora k vlaku do Čeljabinska, ke kterému bude připojen ministerský vagón. No a to je vlastně vše.

Jediný problém, který trápil Erasta Petroviče již od včerejška, byl tento: má-li podat ruku generáladjutantu Chrapovovi, jenž poskvřnil svoji pověst podlým nebo alespoň přinejmenším neodpustitelně hloupým činem.

Ze služebního a kariérního hlediska bylo samozřejmě nutné potlačit své pocity. Tím spíše, že obeznámení lidé předpovídali bývalému veliteli četníků brzký návrat k moci. Avšak Fandorin se rozhodl podat ruku ze zcela jiného důvodu. Host je host a urážet ho je nepřijatelné. Dostačující bude chladné chování zdůrazňující oficiální tón.

Řešení bylo bezpochyby správné, ale tím si státní rada, jak se tak říká, nasadil brouka do hlavy. Anebo přece jenom sehrály roli kariérní důvody?

Vlastně proto Erasta Petroviče náhlý odklad ani v nejmenším neznepokojil. Získal čas navíc, aby mohl vyřešit toto složité morální dilema.

Fandorin poručil komorníku Masovi uvařit silnou kávu, usadil se do křesla a začal opět zvažovat všechna „pro“ i „proti“, a přitom mimovolně tiskl a otvíral pravou pěst.

Ale dlouho přemýšlet nemusel, protože opět zazvonil zvonek. Tentokrát u dveří. Z haly se nesly hlasy. Nejdříve tiché, potom hlasité. Někdo se snažil protlačit do pracovny, ale Masa ho

nechtěl pustit a při tom vydával pisklavě syčící zvuky, které dokazovaly neoblomnost a bojovou náladu ducha bývalého japonského poddaného.

„Maso, kdo je tam?“ zavolal Erast Petrovič a vyšel z pracovny do přijímacího pokoje.

Tam uviděl nečekané hosty. Četnického podplukovníka Burljajeva, velitele Moskevského ochranného oddělení a dva muže v kostkovaných kabátech, od pohledu vyšetřovatelé. Masa roztáhl ruce, čímž zatarasil trojici cestu, a zjevně se chystal v nejbližším okamžiku přejít od slov k činům.

„Pardon, pane Fandorine,“ rozpačitě zabručel Burljajev. Sundal si čepici a přejel si rukou po tuhých vlasech vystříhaných na ježka, jež měly barvu soli a pepře. „Je tu takové nedorozumění, ale mám telegram z Policejní správy.“ zamával listem papíru. „Sděluji, že byl zavražděn generáladjutant Chrapov, a že e-e-e...že jste ho zavraždil vy...a že...že Vás musíme okamžitě zatknout. Úplně se zbláznili, ale příkaz je příkaz! Uklidněte, prosím, svého japonského přítele. Už jsem hodně slyšel o tom, jak umí mrštně kopat nohama.“

V prvním okamžiku pocítil Erast Petrovič absurdní lehkost, když si uvědomil, že tímto se problém s podáním ruky vyřešil, a teprve pak pochopil tu strašnou skutečnost.

Podezření bylo vyvráceno teprve poté, co na nádraží přijel zpožděný expres. Ještě před zastavením vlaku vyskočil z ministerského vagónu světlomasý četnický štábní rotmistr s pokřiveným obličejem, chrlil ze sebe strašné nadávky a vrhl se tam, kde stál zatčený státní rada obklíčený vyšetřovateli. Posledních pár kroků štábní rotmistr už neběžel, jen šel a poté se úplně zastavil. Zamrkal bělostnými řasami a bouchnul se pěstí do prsou.

„To není on! Je mu podobný, ale není to on! Dokonce mu ani není podobný! Jen knírek a šedé skráně, ale jinak žádná další podoba!“ omráčeně mumlal důstojník. „Koho jste to přivedli? Kde je Fandorin?“

„Ujišťuji Vás, p-pane von Seydlitz, že já jsem Fandorin.“ řekl státní rada s přehnaným klidem, jakoby mluvil s duševně chorým, a poté se otočil k Burljajevovi, jehož obličej mezitím získal purpurovou barvu. „Petře Ivanoviči, řekněte svým lidem, že již není nutné mne d-dále držet za lokty. Štábní rotmistře, kde je podplukovník Mozdalevský a vaši lidé z ochranky? Musím je všechny vyslechnout a svědectví zapsat.“

„Vyslechnout? Zapsat svědectví?!“ nahlas zvolal Seydlitz a zvedl zatnuté pěsti k nebi. „Jaká svědectví sakra? Nechápete nebo co? Byl zavražděn, zavražděn! Bože, všemu je konec, všemu! Musíme rychle běžet a musíme zburcovat četnictvo, policii! Jestli nenajdu toho lumpa, toho všiváka, toho...“ zalykal se a pak křečovitě škytnul. „Ale já ho najdu, určitě ho najdu! Očistím své jméno! Kdybych měl prohledat každý kout! Jinak si vpálím kuli do hlavy!“

„Dobrá,“ pronesl opět s klidem Erast Petrovič. „Zdá se, že štábního rotmistra vyslechnu později, až přijde k sobě. A nyní začneme od ostatních. Ať nám uvolní ka-kancelář přednosta“

stanice. Pány Svěřčinského a Burljajeva prosím, aby byli přítomni u vyšetřování. Poté se vydám s hlášením k jeho výsosti.“

„Vaše vysokorodí, a co mám dělat s nebožtíkem?“ z uctivé vzdálenosti se nesměle zeptal strojuvůdce. „Taková důležitá osoba...kam s ním?“

„Jak kam?“ udivil se státní rada. „Za chvíli přijede povoz s rakví a pak do márnice, na pitvu.“

* * *

„...a poté pobočník Mozdalevský, který jako první přišel k sobě, běžel na stanici 'Klin – zastávka', odkud odeslal šifrovaný telegram na Policejní s-správu.“ Fandorinovo rozsáhlé hlášení se blížilo ke konci. „Cylindr, plášť a dýka byly odvezeny do laboratoře na prozkoumání. Chrapov do márnice. Seydlitz dostal uklidňující injekci.“

V místnosti bylo ticho, jen hodiny tikaly a okenní tabulky řinčely pod nápořem zuřícího únorového větru. Generálgubernátor starobylého hlavního města, kníže Vladimír Andrejevič Dolgorukij, soustředěně žmoulal vrásčitými ústy, uhladil si dlouhý obarvený knír a poškrábal se za uchem, v důsledku čehož příčesek kaštanové barvy zlehka sklouzl na stranu. Zřídka kdy viděl Erast Petrovič člověka s neomezenou mocí nad Moskvou tak bezradného.

„Tak tohle mi petrohradská kamarila už vůbec neodpustí,“ smutně řekla jeho výsost, „nebudou se dívat na to, že ten zatracený Chrapov, ať odpočívá v pokoji, ani do Moskvy nedejel. Vždyť Klin je také ještě Moskevská gubernie... Zdá se, Eraste Petroviči, že to je konec?“

Státní rada místo odpovědi jen vzdechnul.

Potom se kníže otočil ke komorníkovi stojícímu u dveří se stříbrným podnosem v rukách. Na podnosu byly všelijaké skleničky, lahvičky a vázičky s eukalyptovými bonbóny proti kašli. Sluha se jmenoval Frolo Grigorjevič Vědišjev a zastával skromnou funkci komorníka. Avšak kníže neměl rádce oddanějšího a zkušenějšího než tohoto vyschlého staříka s holou hlavou, s hustými licousy a ve zlatých brýlích s tlustými skly.

Nikdo další ve velké pracovně nebyl. Jen oni tři.

„Tak co, Froluško,“ zeptal se Dolgorukij třesoucím se hlasem, „už do starého železa? Bez pocty a bez díků. S ostudou...“

„Vladime Andrejiči,“ plačícím hlasem řekl komorník, „čert s ní, se státní službou. Sláva bohu, už jste si své odsloužil, vždyť Vám táhne na devadesát... Nedrásejte si srdce. No, a když car neodmění, tak si aspoň Moskvané dobrým slovem vzpomenou. Žádný med to nebyl. Pětadvacet let se o něho starali v bezesných nocích. Pojedeme v Nice, za sluníčkem. Budeme sedět na schůdcích, vzpomínat na staré časy, co ještě můžeme v našich letech...“

Kníže se smutně usmál:

„To nedokážu, Frolo, sám to dobře víš. Umřu bez služby, do půl roku uschnu. Proto jsem ještě tak čilý, Moskva, ta mě drží. Kdyby mě měli alespoň za co trestat, ale vlastně není za co. Vždyť ve městě je vše v pořádku. Hanba...“

Podnos ve Vědišjevových v rukách zadrnčel a po tvářích se mu hustě řinuly slzy.

„Bůh je dobrotivý, milostpane, třeba se to přežene. Bylo všelijak a Hospodin nás zachránil. Erast Petrovič nám najde zločince, který generála zabil, a panovník roztaje.“

„Neroztaje,“ protáhl sklesle Dolgorukij, „to je otázka státní bezpečnosti. Když jsou mocní v úzkých, nemají nad nikým slitování. Všem musí nahnat strach a hlavně těm svým. Aby se všichni měli na pozoru a aby se vlády báli víc než vrahů. Je to moje území a já jsem zodpovědný. Jen za jedno se k Bohu modlím, abych toho zločince co nejdříve našel, svými silami, abych bez hanby odešel. Hrdě jsem sloužil, hrdě i odejdu.“ s nadějí se podíval na úředníka zvláštního pověření. „Eraste Petroviči, jak dokážete tamtu Bé Es najít?“

Fandorin si dal načas s odpovědí a tiše, nejistě pronesl:

„Vladimíre Andrejeviči, vy mě znáte, já p-plané sliby rád nedávám. Vždyť vy ani s jistotou nevíte, že se onen vrah po činu odebral do Moskvy a ne do Petrohradu... Konec konců, činnost Bojové skupiny je řízena právě z Petrohradu.“

„Tak, přesně tak,“ smutně pokýval kníže. „copak já. Vždyť ani celé Četnické ústředí s Policejní správou dohromady nemůžou ty zlosyny najít a já se obracím k vám. Rusko je velké, zločinec se mohl vydat kamkoliv... Promiňte mi, prosím. Však víte, tonoucí se stébla chytá. Vždyť právě Vy jste mně nejednou vytahoval z nejzoufalejších situací...“

Státní rada si odkašlal, poněkud ponížený srovnáním se stéblem, a pronesl záhadně:

„Ale přesto...“

„Co 'přesto'?“ rozechvělý Vědišjev odložil podnos, rychle si otřel velikánským kapesníkem mokrou tvář od slz a přicupital blíž k úředníkovi. „Nebo máte nějakou stopu?“

„Ale přesto se můžeme pokusit,“ zamyšleně pronesl Fandorin. „Dokonce musíme. Vlastně já sám jsem chtěl poprosit vaši vysokou excelenci o u-udělení odpovídajících pravomocí. Vrah zneužil mé jméno a tímto mi hodil rukavici. Nemluvě o těch k-krajně nepříjemných chvílích, které jsem musel kvůli němu dnes ráno prožít. Navíc si přece jen myslím, že se zločinec vydal z Klinu právě do Moskvy. Od místa vraždy je to jen hodina jízdy vlakem a my bychom se ani nestačili vzpamatovat. A opačným směrem do Petrohradu je to devět hodin. To znamená, že by byl ještě teď na cestě. Mezitím je od jedenácti hodin vyhlášeno pátrání, všechna nádraží jsou uzavřena, železniční četnictvo prověřuje cestující ve všech vlacích v okruhu tří set kilometrů. Ne, do Petrohradu se vydat nemohl.“

„A možná že vůbec nejel po železnici?“ zapochyboval komorník. „Posadil se na koníka a odklusal si to do nějakého zapadákova zašit se, než to vše utichne?“

„Na to, aby se zašil, se nějaký zapadákov vůbec nehodí. Tam je každý hned na očích. Nejjednodušší je schovat se ve velkém městě, kde nikdo nikoho nezná a kde je přítomna i revolučně-konspirační síť.“

Generálgubernátor zkoumavě pohlédl na Erasta Petroviče a cvaknul vrškem od tabatěrky, což svědčilo o tom, že generál přešel od zoufalství do hlubokého zamyšlení.

Úředník počkal, dokud si Dolgorukij nešňupne a hlasitě nekýchne. A když Vědišjev tím samým kapesníkem, kterým si před chvílí utíral slzy, otřel svému chlebodárci oči i nos, kníže se zeptal:

„A i kdyby byl zde v Moskvě, jak ho začnete hledat? Vždyť je to miliónové město. Ani policii s četnictvem vám podřídit nemohu, leda tak nařídit spolupráci. Sám víte, příteli, že má žádost o vaše jmenování vrchním policejním velitelem už tři měsíce bloudí po vyšších instancích. Vždyť vidíte, jaký z naší policie udělali Babylon.“

Pod Babylonem si jeho výsost představovala chaotickou situaci, jež vznikla v druhém hlavním městě poté, co byl odvolán poslední vrchní policejní velitel, který až příliš doslova chápal pojem „tajné fondy nepodléhající revizi“. V Petrohradě se odehrávala ostrá papírová válka: dvorní skupina, která žila v nepřátelství s knížetem, rozhodně neměla v úmyslu podstoupit tento úřad odkojenci Dolgorukého, ale zároveň nepřátelé již neměli sílu vnutit generálgubernátorovi svého kandidáta. A tehdy bylo obrovské město bez hlavního ochránce a strážce zákona. Vrchní policejní velitel má nařízeno vést a sjednocovat činnost jak Gubernského četnického velitelství, tak i Ochranného oddělení, a to bylo teprve opravdové obléhání: podplukovník Burljajev z Ochranného a plukovník Svěrcinský z Četnického psali jeden na druhého klepy a oba si svorně stěžovali na drzé obstrukce ze strany přemíru snaživých policejních komisařů.

„Ano, situace na to, abychom provedli společné kroky, není příznivá,“ přiznal Fandorin, „ale v d-daném případě nejednotnost vyšetřovacích orgánů nám přijde dokonce vhod...“

Státní rada svažil čelo a ruka jakoby nevědomky vytáhla z kapsy nefritový růženec, který pomáhal Erastu Petroviči zkoncentrovat se. Dolgoruký a Vědišjev zvyklí na Fandorinovo zvláštní chování poslouchali se zatajeným dechem a výraz v obličeji obou mužů byl naprosto stejný. Takový jako u dětí v cirkusu, které vědí, že i když je kouzelníkův klobouk prázdný, bez pochyby z něj šikovný mág nyní vytáhne králíka nebo holuba.

A úředník ho vytáhl:

„Dovolte mi zeptat se, jak to, že se pachateli tak b-brilantně zdařil jeho plán?“ začal Erast Petrovič a udělal pauzu, jako by čekal odpověď. „Je to velmi jednoduché: byl dokonale zasvěcen do

toho, co mělo znát jen velmi málo lidí. To zaprvé. Bezpečnostní opatření po překročení hranic Moskevské gubernie generáladjutantem Chrapovem nebyla rozpracována dříve než předevcírem za účasti úzkého kruhu osob. To za druhé. Někdo z nás, zasvěcený do nejmenších detailů plánu ho vydal revolucionářům, ať už vědomě či nevědomky. To za třetí. Stačí, když tohoto člověka najdeme a přes něho se dostaneme k Bojové skupině a tedy k samému vykonavateli.“

„Jak to myslíte 'nevědomky'?“ zeptal se s přimhouřenýma očima generálgubernátor. „No, vědomě, to je jasné. I ve státní službě jsou hyeny. Někdo vydá nihilistům tajně informace za peníze a někdo poslechne d'ábelskému našeptávání. Ale nevědomky? To jako v bezvědomí nebo jak? V opilosti?“

„Spíše z neopatrnosti.“ odpověděl Fandorin.

„Obvykle to b-bývá tak: úřední osoba se prořekne někomu z blízkých, který je spojen s teroristy. Syn, dcera, milenka. Tím se nám ale prodlouží řetězec jen o jeden článek.“

„Tak.“ kníže se opět natáhl pro šňupací tabák. „Předevcírem se tajné schůzky ohledně příjezdu Ivana Fjodoroviče, budiž mu země lehká, kromě mě a vás účastnili jen Svěrcinský a Burljajev. A podle pokynů z Petrohradu dokonce ani policii nepozvali. Takže máme podezřívát velitele Četnického a Ochranného oddělení? Podivné to je. He...he...hepčí!“

„Pozdrav pánbůh!“ dodal Vědišjev a znovu se natahoval utřít jeho výsosti nos.

„Na zdraví.“ rozhodně pronesl Erast Petrovič.

„Kromě toho je třeba objasnit, kdo ještě z úředníků Četnického a Ochranného byl zasvěcen do detailů. Domnívám se, že jsou to zhruba tři až čtyři lidé, více ne.“ Frol Grigorjevič vzdechnul:

„Šmankote, vždyť to je pro Vás maličkost! Vladime Andrejiči, proboha vás prosím, přestaňte se trápit! Vždyť jestli má být službě konec, odejdete se vši parádou. Budou s vámi zacházet jako v rukavičkách a nevráží vám kudlu do zad! Erast Petrovič vám toho Jidáše najde. Řekne: „Za první, za druhé, za třetí a bude to.“

„To není tak jednoduché,“ zatřepal hlavou státní rada. „Ano, Četnické velitelství. To je první možnost úniku. Ochranné oddělení, druhá. Bohužel, je však i třetí, kterou vyšetřit nemohu. Odsouhlasený plán opatření na Chrapovovu ochranu byl odeslán zašifrovanou zprávou k potvrzení do Petrohradu. Tam byly popsány skutečnosti i o mně jako o osobě odpovědné za bezpečnost hosta. Výpis ze služebních dokumentů s přesným popisem osoby, vykonávané funkce a jiné. Prostě, vše jak v podobných případech bývá. Seydlitz proto ani nezapochoyboval o falešném Fandorinovi, neboť byl zcela dokonale obeznámen o mém vzhledu a dokonce i o mém ko-koktání... Jestli se zdroj úniku nachází v Petrohradě, stěží můžu cokoliv udělat. Jak se říká, na to jsou mé ruce krátké... ale přesto v prvních dvou případech je jisté, že se nitka táhne z Moskvy. A nejspíše i vrah se skrývá někde tady. Budeme hledat.“

Z domu generálguvernatora se úředník zvláštního pověření vydal na Četnické oddělení, které se nachází na ulici Malá Nikitská. Zatímco jel v knížecím kočáře obloženém temně modrým sametem, přemýšlel, jak se má chovat před plukovníkem Svěřčinským. Samozřejmě, že hypotéza o tom, že Stanislav Filipovič, dlouholetý tajemník knížete a Vědišjeva je spojen s revolucionáři, si vyžadovala onu známou špetku bujně představitosti. Avšak bůh státního radu představitostí neobdařil. Zato se ale musel státní rada ve svém životě plném událostí střídat s překvapeními a složitostmi.

Takže co se dalo říct o plukovníku Hlavního četnického ústředí Stanislavu Svěřčinském?

Uzavřený, důvtipný, čestný, ale zároveň opatrný, raději se drží ve stínu. Přepečlivý úřada. Dokáže si počkat a vypadá to, že se tentokrát dočkal. Zatím sice jen vykonává zástupnou funkci velitele četníků, avšak nejspíše bude do této funkce jmenován a tehdy se před ním otevře ta nelákavější kariévní budoucnost. Pravda, jak v Moskvě, tak i v Petrohradě je známo, že nad Svěřčinským drží ochrannou ruku knížepán. Jestli se Vladimír Andrejevič vydá ze starobylé Moskvy do starého železa v Nice, plukovníka do záviděníhodné funkce vůbec jmenovat nemusí. Vypadá to tak, že smrt generála Chrapova je pro kariéru Stanislava Filipoviče událostí bolestnou a možná i fatální. V každém případě to tak na první pohled vypadalo.

Z Tverské do ulice Malé Nikitské to bylo jen kousek, a kdyby nebylo ostrého větru a nepadal sníh, dal by Fandorin přednost procházce. Za chůze se lépe přemýšlí. Odbočil z hlavní třídy. Kočár projel kolem litinového plotu u domu barona Evert-Kolokolceva, kde si jedno z křídel budovy pronajímá Erast Petrovič. Po dvou stech krocích se ze sněhové metelice vynořila známá žlutobílá víla s pruhovanou budkou u vchodu.

Fandorin vystoupil ven, přidržel si cylindr, jež se vítr snažil vytrhnout z jeho rukou a unést, a vyběhl po skluzkých schůdkách. V hale státnímu radovi hrdě zsalutoval známý strážmistr, a aniž by čekal odpověď, podal hlášení:

„Jsou u sebe. Již vás očekávají. Dovolte, vaše vysokorodí, kožich a pokrývku hlavy. Odnesu je do šatny.“

Erast Petrovič roztržitě poděkoval a rozhlédl se po známém interiéru, jako by ho viděl poprvé.

Chodba s řadou stejných dveří pokrytých voskovaným plátnem, fádni namodralé stěny s lesklou bílou obrubou; a na samém konci chodby byl gymnastický sál. Je možné, že by tyto stěny tajily státní zradu?

V přijímací místnosti hlídal pobočník na velitelství, poručík Smoljaninov, mladík s rudými tvářemi, černými živými očima a křivě nakrouceným knírkem.

„Zdravíčko přeju, Eraste Petroviči,“ vesele přivítal běžného hosta. „Jaképak máme počasí?“

„Jde to,“ pokýval úředník, „můžu vejít?“

Bez okolků, jako starý kolega, a možná i brzo bezprostřední velitel, vešel Erast Petrovič do pracovny.

„Tak co je nového ve vyšších kruzích?“ zvedl se Svěřčinský ze židle a vyšel mu naproti. „Jak se má Vladimír Andrejevič? Co mám dělat, co mám podniknout? Nevím, kam se mám podít.“ snížil hlas do úplného šepotu. „Co myslíte, odvolají ho?“

„To b-bude do určité míry záviset na nás obou.“

Fandorin si sedl do křesla, plukovník proti němu a rozhovor ihned nabral pracovní směr.

„Stanislave Filipoviči, budu k vám upřímný. Mezi námi, buď zde u četníků, nebo v ochranném je zrádce.“

„Zrádce?“ plukovník tak trhnul hlavou, že si způsobil malou škodu na své ideální pěšince rozdělující hladce ulíznutý účes na dvě symetrické poloviny. „U nás?!“

„Ano, zrádce nebo žvanil. V tomto případě je to totéž.“

Úředník vysvětlil společníkovi své závěry.

Svěřčinský poslouchal, rozrušeně si kroutil knírem, a když Fandorin skončil, přiložil si ruku na srdce a procítěně řekl:

„Zcela s vámi souhlasím! Máte velmi přesvědčivé a oprávněné úsudky! Ale žádám, aby byl můj úřad zbaven podezření. Náš úkol v souvislosti s příjezdem generála Chrapova byl zcela jednoduchý: zajistit uniformovaný doprovod. Já jsem ani zvláštní opatření nepřijímal. Jen jsem poručil připravit koňskou jízdu, a toť je vše. Ubezpečuji vás, velectěný Eraste Petroviči, že z celého úřadu byli do detailů zasvěceni jen dva lidé: já a poručík Smoljaninov. Jemu, jakožto pobočníkovi, jsem byl povinen vše objasnit. Ale vždyť vy ho znáte. Je to hoch zodpovědný, bystrý a čistá duše, takový nezradí. A smím-li doufat, je vám známo, že to není člověk upovídáný.“

Erast Petrovič diplomaticky naklonil hlavu:

„Právě p-proto jsem šel jako první k vám a nic před vámi netajím.“

„Ubezpečuji Vás, jsou to buď petrohradští anebo hnězdníkovští!“ rozšířil své krásné sametové oči plukovník, jenž měl pod „hnězdníkovskými“ na mysli Ochranné oddělení, které se nacházelo v ulici Velká Hnězdníkovská. „O petrohradských nemohu nic říci, nemám k dispozici dostatečné množství údajů, ale u plukovníka Burljajeva je havěti dost. Jak bývalí nihilisté, tak všelijaké podezřelé osoby. Tam je třeba se pořádně porozhlédnout. Já samozřejmě nemůžu obviňovat samotného Petra Ivanoviče, chraň bůh, ale za utajené zajištění bezpečnosti zodpovídala jeho pátrací služba. To znamená, že objasnění a instruktáž před skupinou krajně pochybných existencí byla asi všelijaká. Neopatrné. A ještě něco...“ Svěřčinský se zarazil, jakoby nevěděl, má-li pokračovat.

„Co?“ zeptal se Fandorin a díval se mu při tom přímo do očí. „Je ještě nějaká možnost, kterou jsem opomenul? Mluvte, Stanislave Filipoviči, jen mluvte otevřeně.“

„Jsou tu přeci ještě tajní agenti, kterým se říká „spolupracovníci“. Tedy ti členové revolučních spolků, kteří spolupracují s policií.“

„Agents provocateurs (*Agenti-provokatéři*)?“ zamračil se státní rada.

„Tedy, ne přímo provokatéři. Někdy prostě jen informátoři. Bez nich se v naší práci neobejdeme.“

„Odkud vaši špioni znají podrobnosti o schůzkách tajného hosta, a k tomu ještě p-popis mé osoby?“ Erast Petrovič svraštil černé linie obočí. „To tedy nechápu.“

Plukovník byl očividně v rozpacích. Lehce zčervenal, zakroutil si knírek ještě víc a důvěrně snížil hlas:

„Agenti bývají různí. A vztahy zplnomocněných důstojníků k nim bývají také různé. Někdy na základě soukromých...ehm-m-m...dokonce bych řekl intimních kontaktů. Však vy víte.“

„Ne,“ leknutím sebou trhl Fandorin a požíval se na svého společníka. „Nechápu a chápat ani nechci. Chcete říci, že úředníci četnictva a ochranného oddělení v zájmu služby vstupují s agenty do milostných vztahů, tedy s muži?“

„Ach, no proč zrovna s muži!“ sprásknul rukama Svěřčinský. „Mezi 'spolupracovníky' je dosti velké množství žen, přičemž zpravidla mladých a docela chytrých. Však víte, jak svobodně se současná revoluční mládež dívá na intimní otázky.“

„Ano, ano,“ státní rada přišel do rozpaků. „Slyšel jsem o tom. Já si, popravdě řečeno, zcela jasně nedokážu představit činnost t-tajné policie. Do dnešní doby se nebylo třeba zajímat o revolucionáře, spíše o vrahy, podvodníky a zahraniční špióny. Avšak, Stanislave Filipoviči, vidím, že se mne snažíte přivést k někomu z důstojníků z ochranného. Ke komu? Kdo má podle Vás podezřelé kontakty?“

V plukovníkově tváři se ještě asi půl minuty odrážela morální muka, potom zcela rozhodnut zašeptal:

„Eraste Petroviči, to je zčásti věc soukromá, ale já vás znám jako člověka mimořádně delikátního a širokého rozhledu. Nemám právo vám něco zatajovat, tím spíše, že se jedná o věc zvláště důležitou, před kterou všechny soukromé důvody, jaké ...“ tady se Svěřčinský trochu zamotal do gramatiky, proto se zarazil a začal mnohem jednodušeji. „Mám k dispozici informace, že podplukovník Burljajev udržuje známost s jakousi Dianou, což je samozřejmě krycí jméno. Velmi tajemná osoba, z ideologického hlediska, a tudíž si diktuje vlastní podmínky. Například neznáme ani její pravé jméno, ani bydliště, jen adresu tajného bytu, kterou pro ni policie pronajímá. Soudě podle všeho je tato slečna nebo dáma z velmi dobré rodiny. Má široké a užitečné známosti v revolučních kruzích po Moskvě i Petrohradu a policii poskytuje vskutku neocenitelné služby...“

„Ona je Burljajevovou milenkou a on se jí mohl proříci?“ netrpělivě přerušil úředník Svěřčinského. „Na toto narážíte?“

Stanislav Filipovič si rozeplnul pevný límec, a naklonil se blíže.

„Já...já si nejsem jistý, jestli je jeho milenkou, ale je to pravděpodobné. Dokonce velmi pravděpodobné. A jestli je to tak, mohl jí Burljajev napovídat více, než měl. Víte, dvojité agenti, a ještě takové povahy, jsou málo předvídatelní. Dnes spolupracují s námi, zítra vycouvají...“

„Dobrá, vezmu to v úvahu.“

Erast Petrovič se nad něčím zamyslel a náhle změnil téma:

„Předpokládám, že vám Frol Grigorjevič telefonicky sdělil, abyste mi byl všestranně nápomocen.“

Svěřčinský si přiložil ruku na srdce. „Zajisté, vším, čím jen mohu.“

„Tak tedy. K vyšetřování budu potřebovat bystrého p-pomocníka, bude mým spojencem. Nepůjčil byste mi vašeho Smoljaninova?“

* * *

Státní rada pobyl ve žlutobílé vile jen chvíli, ne více než půl hodiny. Ale když opět vyšel na ulici, město bylo k nepoznání. Vítr již nebavilo honit bílé chomáče po křivolakých uličkách, načechrané kupy sněhu se válely po střechách i silnicích a nebe, které jako by ještě nedávno vůbec nebylo, se zázračným způsobem vyjasnilo. Ukázalo se, že není vůbec nízké a hrudkovité, ale naopak je velmi vysoko, radostně modravé a jak má být, ověnčené malinkým kroužkem, blýskavým jako zlatáček. Jako vánoční baňky vykoukly nad domy chrámové kopule, duhovými barvami se zablýskal nově napadaný sníh a Moskva prošla svojí milovanou kouzelnou proměnou. Z ropuchy se stala taková princezna, že člověk až zapomene dýchat.

Erast Petrovič se rozhlédl kolem sebe a dokonce se i zastavil, jak byl oslepen tou září.

„To je nádhera!“ zvolal poručík Smoljaninov. Ale pak se zastyděl za své přehnané nadšení a blahosklonně dodal, „Jaká to proměna... A my teď jdeme kam, pane státní rado?“

„Na Ochranné oddělení. Počasí je skutečně báječné. Projdeme se, co říkáte?“

Fandorin poslal kočár zpět do generálgubernátorovy konírny a za pět minut si to úředník zvláštního pověření a jeho rudolící společník vykračovali po Tverské ulici, kde se již všude procházelo obecenstvo poblázněné nečekanou amnestií počasí, i když domovníci teprve teď začali uklízet sníh z alejí.

Erast Petrovič na sebe neustále přitahoval pohledy kolemjdoucích. Některé vystrašené, některé soucitné a některé prostě jen zvědavé, ač nejdříve nechápal, o co jde. Ach ano, vždyť z boku a trochu zezadu vykračoval mladík v tmavomodrém četnickém plášti, s pouzdrem na revolver a šavlí. Zpovzdálí to vypadalo, že tohoto slušně vypadajícího člověka v kožešinovém plášti a

semišovém cylindru vede eskorta. Naproti nim šli dva pro Fandorina zcela neznámí studenti, kteří „trestanci“ přikývli na pozdrav a na „dozorce“ se podívali s nenávistí a opovržením. Erast Petrovič se ohlédl na poručíka, ale ten se stále usmíval a nenávisti mladíků si asi nevšiml.

„Smoljaninove, patrně se mnou pobudete několik dnů. Nenoste uniformu, může to uškodit věci. Chodte v civilu. A mimochodem, dávno jsem se vás chtěl z-zeptat...jak jste se dostal k četnictvu? Vždyť váš otec je přeci tajný rada, že ano? Mohl byste sloužit v g-gardě.“

Poručík pochopil otázku jako důvod ke zkrácení uctivé vzdálenosti, na krok dohnal úředníka a vykročil s ním bok po boku.

„A co je dobrého na gardě,“ s radostí zareagoval Smoljaninov. „Vojenské přehlídky a pitky, to je nuda. A sloužit u četníků jedna radost. Tajné úkoly, sledování nebezpečných zločinců, bývají i přestřelky. Vzpomínáte, jak se minulý rok usadil anarchista nedaleko odsud, na usedlosti v Novogirejevu? Celé tři hodiny odrážel střelbu, dva naše zranil. Mě také skoro zranil, kulka prosvištěla těsně kolem tváře. Ještě píd' a zůstal by mi šrám.“

Poslední slova byla vyslovena se zjevnou lítostí nad promeškanou možností.

„A nedotýká se vás, ten...nepřátelský postoj, jaký je ve společnosti k modrým uniformám? Obzvláště v okruhu vašich vrstevníků?“

Erast Petrovič se na svého poručíka podíval se zvláštním zájmem, ale pohled Smoljaninova byl nadále nevzrušený.

„Já si toho nevšímám, protože sloužím Rusku a moje svědomí je čisté. A předsudky vůči četnickým hodnostem se rozptýlí, až všichni pochopí, jak mnoho děláme pro ochranu státu a oběti násilí. Vždyť vy víte, že znak Četnického ústředí ustanovený imperátorem Nikolajem Pavlovičem je bílý šátek na utírání slz nešťastným a trpícím.“

Takový dobromyslný entuziasmus donutil státního radu znovu vzhlédnout na poručíka, ale ten začal hovořit ještě plamenněji:

„Naši službu považují za potupnou, protože o ní málo vědí. Ale mimochodem, dostat se k četníkům není vůbec jednoduché. Za prvé přijímají jen potomky šlechticů, protože my jsme hlavní obránci trůnu. Za druhé vybírají jen ty nejoddanější a nejevzdělanější z armádních důstojníků, jen ty, kteří ukončili školu přinejmenším v hodnosti poručíka. Aby nebyla žádná skvrnka ve službě nebo, chraň bůh, nějaké závazky. Četník musí mít čistou pověst. Víte, jaké zkoušky jsem musel vydržet? Hrůza! Za práci *Rusko ve 20. století* jsem dostal nejlepší známku a stejně jsem skoro rok čekal na kurzy a po jejich zakončení jsem ještě čtyři měsíce hledal volné místo. Pravda, do moskevského velitelství mi dopomohl otec...“

To by ani Smoljaninov nemusel dodávat, aby Erast Petrovič náležitě ocenil kvality mladíka.

„No a jaká tedy čeká Rusko budoucnost ve 20. století?“ zeptal se Fandorin a se zjevnou sympatií pohlédl na obránce vlasti.

„Ta nejlepší! Jen je třeba přesměřovat smýšlení osvícené části národa od destrukce k tvoření a neosvícenou část národa je třeba vzdělávat a postupně v ní vychovávat vědomí sebeúcty a důstojnosti. To je to nejdůležitější! Jestli toto neuděláme, Rusko čekají ty nejhrůznější zkoušky...“

Avšak konkrétně jaké zkoušky Rusko čekají se Erast Petrovič nedozvěděl, protože už zabočili do Velké Hnězdníkovské ulice a před nimi se ukázal nenápadný dvoupodlažní dům zelené barvy, kde se nacházelo Moskevské ochranné oddělení.

Pro člověka, který není zběhlý v orientaci ve spletitých sítích ruského státního aparátu, je těžké vyznat se v tom, jaký je rozdíl mezi Ochranným oddělením a Gubernským četnickým velitelstvím. Formálně přísluší prvnímu pátrání po politických zločincích, a druhému vyšetřování. Ale jelikož v tajných akcích bývá pátrání od vyšetřování neoddelitelné, oba úřady dělaly jednu a tutéž práci: hubily revoluční vřed všemi zákonem předepsanými i nepředepsanými způsoby. I četníci i “ochránci” byli lidé vážení, mnohokrát prověřeni, měli přístup k nejskrytějším tajemstvím. Avšak Gubernské velitelství bylo podřízeno velení Hlavního četnického ústředí, a Ochranné oddělení Policejní správě. Celý tento chaos se zamotal ještě více tím, že vysoce postavení úředníci Ochranného oddělení byli často vedeni pod Četnickou správou a že u četnictva sloužili státní úředníci, kteří dříve patřili pod Policejní správu. Je zřejmé, že kdysi kdosi moudrý, zkušený a s ne příliš lichotivým názorem o lidské povaze, uvážil, že jedno oko, které střeží a dohlíží nad neklidným impériem, je nějak málo. Vždyť ne nadarmo dal Bůh lidem dvě zorničky a ne jednu. I rebelii je snazší vyhledat dvěma očima a je menší pravděpodobnost, že osamělé oko začne být příliš namyšlené. Proto podle dávné tradice byla vždy ve vztazích mezi oběma odnožemi tajné policie žárlivost a nevraživost, což bylo navíc nejen přípustné, ale, jak se zdá, i podněcované.

Věčné nepřátelství mezi moskevským četnictvem a “ochránci” bylo do určité míry tlumeno společným velením. Jedni i druzí byli podřízeni městskému vrchnímu policejnímu veliteli. Zde ale obyvatelé zeleného domu měli jednu výhodu. Tím, že jejich síť agentů byla rozvětvenější, byli lépe informováni o životě a náladách velkoměsta než jejich kolegové v modrých uniformách. A pro velení to znamená, že kdo je více informován, je cennější. O jakési převaze Ochranného oddělení nepřímě svědčilo i jeho samotné umístění v bezprostřední blízkosti od rezidence vrchního policejního velitele. Stačilo jen projít zastřešeným dvorem z jednoho zadního vchodu do druhého a z ulice Malá Nikitská k domu policejního velitele na Tverské ulici to nebylo ani čtvrt hodiny rychlé chůze.

Avšak kvůli dlouhodobé nepřítomnosti hlavního policejního velení se křehká rovnováha mezi úřady na Malé Nikitské a Hnězdníkovské narušila, což bylo Erastu Petroviči dobře známo. Proto

bylo Svěřčinského nařknutí na adresu podplukovníka Burljajeva a jeho podřízených třeba chápat s určitou dávkou obezřetnosti.

Fandorin strčil do nevzhledných dveří a ocitl se v temné chodbě s nízkým popraskaným stropem. Aniž by se státní rada zastavil, kývnul na pozdrav mlčícímu člověku v civilu (ten mu odpověděl uctivou poklonou) a po starém točitém schodišti vyšel do prvního patra. Smoljaninov s čepicí v ruce ho hlučným krokem následoval.

Nahoře bylo prostředí zcela jiné: široká světlá chodba s běhounem a důležité klepání psacích strojů znělo zpoza kožených dveří a na stěnách visely vkusné rytiny s vyobrazením staré Moskvy.

Četnický poručík se patrně ocitl na nepřátelské půdě poprvé, a tak si ji prohlížel s neskrývaným zájmem.

„Sedněte si zde,“ ukázal mu Erast Petrovič na řadu židlí a sám vešel do pracovny velitele.

„Rád vás vidím při plném zdraví!“ Podplukovník vyskočil od stolu a s přehnaným vzrušením se hrnul podat hostovi ruku, i když se rozloučili asi před dvěma hodinami a státní rada, jak se zdá, mu nezavdal nejmenšího důvodu strachovat se o jeho zdraví.

Fandorin chápal Burljajevovu nervozitu tak, že podplukovníkovi je trapně kvůli nedávnému zatčení. Všechny nezbytné omluvy byly však již nespočetněkrát řečeny na nádraží. Téma bylo tedy vyčerpáno, a proto se úředník k mrzuté příhodě nevracel a hned přešel k podstatnému.

„Petře Ivanoviči, včera jste mi referoval o předpokládaných opatřeních v organizaci bezpečné návštěvy generáladjutanta Chrapova. Vaši nabídku jsem zvážil. Nakolik si vzpomínám, dal jste mi k dispozici dvanáct vyšetřovatelů ke schůzce na nádraží, čtyři v převleku kočího jste vydělil na doprovod a ještě dvě brigády po sedmi lidech střežily okolí vily na Vrabčích horách.

„Přesně tak,“ souhlasil B. obezřetně, jakoby očekával nějakou lest.“

„Byli vaši vyšetřovatelé obeznámeni, co přijede za osobu“

„Jen velitelé každé z brigád. Celkem čtyři lidé, zcela důvěryhodní.“

„Ták.“ státní rada si přeložil nohu přes nohu, odložil cylindr a rukavice na vedlejší křeslo a lhostejně se zeptal, „Doufám, že jste nezapomněl sdělit těm č-čtyřem, že celkové velení je svěřeno mně?“

Podplukovník rozhodil rukama.

„Vůbec ne, Eraste Petroviči. Nepovažoval jsem to za důležité. Měl jsem? To je moje vina“

„Cožpak nikdo kromě vás v celém Oddělení nevěděl, že vítat generála je svěřeno mně?“

Fandorin se prudce naklonil dopředu.

„Věděli o tom jen mí nejbližší spolupracovníci. Kolegiální rada Mylnikov a Zubcov, což je starší úředník plnící úkoly, a víc nikdo. V naší instituci jsou zbytečné řeči nepřípustné. Mylnikov, jak je vám známo, vede pátrací službu, před ním jsem nic tajit nemohl. A Sergej Vitaljevič Zubcov

je nejbystřejší z mých pracovníků, svého času dokonce rozpracoval schéma „Schůzka Pé-Ú“. A to je, dovoluji si říci, jeho profesionální chloubka.“

„Jaká že schůzka?“ podivil se Erast Petrovič.

„Pé-Ú. 'První úroveň'. To je taková služební terminologie. Rozčleňujeme úkoly podle úrovní v závislosti na počtu účastníků se agentů. 'Sledování první úrovně', 'Zatýkání třetí úrovně' a tak dále. 'Schůzka první úrovně' je tehdy, když je třeba zajistit bezpečnost osoby prvního stupně. Například, před dvěma týdny přijel rakouský následník trůnu arcivévoda František Ferdinand. Tehdy bylo zapojeno také třicet vyšetřovatelů: dvanáct na nádraží, čtyři v bryčkách a dvakrát sedm okolo rezidence. A 'nejvyšší stupeň' bývá jen u imperátorského veličenstva. Když nepočítám palácovou stráž, četnictvo a ostatní, pracuje všech šedesát vyšetřovatelů a z Petrohradu ještě přijede oddíl tajné policie.“

„Mylnikova znám,“ zamyšleně řekl úředník. „Eustratij Pavlovič, že ano? Viděl jsem ho při práci, je šikovný. On se vypracoval od nejnižší hodnosti, že?“

„Ano, vyšplhal se od nejnižších pochůzkářů. Nemá vzdělání, ale je bystrý, houževnatý, velmi rychle chápe. Vyšetřovatelé se k němu modlí jak k Bohu, no a on se jich zastává. Je to zlatý člověk, jsem s ním velice spokojen.“

„Zlatý?“ zapochyboval Fandorin. „Ke mně se d-doneslo, že snad Mylnikov nemá čisté ruce! Žije si nad své poměry, dokonce prý došlo i k služebnímu vyšetřování kvůli vynakládání státních prostředků?“

Burljajev důvěrně snížil hlas:

„Eraste Petroviči, Mylnikov má plně k dispozici nemalé sumy na odměny vyšetřovatelů. Jak s nimi nakládá, není moje věc. Já potřebuji, aby úřad šlapal jako hodinky, a to Eustratij Pavlovič zabezpečuje. Co ještě jiného mám chtít?“

Úředník zvláštního pověření uvážil názor, který mu byl přednesen, a neshledal nic k namítání.

„No dobrá. A co je to za člověka ten Zubcov? Skoro vůbec ho neznám. Tedy viděl jsem ho, samozřejmě, ale nikdy jsem s ním nepracoval. Jestli si dobře pamatuji, on je b-bývalý revolucionář?“

„Přesně tak,“ se zjevnou radostí začal vyprávět velitel Ochranného oddělení, „tato příhoda je mojí chloubou. Vždyť já sám jsem Sergeje Vitaljeviče zatýkal, ještě když byl student. Musel jsem si s ním dát práci. Zpočátku se choval nedůvěřivě. I u mě v cele seděl o chlebu a vodě, zakřičel jsem na něho, galejemi jsem mu hrozil. Šel jsem na něho ne se strachem, ale s přesvědčováním. Vidím, klučina bystrého rozumu, takový jako on nejsou svým myšlením nakloněni teroru a jinému násilí. Bomba a revolver jsou pro hlupáky, kteří nechápou, že hlavou zeď neprorazí. Poznávám, že můj Sergej Vitaljevič si rád popovídá o parlamentarismu, o spolenectví zdravě myslících patriotů a

tak dále. Vést s ním výslechy byla jedna radost. Podruhé zas, tomu neuvěříte, vysedával do rána ve vyšetřovací vazbě. Vidím, že se o svých spolubojovnících ze skupiny vyjadřuje kriticky, že cítí jejich omezenost a nízkost. Hledá řešení, jak napravit sociální nespravedlnost a přitom dynamitem zemi na kousky neroztrhat. To se mi velmi líbilo. Vyběhal jsem mu uzavření případu. Jeho spolubojovníci ho, samo sebou, podezřívali ze zrady a otočili se k němu zády. To ho urazilo, protože on byl před nimi čistý. Vlastně jen já jsem zůstal jeho přítelem. Scházeli jsme se, mluvili jsme o tom i o onom, já jsem mu povídal o své práci, co jen šlo, o těžkostech, jaké v tom bývají háčky. A co myslíte? Sergej Vitaljevič mi začal dávat rady, jak nejlépe s mladými mluvit, jak rozpoznat propagátora od teroristy, co si mám přečíst z revoluční literatury a tak dále. Velmi cenné rady. Jednou mu u sklenky koňaku povídám: „Sergeji Vitaljeviči, drahý příteli, přirostl jste mi za ty měsíce k srdci a bolí mě, když vás vidím, jak se zmítáte mezi dvěma pravdami. Já přeci chápu, že ti vaši nihilisté mají také svoji pravdu, jen pro vás jsou teď k nim dveře zavřené. A já říkám, víte co? Přidejte se, přidejte se k naší pravdě. Ona bude na mou věru spolehlivější. Vždyť já vidím, že vy jste skutečný patriot ruské země, vy nemáte s těmi jejich Internacionálami nic společného. Však já jsem také patriot, stejný jako vy. Budeme pomáhat Rusku společně.“ A co dál? Sergej Vitaljevič popřemýšlel a druhý den napsal dopis svým bývalým přátelům, prý naše cesty se rozešly, a podal žádost o vstup do služby pod mé velení. Teď je moje pravá ruka a ještě daleko to dotáhne, uvidíte. Mimo jiné je vašim horoucím obdivovatelem. Je prostě do Vás zamilován, čestné slovo. Stále jen hovoří o vašich deduktivních závěrech. Někdy přímo až žárlím.“

Podplukovník se zasmál, soudě podle všeho, byl velmi spokojený s tím, že i sebe ukázal v dobrém světle. Budoucímu veliteli je přeci výhodné polichotit, avšak Fandorin jako vždy podle svých zvyklostí začal úplně o něčem jiném:

„Ivane Petroviči, vy znáte vám jakousi d-dámu jménem Diana?“

Burljajev se přestal usmívat, jeho obličej přímo zkameněl a částečně se ztratila i obvyklá obhroublá vojenská bezelstnost, jeho výraz se stal ostrým. Burljajev zpozorněl.

„Mohu-li být zvědavý, pane státní rado, pročpak se o tuto dámu zajímáte?“

„Můžete,“ chladně odpověděl Fandorin. „Hledám zdroj, ze kterého se naše plány o ochraně dostaly k t-teroristům. Zatím se podařilo zjistit, že kromě Policejní správy jste z-znal detaily jen vy, Mylnikov, Zubcov, Svěřčinský a jeho pobočník. Plukovník Svěřčinský připouští, že o opatřeních mohla být informována i „spolupracovnice“ pod k-krycím jménem Diana. Vždyť vy se s ní znáte?“

Burljajev nečekaně zlostně odpověděl:

„Znám. 'Spolupracovnice' je to překrásná, o tom není pochyb. Jen Svěřčinský se zbytečně zmiňuje. Dělá ze sebe svatouška, tak říkají! Jestli se jí někdo mohl proříci, tak to nejspíše on. Má ho obtočeného kolem prstu.“

„Jak? Stanislav Filipovič je její milenec?“ užasl úředník zvláštního pověření a málem nestihl spolknout slovo 'také!'.

„A-a, čert se v tom vyznej!“ stále nazlobeně vyštěknul podplukovník, „Dokonce je to velmi pravděpodobné!“

Erast Petrovič nemohl hned utřídit své myšlenky.

„A to ona je tak krásná, ta Diana?“

„Popravdě řečeno nevím! Nikdy jsem neviděl její obličej!“ Petr Ivanovič zdůraznil poslední slovo, čímž celá fráze vyzněla dvojsmyslně.

Podplukovník to očividně sám pocítil, neboť uznal za vhodné to vyjasnit:

„Víte, Diana nikomu z nás svůj obličej neukazuje. Všechny schůzky se odehrávají v tajném bytě, v pološeru a ona je ještě pod závojem.“

„Ale to je neslýchané!“

„Hraje si na romantickou hrdinku,“ ušklíbl se Burljajev. „Jsem si jistý, že Svěřčinský její obličej také neviděl. Ostatní části těla zcela určitě, ale tvář Diana ukrývá jako v tureckém harému. To byla závazná podmínka její spolupráce. Hrozila, že i při sebemenším náznaku rozkrýt její inkognito nám přestane jakkoliv pomáhat. To bylo zvláštní nařízení od policie: o nic se nepokoušet. Ať si hraje, hlavně aby dávala informace.“

Erast Petrovič porovnal způsob, jakým Burljajev i Svěřčinský hovořili o záhadné 'spolupracovnici', a z intonace i slov obou štábních důstojníků zjistil rysy nepochybné shody. Zdá se, že Četnické velitelství a Ochranné oddělení spolu soupeřily nejen na kolbišti policejní služby.

„Víte co, Petře Ivanoviči,“ řekl Fandorin s tím nejdůležitějším pohledem, „zaujal jste mne tou vaší t-tajnou Dianou. Spojte se s ní a sdělte jí, že se s ní chci okamžitě vidět.“

Заключение

Целью моей работы стало не только обнаружение конкретных проблем, с которыми сталкивается переводчик прямо в переводе, но и понять смысл работы и положение переводчика.

Роль переводчика в современном мультикультурном обществе чрезвычайно важна. Речь идёт не только о переводчиках в деловой сфере. Они являются необходимым звеном, которое связывает обе стороны, не знают ли они язык стороны другой. В сфере нехудожественного перевода передаёт переводчик обычно существенную информацию. Информацию не окрашенную, без эмоций, чёткую, насыщенную терминами. Но всё-таки деловые общения, включая их перевод имеют огромное значение в межкультурной коммуникации. Не только в смысле экономического сотрудничества и развития, но и в плане последовательного культурного общения. Ведь культурные отношения часто начинаются с делового общения. На почве деловых отношений развиваются также межуниверситетские связи. Благодаря этим отношениям будущие переводчики знакомятся с культурой страны, язык которой они изучают.

Чтобы правильно понять и последовательно безошибочно перевести текст, переводчику, допустим в сфере банковского дела необходимо, естественно, быть компетентным в банковском деле. Лучшим вариантом считается, если у переводчика два высших образования, т.е. по специальности переводчик и в сфере, в которой он переводит. Это залог превосходного перевода. Но в какой же области должен разбираться переводчик художественного перевода? Проза может затрагивать любые темы. Но главным образом, проза передаёт культуру страны и народа. И именно эту область, т.е. культуру страны и народа, переводчик должен безусловно понимать.

В каждом из двух вышеупомянутых видов переводов есть своя доля искусства. В нехудожественном переводе переводчик должен максимально сохранить смысл сказанного. Может себе позволить ограничиться в переводе стилистических окрасок и эмоций, но ни в коем случае не смеет опустить информацию. Замена термина в результате проявляется изменением смысла сказанного. Именно поэтому у переводчиков текстов такого рода очень важно специальное образование. Не специалист может не видеть различия, нюансы между двумя синонимами, которые могут на самом деле серьёзно отличаться в своем значении.

Не менее важно образование у переводчика художественных текстов. Как уже было выше сказано, переводчик художественного произведения передаёт колорит и культуру страны исходного текста. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки.⁹⁴ Культура и колорит страны возникали на почве истории. «Культура – совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определенной общностью людей, и те ценности одной национальной общности, которые вовсе отсутствуют у другой или существенно отличаются от них, составляют национальный социокультурный фонд, так или иначе находящий свое отражение в языке».⁹⁵ Переводчик должен обладать так называемыми фоновыми знаниями. То есть те знания, общие для участников коммуникации, помогающие понять друг друга. «Это социокультурные сведения характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности».⁹⁶ Именно такими знаниями должен обладать переводчик, так как ими, в частности региональными фоновыми знаниями, читатель не владеет. Эти знания переводчик получает в ходе филологического образования. Они, безусловно, должны присутствовать при языковой подготовке переводчика. Однако лучшей практикой в данной сфере является присутствие переводчика в данной языковой среде. Многочисленные стажировки способствуют переводчику лично ознакомиться со страной, культурой, в т.ч. традициями, обычаями, и таким образом лучше понять реалии. Ведь один личный опыт лучше тысячи прочитанных книг.

В переводческой теории такими словами, которые описывают культуру и которые трудно перевести, называют реалиями. В каждом художественном произведении переводчик сталкивается с реалиями. Теория перевода определяет реалии как: «Слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке».⁹⁷ На самом деле реалии являются безэквивалентной лексикой. Из этого вытекает, что они не могут быть переведены на другой язык. Однако, задача переводчика – справиться с данной ситуацией и передать значение реалии читателю таким образом, чтобы читатель понял и воспринял смысл реалии так, как и носитель языка исходного языка.

⁹⁴ КОМИССАРОВ Вилен Наумович. *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС & Polyglossum, 2000–2001. Стр.11

⁹⁵ ВИНОГРАДОВ, Венедикт Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. Стр. 36

⁹⁶ БАРХУДАРОВ, Леонид Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Междунар. отношения, 1975. Стр. 36

⁹⁷ БАРХУДАРОВ, Леонид Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Междунар. отношения, 1975. Стр. 95

В начале каждого перевода стоит ознакомление с текстом и одновременно его понятие. Чтобы текст понял читатель из другой культурной среды, сначала его должен понять переводчик. В результате появляется у переводчика точка зрения на текст, определяющая, каким образом будет переводчик текст передавать. Переводчик не может остановиться в своей работе только на самом переводе. Необходимо помнить о читателе. Ведь переводчик переводит не для себя, а для читателя. Следующим шагом считается ознакомление с читательской публикой. Читатели какого возраста, какого слоя населения будут книгу читать? Опять не забываем о том, что читатель переведённого текста происходит из другой культурной среды. Переводчик не может строго переводить слова. Его задача заключается в передаче смысла текста таким образом, чтобы текст был понятен читателю.

Именно в этом моменте начинается работа переводчика в качестве дешифратора. Его работу можно назвать дешифрированием, поскольку текст является условной шифрой, шифрой культуры народа. Так как информация в тексте не раскрыта, а спрятана. Переводчик служит посредником, раскрывающий информацию, или же шифру. Переводчик осуществляет межязыковую трансформацию на одном языке в язык другой. «В умении находить индивидуальные, единичные, «не предусмотренные» теорией соответствия как раз и заключается творческий характер переводческой деятельности».⁹⁸ С одной стороны переводчик создаёт новый текст, но с другой текст перевода должен содержать смысл исходного текста. В таком случае говорим о переводе. Теория перевода говорит об эквивалентности перевода. Многие теоретики утверждают, что эквивалентность подлинника и перевода не базируется на тождестве выражаемых значений. Бархударов понимает под эквивалентностью сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Иными словами, теория перевода в принципе безразлична к языковому статусу сопоставляемых единиц, к тому, относятся ли они к грамматическим, лексическим или еще каким-либо средствам; для нее существенным является лишь их семантическое тождество, то есть единство выражаемого ими содержания.

Переводчик должен узнавать в тексте не только вовсе ясные культурные признаки, но и намёки. И конечно должен понимать, их внутреннее значение, их внутренний скрытый смысл.

⁹⁸ БАРХУДАРОВ, Леонид Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Междунар. отношения, 1975. Стр. 7

И при переводе книги Статский советник Бориса Акунина на чешский язык возникали огромные проблемы, как перевести те или иные реалии или фразеологизмы.

Хотя, Борис Акунин является современным автором книг, его романы происходят в конце XIX.века. Мной предстояло решить проблему перевода архаизмов, историзмов и военной терминологии.

Чтобы читатель ощутил атмосферу конца XIX.века пришлось искать параллели между воинскими учреждениями и органами безопасности России и Чешских земель бывшей Австрийско-Венгерской империи.

Здесь хотелось бы остановиться на вопросе использования интернета, как огромного помощника переводчика. И мне пришлось пользоваться этим современным средством, так как я не полностью разбиралась в иерархии ни воинских ни штатских чинов. И не всегда переводчик располагает подходящими книгами или журналами и не всегда можно в вышеуказанных источниках найти требуемую информацию. Однако, можно ли считать интернет достоверным источником? И что же делать переводчику, которому необходимо перевести реалии в условиях отсутствия нужной информации в общепринятых достоверных источниках? Я, как переводчик, пользуюсь интернетом. Но переводчик безусловно должен проверять информацию. Вряд ли можно считать достоверной информацию из так называемых блогов (личные любительские сайты). В настоящее время почти все газеты, журналы, государственные учреждения, музеи, университеты имеют свои официальные интернетовские страницы, где публикуют самую свежую информацию своих сотрудников, ученых и специалистов. Таким источникам можно доверять и пользоваться ими. Именно такими источниками пользовалась и я, в частности официальными сайтами Министерства внутренних дел и журналов с военной тематикой. Интернет стал незаменимым источником и помощником при переводе и предыдущем необходимом сопоставлении вышеупомянутых воинских ни штатских чинов или в поиске названий военной одежды.

Как уже было упомянуто в начале, переводы способствуют сближению культур. Благодаря книге Статский советник я познакомилась со структурой штатских и воинских чинов дореволюционной России.

К сожалению на чешском книжном рынке появляется довольно мало переводов русских авторов. Жалко, что такие авторы, как Виктор Пелевин или Владимир Сорокин, которые на сегодня в России считаются лучшими и талантливейшими, на чешский язык почти не переводятся. Книг Виктора Пелевина было издано только четыре (*Generace P, Omon Ra, Čapaje a prázdnost, Helma hrůzy*). В случае Владимира Сорокина ситуация с переводом еще печальнее. Были изданы всего лишь 2 книги: *Тридцатая любовь Марины* и

Очередь. Положение с Борисом Акуниным уже лучше. До сих пор было издано 6 романов (*Левифан, Смерть Ахиллеса, Турецкин гамбит, Азазель, Особые поручения, Алтын - Толобас*).

Несмотря на вышесказанное сегодняшнее положение русской литературы и её переводов на чешский язык, данная ситуация лучше чем с переводами чешской литературы на русский язык. В последние годы в России выходили лишь переводы чешской классики: Чапека (почти все его произведения), Грабала, некоторые произведения Кундеры (*Невыносимая легкость бытия, Шутка, Вальс на прощание, Книга смеха и забвения, Нарушенные завещания*), а также Вацулика. На русском рынке уже появились два перевода самого популярного современного писателя в Чехии Михала Вивега «*Лучшие годы-псу под хост*» и «*Летописцы отцовской любви*».

Ежегодно проходят в столице и в крупных городах России презентации чешской культуры, в том числе литературы. В Москве в Библиотеке иностранной литературы, в Санкт Петербурге «Общество братьев Чапек», которое проводит регулярные встречи и таким образом знакомит российское общество с чешской культурой.

Поскольку обе страны говорят на разных языках, задачей переводчика – устранять языковые барьеры, чтобы обе страны отлично понимали друг друга и чтобы непонимание не возбраняло дальнейшему сближению.

Перевод книги Статский советник мне дал понять, насколько трудна и ответственна работа переводчика. Переводчик является не только посредником, который лишь переводит слова, но также частично соавтором нового произведения.

Кроме анализа книги, целью моей работы стало и стремление посредством перевода книги Статский советник небольшой долей приблизить чешскому читателю русскую культуру и мир.

Resumé

Komentovaný překlad části knihy Borise Akunina „Státní rada“.

V tomto resume bych ráda shrnula obsah mé diplomové práce a výsledky, ke kterým jsem dospěla po jejím vypracování.

Diplomová práce obsahuje úvod, čtyři kapitoly, závěr a přílohy.

Cílem diplomové práce byl jednak překlad úvodu a dvou kapitol z knihy *Статский советник* ruského autora Borise Akunina jednak komentář a rozbor tohoto překladu.

V kapitole první jsem se zabývala překladem všeobecně. Bylo nutné nejdříve prostudovat teoretické aspekty překladu.

Pod výrazem „překlad“ chápeme jak proces, tak i výsledek procesu. V práci jsem se zabývala překladem, jakožto procesem.

Komunikativní cíl je jistým způsobem základním kamenem překladu. Úkolem překladatele není totiž překlad slov jako samostatných, na sobě nezávislých jednotek. Nýbrž předání informace mezi dvěma subjekty, což je i základní funkcí překladu. Tato informace může mít povahu věcného sdělení, ale také povahu emocionálně-expresivní. Překladatel má tedy předat pocity. A to takovým způsobem, aby překlad na čtenáře překládaného jazyka působil tak, jak originální text na čtenáře výchozího jazyka. Překladateli je v určitém měřítku dovoleno měnit informaci, strukturu nebo obsah. Avšak jen do takové míry, aby byl zachován invariant. Překlad má být plnohodnotnou náhradou originálu.

Jelikož čtenář překládaného jazyka tento jazyk neovládá a také nemá základní informace (фондовая информация), která mu umožňuje chápat kulturní kontext, neboť pochází z jiného kulturního zázemí. V tomto okamžiku vstupuje do jejich komunikace překladatel. Ten je jakýmsi prostředníkem spojující tyto dva subjekty. Překlad může být realizován jen osobou znající dokonale oba jazyky a mající tyto základní informace.

Překladatel by měl být při překladu maximálně objektivní. To však nejde stoprocentně zaručit. Každý překladatel, tak jako čtenář, pochází z jiného kulturního prostředí a zázemí, čte knihu v jiném období a přijímá tedy originál po svém. I překládání není prací podle šablony. Je to práce tvůrčí, kde se projevuje osobnost překladatele. A i když je překlad podložen teoretickými aspekty a radami, překladatel jistým způsobem používá intuici a cit. Proto se také hovoří o „umění překladu“. A proto ani překlad se nemůže absolutně shodovat s originálem

Práce překladatele je tedy vůči čtenáři velmi zodpovědnou činností. Na samém začátku je nutné, aby si překladatel přečetl knihu z pozice čtenáře. Při tom již začíná přemýšlet, bude-li tuto

knihu překládat a jak. Při druhém čtení si již překladatel dělá k textu poznámky, vymezuje problematická místa, kterými může být speciální lexika, reálie či frazeologie, postupně je dohledává. I zkušený překladatel si pomáhá slovníky a encyklopediemi. Výhodou pro překladatele je, pokud se může poradit přímo s rodilým mluvčím, který mu může poradit nejen s lexikou, ale také s expresivním či emocionálním obsahem textu, který může být pro překladatele skryt. Nepostradatelným pomocníkem překladatele je v dnešní době i internet. Vedou se spory, zda-li může být internet považován za důvěryhodný zdroj informací. To samozřejmě závisí na překladateli, z jakých internetových stránek informaci čerpá. Za důvěryhodný zdroj mohou být považovány oficiální stránky úřadů (ministerstev), vysokých škol a univerzit, kde jsou publikovány elektronické sborníky z konferencí, ke kterým by se překladatel jinak těžko dostával. Já jsem ve své práci používala také oficiální stránky zájmových klubů (např. historie armády Rakousko-Uherska) či internetová stránka věnovaná tvorbě Borise Akunina, kde jsou shromážděny všechny knihy, novinové články a rozhovory a autorem, což mi velmi usnadnilo práci při vyhledávání informací.

Jedním z problémových momentů v překladu jsou reálie. Překladatel by měl pečlivě zvážit, nechá-li reálii v transkribované (či transliterované) podobě nebo ji nahradí českým ekvivalentem. Transkribovaná (transliterovaná) reálie sice vnese, zachová a někdy i podtrhne kulturní příslušnost textu k jazyku, avšak pokud ji čtenář nezná a nechápe její obsah, je spíše rušivým elementem. Pokud taková situace nastane, je nejlépe, pokud překladatel danou reálii zachová, ale přidá k ní vysvětlení, které čtenáři pomůže pochopit význam. Při dalším jejím výskytu je již čtenář obeznámen a není třeba ji dále vysvětlovat. Stejný postup jsem použila ve svém překladu. U několika reálií by čtenáři nepochopili význam slova. Já jsem však chtěla zachovat ruský kolorit textu. Proto jsem přímo do textu k transkribovaným reáliím připojila i vysvětlení významu. Na konci druhé fáze tedy překladatel pochopil text, určil styl autora, zvládl obtížná místa a může tedy přistoupit k vlastnímu překladu. Po dokončení překladu by měl překladatel text na delší dobu odložit, než přistoupí k opravě textu. Poté se k překladu vrací. Je více odpoután od originálu a nahlíží na překlad s odstupem času.

Překladatel se tím častěji setkává s problémy, čím méně má zkušeností s překladem. Já, jakožto začínající překladatel, jsem se na každé straně setkávala s obtížnými místy, jak z lexikálního a gramatického hlediska, tak i z hlediska kulturního. Nezkušený překladatel se často dopouští chyb spojených s nesprávným přečtením či pochopením textu. A to ve všech výše zmíněných oblastech. Nespornou výhodou mu bude pomoc rodilého mluvčího. Začínající překladatel by se měl obzvláště soustředit na práci se slovníkem. Při své práci jsem se neobešla bez klasického rusko-českého a česko-ruského slovníku. Avšak velkým pomocníkem mi byl výkladový slovník Ušakova. Ne vždy se dá slovo přesně přeložit do druhého jazyka, ale podrobným

vysvětlením se dá přenést i emocionální nebo expresivní zabarvení. Překladatel pak sám pole kontextu vybere vhodný ekvivalent.

Součástí první kapitoly je i popis situace s překlady dnes, která by se dala ve stručnosti charakterizovat jako nepříliš ideální. Z českého jazyka do ruského se nepřekládá mnoho, ale přibližně deset knih ročně také není zanedbatelný počet. Každoročně se organizace a spolky, jako například Společnost bratří Čapků v Sankt Petěrburku, snaží přiblížit českou kulturu a literaturu ruské společnosti. Velkou zásluhu na rozvoji česko-ruských kontaktů má bezesporu České centrum v Moskvě, které pořádá výstavy, soutěže a prezentace českých autorů na ruském knižním trhu.

Překládání literatury podléhá módě. Ruská literatura zatím v módě není. Kromě klasické ruské literatury můžeme na českém trhu najít překlady úspěšných ruských spisovatelů Sorokina, Akunina, Ulické. Překladů je však stále málo.

Druhá kapitola pojednává o autorovi knihy a knize samotné.

Boris Akunin je pseudonym ruského spisovatele gruzínského původu Grigorije Šalvoviče Čchartišvili. Boris Akunin vystudoval japanologii, což se projevilo nejen v začátcích jeho literární tvorby, ale i v jeho detektivních příbězích. Dokonce i jeho pseudonym je japonského původu a znamená *zloděj* či *bandita*. Zpočátku Boris Akunin publikoval pod svým pravým jménem. Později, kdy začal vydávat své detektivní příběhy, už jen pod pseudonymem. Dnes je tento spisovatel považován za jednoho z nejúspěšnějších a nejvydávanějších ruských autorů v současné době. Médii je dokonce označován za „úspěšnou obchodní značku“. Byl několikrát oceněn. V roce 2000 jako *Autor roku*, v roce 2007 dostal cenu za nejlepší překlad z japonského jazyka, a o dva roky později získal vyznamenání od japonské vlády za vklad v kulturní rozvoj mezi Ruskem a Japonskem. V roce 2008 vydal Boris Akunin román *Kvest*. Sám autor popisuje knihu jako román-počítačová hra. Je to velmi zajímavé propojení dvou absolutně rozdílných stylů zábavy, jelikož v knize se autor snaží zachovat rysy a pravidla počítačových her.

Podle jeho knih bylo natočeno několik celovečerních filmů (*Azazel*, *Turecký gambit*, *Pelageja a bílý bulgog*, *Státní rada*). Nejpopulárnější z nich se stal film *Státní rada*, který po svém uvedení do kin vyvolal v Rusku „akuninománii“. Po shlédnutí tohoto filmu jsem si přečetla knihu. Velmi mne zaujalo spojení historického tématu a detektivky. A proto jsem se rozhodla zvolit tuto knihu jako výchozí text pro překlad. Dalším důvodem byl také fakt, že tato kniha nebyla doposud přeložena do českého jazyka. Domnívám se, že je velká škoda, že tato kniha nefiguruje na seznamu děl přeložených do češtiny. Zatím bylo přeloženo pouze pět knih (*Případ Azazel*, *Turecký gambit*, *Leviatan*, *Zvláštní úkoly*, *Achillova smrt*).

Pokud se čtenář začne hlouběji zajímat o historické reálie, zjistí, že si dal Boris Akunin velkou práci při pátrání po reálných postavách, které se staly obrazem pro jeho románové hrdiny.

Boris Akunin maximálně využívá reálných historických postav a událostí, na jejichž pozadí vytváří fikci.

Státní rada je detektivkou ze série knih Dobrodružství Erasta Fandorina. Román se odehrává v roce 1891 v Moskvě. Na samém začátku knihy dochází k vraždě vysoko postaveného státního činitele. Z vraždy je obviněn Erast Petrovič. Jak se později ukazuje, vrahem je šéf teroristické organizace, který se za Fandorina převlékl. Fandorin začíná pátrání, na jehož konci zjišťuje, že spleť nitky vedou od teroristické organizace až k samotné vládě. Fandorin, dokonalý, vzdělaný gentleman, s genialitou Hercula Poirota a dedukčními schopnostmi Sherlocka Holmese.

Kromě Erasta Petroviče Fandorina vytvořil Boris Akunin ještě další detektivy, a to sestru Pelageju a vnuka Erasta Petroviče Nikolase Fandorina.

Třetí kapitola obsahuje již komentáře a analýzu překladu.

Prvním a snad asi i největším problémem při překladu zůstávají reálie. Úskalí se skrývá v samé podstatě reálií. Ty jsou definovány jako slova (předměty, činnost), která jsou spojena s určitým národem, která předávají národní, historický či kulturní ráz a která se neobjevují v žádných jiných kulturách. Základní otázkou je tedy, jak přeložit do jiného jazyka něco, co v něm neexistuje.

Dalším problémem je překlad termínů. Někdy jsou termíny zaměňovány s reáliemi. Termín je sice definován jako slovo, které nepatří ani do jednoho jazyka a je tedy internacionální (zatímco reálie patří, viz výše). Avšak toto striktní rozdělení vždy neplatí.

Státní rada je kniha odehrávající se nejen v policejním a vojenském prostředí, ale také ve státním aparátu (např. četník, plukovník, štábní rotmistr, státní rada, kolegiální rada a jiné). Je tedy protknuta nejrůznějšími termíny z toho prostředí. Já jsem tato slova nepovažovala za reálie, jelikož nejsou pouze ruským jevem. I v naší armádě a polici byly a budou hodnosti.

Základním principem při překladu termínů je nepřekládat, nýbrž dosazovat ekvivalenty. Ne vždy však k danému termínu existuje ekvivalent s významem, který by přesně vystihoval daný termín v originálu. Aby mohl překladatel správně zaměnit termín za termín, je nezbytné orientovat se v problematice té či oné terminologie. V mém případě vojenské a policejní terminologie a terminologie hierarchie státního aparátu.

Jedním z typických jevů v ruské literatuře jsou cizojazyčné pasáže v ruském textu. Ve většině případů se jedná o francouzský jazyk. Tento fakt je podmíněn náklonností ruské šlechty k francouzskému jazyku a frankofonní kultuře. Snad nejznámějším příkladem je román *Vojna a mír*. V *Státním radovi* se objevuje cizojazyčná pasáž jen jednou a pouze jedno slovo. Avšak i toto slovo poukazuje na příslušnost Erasta Petroviče ke vzdělané vrstvě společnosti.

Při klasifikaci reálií jsem se držela rozdělení podle knihy *Непереводимое в переводе* autorů S.Vlachova a S.Florina. Ti dělí reálie na předmětné, místní a časové. Do skupiny předmětných reálií patří například geografické, etnografické či politické reálie. Skupinu místních reálií rozdělují na národní, regionální, mezinárodní a mikroreálie. Skupina časových reálií se dále dělí podle vztahu předmět-čas, místo-čas a také podle osvojení cizích reálií.

Přejímání nových slov probíhalo v Rusku v několika vlnách. Já jsem se však ve své práci zabývala pouze osvojováním lexiky v době vlády Petra Velikého, kdy došlo k přílivu nových slov z nizozemského a německého jazyka a to především v oblasti vojenství a policie.

Pokud chce překladatel zachovat reálii v textu, aniž by ji zaměnil českým ekvivalentem, musí mít především na zřeteli, jestli čtenář danou reálii zná. S tímto problémem jsem se setkala i já. Proto jsem mezi svými známými provedla malý průzkum týkající se znalosti či neznalosti reálií v textu.

Pokud čtenář danou reálii nezná, ale překladatel přesto chce v rámci zachování národního koloritu reálii nechat, měl tuto situaci řešit dodatečným vysvětlením. Například přímo do věty doplnit synonymická slovní spojení vysvětlující význam reálie.

Další možností je transkripce či transliterace. Tento postup se používá při překladu jmen vlastních a geografických, názvů novin a časopisů apod. Negativní stránkou je fakt, že transkripce či transliterace neodhaluje význam slovo.

Pokud slovo chceme přeložit, máme na výběr tři možnosti: vytvoření neologismu, překlad přibližný a překlad opisem.

Vytváření neologismů je však doporučováno pouze zkušeným překladatelům.

Překlad přibližný je tedy překlad při pomoci analogického slova v překládaném jazyce. Překladatel si však musí dát pozor, aby analogické slovo nevyvolával u čtenáře zcela jiné konotace.

Při překladu pomocí opisu se překladatel snaží slovními spojeními či slovy, vysvětlit význam reálie (viz výše).

Státní rada se odehrává v roce 1891, a proto se v něm objevuje mnoho historismů a archaismů. Abych mohla adekvátně přiblížit českému čtenáři období konce 19. století, zvolila jsem pro překlad lexiku z toho samého období v českých poměrech, tedy uspořádání Rakousko-Uherské armády a policejních složek. To bylo ale pro mne zcela nové téma. Proto jsem nejdříve musela hledat informace z obou zemí, nastudovat literaturu a teprve poté se rozhodnout jaké ekvivalenty zvolit.

Jednotky míry, váhy, vzdálenosti či času jsou důležitým nositelem koloritu, ale také zrádnou oblastí v překladu. Ne vždy je vhodné za každou cenu zachovat tyto jednotky v původní podobě.

Pokud čtenář jednotky nezná, není schopen si vytvořit představu o jejich významu. Je tedy lépe je zaměnit ekvivalentem blízkým čtenáři nebo opisem dodat informaci, vysvětlují význam reálie.

Jména vlastní se ve většině případů transkribují. Tedy tak jak jméno zní při jeho výslovnosti. Výjimku tvoří například jména panovníků či známých osobností, pro které byl již v překládaném jazyce vytvořen ekvivalent. Může nastat případ, když zvuk ve výchozím jazyce neexistuje v jazyce překládaném. V tomto případě překladatel použije zvuků podobných. Při překladech z ruštiny do češtiny to může být písmeno *u*, pro které jsem použila spojení dvou písmen *š* a *j*, nebo při zpětném překladu české písmeno *h*, které se zaměňuje písmenem *z*. Pokud se jedná v ruštině o výslovnost nepřízvučného *o*, které se pak čte jako *a*, převádí se *o* beze změn. Při zkoumání jmen postav v knize jsem narazila na zajímavý moment, a to, že mnoho postav z knihy má podobná jména jako reální lidé na jejich postu v době, kdy se odehrává kniha. Boris Akunin tedy použil reálné postavy jako obraz pro své postavy. Ale nejedná se pouze o postavy. Dokonce i adresy a názvy úřadů odpovídají skutečnosti. Což je také jeden z akuninových rysů.

Oslovování osob mělo v dřívějších dobách nesmírný význam, neboť podtrhovalo společenské postavení osobvy. I ve *Státním radovi* jsem se setkala s oslovováním. Pro českého čtenáře může oslovování *vaše blahorodí* či *vaše vysokorodí* působit nepřírozně, avšak já jsem přesvědčena, že toto oslovování snad nejvíce podtrhuje ruský kolorit.

S problémy u citoslovcí jsem se nesečkala. Naprosto veškerá citoslovce mají v českém jazyce ekvivalent. Zvláštním jevem, a to nejen v ruském jazyce, je používání citoslovcí s komponentem *bůh*, který je také někdy zaměňován komponentem *čert* a jejich odvozenin. Jelikož máme v češtině také bohatý výběr těchto citoslovcí, bez větších obtíží jsem našla vhodné ekvivalenty.

V textu se objevily pouze dvě zkratky, jejichž význam sem bez problému pochopila, vhodným způsobem přeložila a od překladu vytvořila novou zkratku.

Obtížným úkolem byly však metafory. Je někdy velmi těžké je poznat. Úkolem překladatele je zachovat emocionální a expresivní zabarvení, o které tu jde především. Překladatel tedy musí rozpoznat metaforu, pochopit její význam a teprve potom ji předat.

Oříškem pro překladatele jsou aluze. Jde výhradně o část kultury, kterou čtenář z jiného kulturního zázemí nemůže pochopit. V textu se objevila pouze jedna aluze. Tuto aluzi jsem nenahradila českou aluzí. Jakákoliv česká aluze by se do textu nehodila, a proto jsem ji nahradila neutrálním výrazem.

Stejně jako u metafor i u frazeologismů je nejdůležitější, aby překladatel zachoval smysl, emocionální a expresivní zabarvení. Protože expresivita je základní složkou frazeologismů, neboť vyjadřuje subjektivní postoj mluvčího k popisované skutečnosti. Při překladu můžou nastat tři situace: frazeologismus ve výchozím jazyce má plnohodnotný frazeologický ekvivalent

v překládaném jazyce, frazeologismus ve výchozím jazyce nemá plnohodnotný frazeologický ekvivalent v překládaném jazyce a je třeba ho nahradit zcela jiným frazeologismem. Třetí varianta, kdy v překládaném jazyce neexistuje pro frazeologismus ve výchozím jazyce odpovídající ekvivalent a překladatel je nucen ho zaměnit neutrálním výrazem, který ovšem v sobě neobsahuje žádné expresivní zabarvení.

Poslední část třetí kapitoly jsem věnovala názvu díla, neboť i překladatel vybírá název díla většinou na konci překlad. Název díla je jakousi reklamou na knihu. Je to většinou to první, co čtenáře osloví a podle čeho si čtenář knihu vybírá. Proto by si měl překladatel dát záležet na výběru názvu díla. Úskalí se ovšem skrývá nejen v tom, aby název zaujal čtenáře. Název díla může obsahovat reálie nebo takové prvky, které českému čtenáři nic neříkají. V tomto případě je překladatel nucen změnit název díla, tak, aby odpovídal českých zvyklostem. Jelikož název knihy, kterou jsem překládala, reálie neobsahoval, zachovala jsem název knihy takový, jaká je v originále.

Čtvrtá kapitola je vlastní překlad knihy Státní rada. Pro překlad jsem zvolila úvod a následující dvě kapitoly.

V závěru shrnuji výsledky, ke kterým jsem dospěla v průběhu práce nad překladem a analýzou.

V příloze je uveden výchozí text pro překlad a fotografie Borise Akunina.

Список литературы

БАРХУДАРОВ, Леонид, Степанович. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Международные отношения. 1975.

ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001.

ВИНОГРАДОВ, Венедикт, Степанович. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Автореф. докт. дисс. М.: Изд. МГУ, 1975.

ВИНОГРАДОВ, Виктор Владимирович. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва: Наука, 1977.

ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН, Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980.

КОМИССАРОВ, Вилен Наумович. *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС & Polyglossum, 2000–2001.

КОМИССАРОВ, Вилен Наумович. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высш. шк., 1990.

KUFNEROVÁ, Zlata a kol. *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 2003.

MORAVEC, Jaroslav (red.). *Kniha o překládání*. Praha: Nakladatelství Československo-sovětského institutu, 1953.

SLAVICA PRAGENSIA XXIII. Praha: Univerzita Karlova. 1980

TRANSLATOLOGICA PRAGENSIA I-III, V. Praha: Univerzita Karlova. 1984-1991.

VYCHODILOVÁ, Zdeňka. *K překládání české beletrie do ruštiny v posledních dvou desetiletích*.

In: KALIVODOVÁ, Eva a kol. *Tajemná translologie*. Praha: Ústav translologie FF UK. 2008.

Словари

ЛОПАТИН, Владимир Владимирович. *Орфографический словарь*. Dostupný z

<<http://www.dict.t-mm.ru/lopatin>>

РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Словарь-справочник лингвистических терминов*.

Dostupný z <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/t.php>

УШАКОВ, Дмитрий Николаевич. *Большой толковый словарь современного русского языка*.

Dostupnost z <<http://ushdict.narod.ru/>>.

Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR . *Internetová jazyková příručka*. Dostupnost z <<http://prirucka.ujc.cas.cz/>>.

ŠTROUFOVÁ, Miloslava a kol. *Rusko-český a česko-ruský slovník*. Praha: Leda.2003.

Интернетовские источники

<http://abookclub.ru/news/index.php?ID=11359>

<http://award.armor.kiev.ua/georg/index.html>

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/323193>

<http://flot.com/publications/books/shelf/belyaev/18.htm>

<http://rakuherarmada.webpark.cz>

<http://slovari.yandex.ru/dict/io/article/io/19000/13318.htm>

<http://vestnikcie.fvds.ru/vestnik/rus/2009/n2/04/Kuptsova2.pdf>

<http://www.bibliotekar.ru>

http://www.expopark.ru/RU/Non_Fiction.shtml?id=20&languash=RU&basket=&mode=full_news&id_news=3869

<http://www.fandorin.ru/akunin/akuninworks.html>

<http://www.geraldika.org>

http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/mednikov_ep.html

<http://www.lenta.ru/lib/14183665/>

<http://www.mj.rusk.ru/show.php?idar=801145>

<http://www.rian.ru/economy/20090406/167241576.html>

<http://www.se-i-ydlitz.de/index.php>

<http://www.soldat.ru/spravka/rank/table1.html>

Приложение

Приложение №1

Борис Акунин Статский советник

Пролог

По левой стороне окна были слепые, в сплошных бельмах наледи и мокрого снега. Ветер кидал липкие, мягкие хлопья в жалостно дребезжащие стекла, раскачивал тяжелую тушу вагона, все не терял надежды спихнуть поезд со скользких рельсов и покатить его черной колбасой по широкой белой равнине — через замерзшую речку, через мертвые поля, напрямик к дальнему лесу, смутно темневшему на стыке земли и неба.

Весь этот печальный ландшафт можно было рассмотреть через окна по правой стороне, замечательно чистые и зрячие, да только что на него смотреть? Ну снег, ну разбойничий свист ветра, ну мутное низкое небо — тьма, холод и смерть.

Зато внутри, в министерском салон-вагоне, было славно: уютный мрак, подсиненный голубым шелковым абажуром, потрескивание дров за бронзовой дверцей печки, ритмичное звяканье ложечки о стакан. Небольшой, но отлично оборудованный кабинет — со столом для совещаний, с кожаными креслами, с картой империи на стене — неся со скоростью пятьдесят верст в час сквозь пургу, нежить и ненастный зимний рассвет.

В одном из кресел, накрывшись до самого подбородка шотландским пледом, дремал старик с властным и мужественным лицом. Даже во сне седые брови были сурово сдвинуты, в углах жесткого рта залегла скорбная складка, морщинистые веки то и дело нервно подрагивали. Раскачивающийся круг света от лампы выхватил из полутьмы крепкую руку, лежавшую на подлокотнике красного дерева, сверкнул алмазным перстнем на безымянном пальце.

На столе, прямо под абажуром, лежала стопка газет. Сверху — нелегальная цюрихская “Воля народа”, совсем свежая, позавчерашняя. На развернутой полосе статья, сердито отчеркнутая красным карандашом:

Палача прячут от возмездия

Редакции стало известно из самого верного источника, что генерал-адъютант Храпов, в минувший четверг отрешенный от должности товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов, в ближайшем времени будет назначен сибирским генерал-губернатором и немедленно отправится к новому месту службы.

Мотивы этого перемещения слишком понятны. Царь хочет спасти Храпова от народной мести, на время упрятив своего цепного пса подальше от столиц. Но приговор нашей партии, объявленный кровавому сатрапу, остается в силе. Отдав изуверский приказ подвергнуть порке политическую заключенную Полину Иванцову, Храпов поставил себя вне законов человечности. Он не может оставаться в живых. Палачу дважды удалось спастись от мстителей, но он все равно обречен.

Из того же источника нам стало известно, что Храпову уже обещан портфель

министра внутренних дел. Назначение в Сибирь является временной мерой, призванной вывести Храпова из-под карающего меча народного гнева. Царские опричники рассчитывают открыть и уничтожить нашу Боевую Группу, которой поручено привести приговор над палачом в исполнение. Когда же опасность минует, Храпов триумфально вернется в Петербург и станет полновластным временщиком.

Этому не бывать! Загубленные жизни наших товарищей вызывают о возмездии.

Не вынесшая позора Иванцова удавилась в карцере. Ей было всего семнадцать лет.

Двадцатитрехлетняя курсистка Скокова стреляла в сатрапа, не попала и была повешена.

Наш товарищ из Боевой Группы, имя которого хранится в тайне, был убит осколком собственной бомбы, а Храпов опять уцелел.

Ничего, ваше высокопревосходительство, как веревочке ни виться, а конца не миновать. Наша Боевая Группа отыщет вас и в Сибири.

Приятного путешествия!

Паровоз загрохотал, сначала протяжно, потом короткими гудками: У-у-у! У! У! У! Губы спящего беспокойно дрогнули, с них сорвался глухой стон. Глаза раскрылись, недоуменно метнулись влево — на белые окна, вправо — на черные, и взгляд прояснился, стал осмысленным, острым. Суровый старик откинул плед (под которым обнаружили бархатную курточка, белая сорочка, черный галстук), пожевал сухими губами и позвонил в колокольчик.

Через мгновение дверь, что вела из кабинета в приемную, открылась. Поправляя портупею, влетел молодцеватый подполковник в синем жандармском мундире с белыми аксельбантами.

— С добрым утром, ваше высокопревосходительство!

— Тверь проехали? — густым голосом спросил генерал, не ответив на приветствие.

— Так точно, Иван Федорович. К Клину подъезжаем.

— Как так к Клину? — засердился сидящий. — Уже? Почему раньше не разбудил? Проспал? Офицер потер мятую щеку.

— Никак нет. Видел, что вы уснули. Думаю, пусть Иван Федорович хоть немножко поспят. Ничего, успеете и умыться, и одеться, и чаю попить. До Москвы еще час целый.

Поезд сбавил ход, готовясь тормозить. За окнами замелькали огни, стали видны редкие фонари, заснеженные крыши.

Генерал зевнул.

— Ладно, пусть поставят самовар. Что-то не проснусь никак.

Жандарм откозырял и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

В приемной горел яркий свет, пахло ликером и сигарным дымом. Подле письменного стола, подперев голову, сидел еще один офицер — белобрысый, розоволицый, со светлыми бровями и поросычьими ресницами. Он потянулся, хрустнул суставами, спросил у подполковника: — Ну, что там?

— Чаю хочет. Я распоряжусь.

— А-а, — протянул альбинос и глянул в окно. — Это что, Клин? Садись, Мишель. Я скажу про самовар. Выйду, ноги разомну. Заодно проверю, не дрыхнут ли, черти.

Он встал, одернул мундир и, позванивая шпорами, вышел в третью комнату чудо-вагона. Тут уж все было совсем просто: стулья вдоль стен, вешалки для верхней одежды, в углу столик с посудой и самоваром. Двое крепких мужчин в одинаковых камлотовых тройках и с одинаково подкрученными усами (только у одного песочными, а у второго рыжими) неподвижно сидели друг напротив друга. Еще двое спали на сдвинутых стульях.

Те, что сидели, при появлении белобрысого вскочили, но офицер приложил палец к губам — пусть, мол, спят — показал на самовар и шепотом сказал:

— Чаю его высокопревосходительству. Уф, душно. Выйду воздуха глотну.

В тамбуре вытянулись в струнку двое жандармов с карабинами. Тамбур не протапливался, и часовые были в шинелях, шапках, башлыках.

— Скоро сменяетесь? — спросил офицер, натягивая белые перчатки и вглядываясь в медленно наплывающий перрон.

— Только заступили, ваше благородие! — гаркнул старший по караулу. — Теперь до самой Москвы.

— Ну-ну.

Альбинос толкнул тяжелую дверь, и в вагон дунуло свежим ветром, мокрым снегом, мазутом.

— Восемь часов, а едва засерело, — вздохнул офицер, ни к кому не обращаясь, и спустился на ступеньку.

Поезд еще не остановился, еще скрипел и скрежетал тормозами, а по платформе к салон-вагону уже спешили двое: один низенький, с фонарем, второй высокий, узкий, в цилиндре и широком щегольском макинтоше с пелериной.

— Вот он, специальный! — крикнул первый (судя по фуражке, станционный смотритель), оборотясь к спутнику.

Тот остановился перед открытой дверью, и спросил офицера, придерживая рукой цилиндр:

— Вы Модзалевский? Адъютант его в-высокопревосходительства?

В отличие от железнодорожника заика не кричал, однако его спокойный, звучный голос без труда заглушил вой пурги.

— Нет, я начальник охраны, — ответил белобрысый, пытаясь разглядеть лицо франта.

Лицо было примечательное: тонкое, строгое, с аккуратными черными усиками, на лбу решительная вертикальная складка.

— Ага, штабс-ротмистр фон Зейдлиц, отлично, — удовлетворенно кивнул незнакомец, впрочем тут же представившийся. — Фандорин, чиновник особых п-по-ручений при его сиятельстве м-московском генерал-губернаторе. Полагаю, вам обо мне известно.

— Да, господин статский советник, мы получили шифровку, что в Москве за безопасность Ивана Федоровича будете отвечать вы, но я полагал, что вы встретите нас на вокзале. Поднимайтесь, поднимайтесь, а то в тамбур заматает.

Статский советник на прощанье кивнул смотрителю, легко взбежал по крутым ступенькам и захлопнул за собой дверь. Сразу стало тихо и гулко.

— Вы уже на т-территории Московской г-губернии, — объяснил чиновник, сняв цилиндр и стряхивая снег с тульи. При этом обнаружилось, что волосы у него черные, а виски, несмотря на молодость, совершенно седые. — Тут начинается моя, т-так сказать, юрисдикция. Мы стоим в К-Клину по меньшей мере часа д-два — впереди расчищают занос. Успеем обо в-всем договориться и распределить обязанности. Но с-сначала мне нужно к его высокопревосходительству, п-представиться и передать с-срочное сообщение. Где можно раздеться?

— Пожалуйста в караульную, там вешалка.

Фон Зейдлиц провел чиновника сначала в первую комнату, где дежурили охранники в цивильном, а после того, как Фандорин снял макинтош и бросил на стул подмокший цилиндр, и во вторую.

— Мишель, это статский советник Фандорин, — объяснил начальник охраны подполковнику. — Тот самый. Со срочным сообщением для Ивана Федоровича.

Мишель встал.

— Адъютант его высокопревосходительства Модзалевский. Могу ли я взглянуть на ваши документы?

— Р-разумеется. — Чиновник достал из кармана сложенную бумагу, протянул адъютанту.
— Это Фандорин, — подтвердил начальник охраны. — В шифровке был словесный портрет, я отлично запомнил.

Модзалевский внимательно рассмотрел печать и фотографию, вернул бумагу владельцу.

— Хорошо, господин статский советник. Сейчас доложу.

Минуту спустя чиновник был допущен в царство мягких ковров, голубого света и красного дерева. Он вошел, молча поклонился.

— Здравствуйте, господин Фандорин, — добродушно пророкотал генерал, успевший сменить бархатную курточку на военный сюртук. — Эраст Петрович, не так ли?

— Т-так точно, ваше высокопревосходительство.

— Решили встретить подопечного на дальних подступах? Хвалю за усердие, хоть и считаю всю эту суету совершенно излишней. Во-первых, мой выезд из Санкт-Петербурга был тайным, во-вторых, господ революционеров я нисколько не опасуюсь, а в-третьих, на все воля Божья. Раз до сих пор уберег Господь Храпова, стало быть, еще нужен Ему старый вояка. — И генерал, который, выходит, и был тот самый Храпов, набожно перекрестился.

— У меня д-для вашего высокопревосходительства сверхсрочное и с-совершенно к-конфиденциальное сообщение, — бесстрастно произнес статский советник, взглянув на адъютанта. — Извините, п-подполковник, но такова п-полученная мною инструкция.

— Ступай, Миша, — ласково велел сибирский генерал-губернатор, названный в заграничной газете палачом и сатрапом. — Самовар-то готов? Как с делом покончим, позову — чайку попьем. — А когда за адъютантом закрылась дверь, спросил. — Ну, что там у вас за тайны? Телеграмма от государя? Давайте.

Чиновник приблизился к сидящему вплотную, сунул руку во внутренний карман касторового пиджака, но тут его взгляд упал на запрещенную газету с отчерченной красным статьей. Генерал перехватил взгляд статского советника, насутился.

— Не оставляют господ нигилисты Храпова своим вниманием. Нашли “палача”! Вы ведь, Эраст Петрович, тоже, поди, всякой ерунды про меня наслушались? Не верьте, врут злые языки, всё шиворот-навыворот перекручивают! Не секли ее в моем присутствии до полусмерти звери-тюремщики, клевета это! — Было видно, что злополучная история с повесившейся Иванцовой попортила его высокопревосходительству немало крови и до сих пор не дает ему покоя. — Я честный солдат, у меня два “Георгия” — за Севастополь и за вторую Плевну! — горячась, воскликнул он. — Я ведь девчонку, дуру эту, от каторги уберечь хотел! Ну, сказал ей на “ты”, эка важность. Я же по-отечески! У меня внучка ее возраста! А она мне, старому человеку, генерал-адъютанту, пощечину — при охране, при заключенных! За это мерзавке по закону десять лет каторги следовало! А я велел только посечь и хода делу не давать. Не до полусмерти пороть, как после в газетках писали, а вклеить десяток горячих, в полсилы! И не тюремщики секли, а надзирательница. Кто ж знал, что эта полоумная Иванцова руки на себя наложит? Ведь не дворянских кровей, мешаночка обыкновенная, а такие нежности! — Генерал сердито махнул. — Теперь ввек не отмоешься. После другая такая же дура в меня стреляла. Я писал его величеству, чтоб не вешали ее, но государь был непреклонен. Собственноручно на прощении начертал: “Кто на моих верных слуг меч поднимает, тому никакой пощады”. — Храпов растроганно заморгал, в глазах блеснула стариковская слеза. — Устроили травлю, будто на волка. А ведь я как лучше хотел... Не понимаю, хоть режьте, не понимаю!

Генерал-губернатор сокрушенно развел руками, а брюнет с седыми висками внезапно сказал на это, причем безо всякого заикания:

— Где вам понять, что такое честь и человеческое достоинство. Ничего, вы не поймете, так другим псам урок будет.

Иван Федорович разинул рот и хотел приподняться из кресла, но удивительный чиновник уже достал из-под пиджака руку, и в руке этой была никакая не телеграмма, а короткий

кинжал. Кинжал вонзился генералу прямо в сердце, и брови у Храпова поползли вверх, рот открылся, но не произнес ни звука. Пальцами генерал схватил статского советника за руку, причем снова блеснул давешний алмаз. А потом голова генерал-губернатора безжизненно откинулась назад, и по подбородку заструилась ленточка алой крови.

Убийца брезгливо расцепил на своем запястье пальцы мертвеца, нервным движением сорвал приклеенные усики, потер седые виски, и они стали такими же черными, как остальные волосы.

Оглянувшись на закрытую дверь, решительный человек подошел к одному из слепых окон, выходящих на пути, и потянул ручку, но рама примерзла насмерть и не подавалась. Это, однако, ничуть не смутило странного статского советника. Он взялся за скобу обеими руками, навалился. На лбу вздулись жилы, скрежетнули стиснутые зубы и — вот чудо — рама заскрипела, поехала вниз. Прямо в лицо силачу хлестнуло снежной трухой, обрадованно заполоскались занавески. Одно ловкое движение — и убийца перекинулся через окаем, растворился в сереющих сумерках.

Кабинет преобразался прямо на глазах: ветер, не веря своему счастью, принялся гонять по ковру важные бумаги, теревить бахрому скатерти, трепать седые волосы на голове генерала. Голубой абажур порывисто закачался, световое пятно заерзало по груди убитого, и стало видно, что на костяной рукоятке основательно, до упора всаженного кинжала вырезаны две буквы: Б. Г.

Глава первая, в которой Фандорин попадает под арест

День не задался с самого начала. Эраст Петрович Фандорин поднялся ни свет ни заря, потому что в половине девятого ему надлежало быть на Николаевском вокзале. Прodelал вдвоем с японцем-камердинером всегдашнюю обстоятельную гимнастику, выпил зеленого чаю и уже брился, одновременно производя дыхательные упражнения, когда зазвонил телефон. Оказалось, что статский советник проснулся в такую рань напрасно: курьерский поезд из Санкт-Петербурга ожидается с двухчасовым опозданием по причине снежных заносов на железной дороге.

Поскольку все необходимые распоряжения по обеспечению безопасности столичного гостя были отданы, еще накануне, Эраст Петрович не сразу придумал, чем занять нежданный досуг. Хотел было выехать на вокзал пораньше, но не стал. К чему зря нервировать подчиненных? Можно не сомневаться, что полковник Сверчинский, исправлявший должность начальника Губернского жандармского управления, в точности выполнил полученные указания: первая платформа, куда прибудет курьерский, оцеплена агентами в штатском, прямо у перрона дожидается блиндированная карета, и конвой отобран самым тщательным образом. Пожалуй, вполне достаточно будет приехать на вокзал за четверть часа — и то больше для порядка, нежели с намерением обнаружить упущения.

Задание от его сиятельства князя Владимира Андреевича получено ответственное, но нетрудное. Встретить важную персону, сопроводить к князю на завтрак, после — в тщательно охраняемую резиденцию на Воробьевых горах для отдыха, а вечером отвезти новоиспеченного сибирского генерал-губернатора к челябинскому поезду, к которому уже будет прицеплен министерский вагон. Вот, собственно, и всё.

Единственный трудный вопрос, терзавший Эраста Петровича со вчерашнего дня, заключался в следующем: подавать ли руку генерал-адъютанту Храпову, запятнавшему себя подлым или, по меньшей мере, непростительно глупым поступком?

С точки зрения службы и карьеры, конечно, следовало пренебречь чувствами, тем более что знающие люди прочили бывшему командиру жандармов скорое возвращение к вершинам власти. Однако Фандорин решил не уклоняться от рукопожатия по совсем иной причине —

гость есть гость, и оскорблять его невозможно. Достаточно будет держаться холодного, подчеркнуто официального тона.

Решение было правильным и даже неоспоримым, но все же у статского советника, что называется, на душе скребли кошки. А ну как все-таки сыграли роль карьерные соображения?

Вот почему внезапная отсрочка Эраста Петровича ничуть не расстроила — появилось дополнительное время, чтобы разрешить сложную моральную дилемму.

Фандорин велел камердинеру Маса заварить крепкого кофе, уселся в кресло и стал снова взвешивать все “за” и “против”, непроизвольно то сжимая, то разжимая правую кисть.

Но долго размышлять не пришлось, потому что опять раздался звонок, на сей раз дверной. Из прихожей донеслись голоса — сначала тихие, потом громкие. Кто-то рвался войти в кабинет, а Маса не пускал и издавал шипяще-свистящие звуки, свидетельствовавшие о непреклонности и воинственном расположении духа бывшего японского подданного.

— Маса, кто там? — крикнул Эраст Петрович и вышел из кабинета в гостиную.

Там он увидел неожиданных гостей — жандармского подполковника Бурляева, начальника Московского охранного отделения, и с ним двух господ в клетчатых пальто, по виду филеров. Маса, растопырив руки, преграждал троице путь и явно намеревался в самом скором времени перейти от слов к действиям.

— Пардон, господин Фандорин, — смущенно пробасил Бурляев, снимая шапку и проводя рукой по жесткому бобрику волос цвета соли с перцем. — Тут какое-то недоразумение, но у меня телеграмма из Департамента полиции. — Он взмахнул листком бумаги. — Сообщают, что убит генерал-адъютант Храпов, что... э-э-э... убили его вы... и что вас должно немедленно взять под стражу. Совсем с ума посходили, но приказ есть приказ... Вы уж утихомирьте своего японца, а то я наслышан, как бойко он ногами дерется.

В первый момент Эраст Петрович испытал абсурдное облегчение при мысли о том, что проблема с рукопожатием снялась сама собой, и лишь затем на него обрушился весь кошмарный смысл сказанного.

Подозрение с Фандорина снялось лишь после того, как прибыл запоздавший курьерский. Из министерского вагона, не дожидаясь остановки поезда, на перрон спрыгнул светловолосый жандармский штабс-ротмистр с перекошенным лицом и, сыпя страшными проклятиями, кинулся туда, где в окружении филеров стоял арестованный статский советник. Однако, не пробежав нескольких шагов, штабс-ротмистр перешел на шаг, а затем и вовсе остановился. Захлопал белесыми ресницами, ударил себя кулаком по бедру.

— Это не он! Похож, но не он! Да не очень-то и похож! Только усики, и виски седые, а более никакого сходства! — ошеломленно пробормотал офицер. — Кого вы привели? Где Фандорин?

— Уверю вас, г-господин фон Зейдлиц, что я и есть Фандорин, — с преувеличенной кротостью, словно обращаясь к душевнобольному, сказал статский советник и обернулся к Бурляеву, залившемуся багровой краской. — Петр Иванович, скажите вашим людям, что меня можно б-больше не держать за локти. Штабс-ротмистр, где подполковник Модзалевский и ваши люди из охраны? Я должен всех допросить и записать показания.

— Допросить? Записать показания?! — сипло крикнул Зейдлиц, воздев к небу сжатые кулаки. — Какие к черту показания! Вы что, не понимаете? Он убит, убит! Боже, всему конец, всему! Надо бежать, надо поставить на ноги жандармерию, полицию! Если я не найду этого ряженого, этого мерзавца, этого... — Он захлебнулся и судорожно икнул. — Но я найду, непременно найду! Я оправдаюсь! Я землю, небо переверну! Иначе остается только пулю в лоб!

— Хорошо, — все так же мирно произнес Эраст Петрович. — Пожалуй, штабс-ротмистра я допрошу попозже, когда он придет в себя. А сейчас начнем с остальных. Пусть нам

освободят к-кабинет начальника вокзала. Господ Сверчинского и Бурляева прошу присутствовать при дознании. Затем я отправлюсь с докладом к его сиятельству.

— Ваше высочордие, а как быть с покойником? — робко спросил державшийся на почтительном отдалении начальник поезда. — Такая важная особа... Куда его?

— Как куда? — удивился статский советник. — Сейчас прибудет т-труповозка, и в морг, на вскрытие.

* * *

— ...после чего адъютант Модзалевский, первым пришедший в себя, побежал на станцию “Клин-пассажирская” и отбил шифрованную телеграмму в Департамент п-полиции. — Пространный рапорт Фандорина приближался к концу. — Цилиндр, макинтош и кинжал отданы на исследование в лабораторию. Храпов в морге. Зейдлицу сделан успокаивающий укол.

В комнате стало тихо, только тикали часы, да подрагивали стекла под напором буйного февральского ветра. Генерал-губернатор древней столицы, князь Владимир Андреевич Долгорукой, сосредоточенно пожевал морщинистыми губами, подергал себя за длинный крашенный ус и почесал за ухом, отчего каштановый паричок слегка съехал на сторону. Нечасто доводилось Эрасту Петровичу видеть полновластного хозяина первопрестольной в такой потерянности.

— А уж этого мне питерская камарилья нипочем не простит, — тоскливо сказал его сиятельство. — Не посмотрят, что Храпов этот чертов, царствие ему небесное, и до Москвы-то не доехал. Клин ведь тоже московская губерния... Как, Эраст Петрович, ведь, пожалуй, что конец?

Статский советник только вздохнул в ответ.

Тогда князь обернулся к ливрейному, стоявшему у дверей с серебряным подносом в руках. На подносе были какие-то склянки, пузырьки и вазочка с эвкалиптовыми лепешечками от кашля. Звали слугу Фролом Григорьевичем Ведищевым, занимал он скромную должность камердинера, но не было у князя советника преданней и многоопытней, чем этот высохший старик с лысым черепом, в преогромных бакенбардах и золотых очках с толстыми стеклами. А больше в просторном кабинете никого не было — только эти трое.

— Что, Фролушка, — дрогнув голосом, спросил Долгорукой, — на свалку пора? Да без почета, без милости. Со скандалом...

— Владим Андрееч, — плачущим голосом сказал камердинер. — Да ляд с ней, с государевой службой. Уж, слава Богу, послужили, ведь на девятый десяток пошло... Не рвите вы себе душу. Ну, царь не пожалует, так москвичи добрым словом помянут. Шутка ли, двадцать пять годочков об них заботились, ночей не досыпали. Поедем в Ниццу, к солнышку. Будем сидеть на крылечке, прежние времена вспоминать, чего еще в наши-то годы...

Князь грустно улыбнулся:

— Не сумею я, Фрол, сам знаешь. Умру без службы, в полгода зачахну. Я потому и бодр пока, что Москва меня держит. И ладно бы хоть за дело, а то ведь ни за что погонят. В городе-то у меня все в полном порядке. Обидно...

У Ведищева в руках задрезжал поднос, по щекам обильно заструились слезы.

— Бог милостив, батюшка, может, пронесет. Чего только не было, а ведь выручал Господь. Эраст Петрович нам отыщет злодея, что генерала зарезал, государь и оттает.

— Не оттает, — уныло протянул Долгорукой. — Тут вопрос государственной безопасности. Когда власти страшно, она никого не жалеет. Надо на всех страху нагнать, и особенно на своих. Чтоб в оба смотрели и чтоб ее, власти, больше, чем убийц боялись. Моя территория, мне и отвечать. Об одном только Бога молю: сыскать бы преступника побыстрее, своими

силами. Хоть уйду без срама. Красиво служил и красиво закончу. — Он с надеждой посмотрел на чиновника особых поручений. — Как, Эраст Петрович, сумеете эту самую “БэГэ” отыскать?

Фандорин помедлил с ответом и заговорил тихо, неуверенно:

— Владимир Андреевич, вы меня знаете, я п-пустых обещаний давать не люблю. У нас ведь даже нет уверенности, что убийца после совершенного им злодеяния отправился в Москву, а не в Петербург... В конце концов, действия Боевой Группы направляются именно из Петербурга.

— Да-да, верно, — грустно покивал князь. — Что ж это я, в самом деле. Супостатов этих весь Жандармский корпус вкупе с Департаментом полиции выловить не могут, а я к вам. Россия большая, злодей мог куда угодно податься... Уж простите сердечно. Знаете, как тонуть начнешь, то и за соломинку ухватишься. Опять же выручали вы меня неоднократно из самых аховых положений...

Статский советник откашлялся, несколько покоробленный сравнением с соломинкой, и произнес загадочным тоном:

— И все же...

— Что “все же”? — встрепенулся Ведищев, отставил поднос, быстренько вытер большущим платком заплаканное лицо, подсеменил к чиновнику поближе. — Или есть зацепка какая?

— И все же попытаться можно, — задумчиво проговорил Фандорин. — Даже должно. Я, собственно, и сам собирался просить ваше высокопревосходительство о п-предоставлении мне соответствующих полномочий. Убийца воспользовался моим именем и тем самым бросил мне вызов. Я не говорю уж о тех к-крайне неприятных минутах, которые мне по его милости довелось провести сегодня утром. К тому же я все-таки полагаю, что преступник из Клина направился именно в Москву. Сюда от места убийства всего час езды на поезде, мы и хватиться бы не успели. А в обратную сторону, до Петербурга, девять часов, то есть он и сейчас еще находился бы в пути. Между тем с одиннадцати часов объявлен розыск, все станции перекрыты, железнодорожная жандармерия проверяет пассажиров на всех поездах в радиусе трехсот верст. Нет, не мог он в Петербург податься.

— А может, он вовсе железкой не поехал? — усомнился камердинер. — Сел себе на лошадку и потрюхал в какой-нибудь Замухранск — отсидеться, пока шум не поутихнет?

— Замухранск для того, чтоб отсидеться, никак не п-подходит. Там каждый человек на виду. Спрятаться проще всего в большом городе, где никто никого не знает, да и революционно-конспиративная сеть наличествует.

Генерал-губернатор испытующе взглянул на Эраста Петровича и щелкнул крышечкой табакерки, что свидетельствовало о переходе от отчаяния к глубокой задумчивости.

Чиновник подождал, пока Долгорукой зарядит ноздрю и громогласно отпчихнется. Когда Ведищев тем же самым платком, которым только что вытирал слезы, промокнул своему сюзеру глаза и нос, князь спросил:

— А как искать станете, если он и здесь, в Москве? Ведь миллионный город. Я даже полицию с жандармерией вам подчинить не могу, разве что обязать к содействию. Сами знаете, голубчик, что мое прошение о назначении вас обер-полицеймейстером третий месяц в высших инстанциях плутает. Вы же видите, какой у нас по полицейской части Вавилон сделался.

Под Вавилоном его сиятельство имел в виду хаотическое положение, образовавшееся во второй столице после того, как был отставлен последний обер-полицеймейстер, слишком буквально трактовавший смысл понятия “неподотчетные секретные фонды”. В Петербурге шла затяжная бумажная канитель: враждебная князю придворная партия никак не желала отдавать ключевую должность долгоруковскому выкормышу, но и навязать генерал-губернатору своего ставленника у недоброжелателей тоже сил не хватало. А тем временем жил огромный город без главного защитника и законоблюстителя.

Обер-полицеймейстеру предписано возглавлять и объединять действия и городской полиции, и Губернского жандармского управления и Охранного отделения, теперь же выходил форменный табор: подполковник Бурляев из Охранного и полковник Сверчинский из Жандармского писали друг на друга кляузы, и оба дружно жаловались на наглую обструкцию со стороны зарвавшихся полицейских приставов.

— Да, ситуация для произведения согласованных действий неблагоприятна, — признал Фандорин, — но в данном случае разобщенность розыскных органов, пожалуй, даже кстати...

Гладкий лоб статского советника наморщился, рука как бы сама собой потянула из кармана нефритовые четки, помогавшие Эрасту Петровичу сконцентрировать мысль. Долгорукой и Ведищев, привычные к фандоринским повадкам, слушали, затаив дыхание, и выражение лиц у обоих стариков сделалось одинаковое, словно у детей в цирке, которые точно знают, что цилиндр фокусника пуст, и все же не сомневаются — сейчас ловкач вынет оттуда зайчика или голубку.

И чиновник вынул:

— Позвольте спросить, отчего преступнику столь блестяще удался его план? — начал Эраст Петрович и сделал паузу, будто и в самом деле ждал ответа. — Очень просто: он был в доскональности осведомлен о том, что полагалось знать весьма немногим. Это раз. Меры по обеспечению безопасности генерал-адъютанта Храпова при пересечении Московской губернии были разработаны не далее как позавчера при участии весьма ограниченного круга лиц. Это два. Кто-то из них, посвященный в мельчайшие подробности плана, выдал наш план революционерам — сознательно или бессознательно. Это три. Достаточно найти этого человека, и через него мы выйдем на Боевую Группу и самого исполнителя.

— Как это “бессознательно”? — прищурившись, спросил генерал-губернатор. — Ну, сознательно — понятно. И на государственной службе оборотни есть. Кто за деньги нигилистам тайны выдает, кто по бесовскому наущению. А бессознательно — это без сознания что ли? Спяну?

— Скорее по неосторожности, — ответил Фандорин.

— Чаще всего б-бывает так: должностное лицо проболтается кому-то из близких, кто связан с террористами. Сын, дочь, любовница. Но это удлинит нашу цепочку всего на одно звено.

— Так. — Князь снова полез за понюшкой. — Позавчера в секретном совещании по поводу приезда Ивана Федоровича (земля ему, грешнику, пухом) кроме меня и вас участвовали только Сверчинский и Бурляев. Даже полицию не привлекли — согласно указаниям из Петербурга. Так что ж, надо начальников Жандармского управления и Охранного отделения подозревать? Чудно что-то. А...а...апчхи!

— Дай Бог здоровьица, — вставил Ведищев и снова сунулся вытирать его сиятельству нос.

— И их тоже, — решительно заявил Эраст Петрович.

— Кроме того, — следует выяснить, кто еще из чинов Жандармского и Охранки был посвящен в д-детали. Полагаю, это от силы три-четыре человека, никак не больше. Фрол Григорьевич ахнул:

— Ос-поди, да ведь вам это плюнуть и растереть! Владим Андреич, право слово, погодите убиваться! Если уж службе конец, то по всей форме уйдете, красиво. Под белы ручки проколют, а не пинком под зад! Эраст Петрович нам враз иуду этого высчитает. Скажет: “Это раз, это два, это три” — и готово.

— Не так все просто, — покачал головой статский советник. — Да, Жандармское управление — первая возможность утечки. Охранное отделение — вторая. Но есть, увы, и т-третья, расследовать которую я не смогу. Согласованный нами план мер по охране Храпова был отправлен шифрограммой на утверждение в Петербург. Там излагались данные и обо мне как о лице, ответственном за безопасность гостя, — с выпиской из служебного формуляра, словесным портретом, агентурным описанием и прочим. Одним словом, всё как полагается в

подобных случаях. Зейдлиц потому и не усомнился в лже-Фандорине, что был доскональнейшим образом оповещен о моих приметах и даже моем з-заикании... Если источник утечки находится в Петербурге, я вряд ли смогу что-либо сделать. Как говорится, руки коротки... И все-таки два шанса из трех, что ниточка тянется из Москвы. Да и убийца, вероятнее всего, прячется где-то здесь. Будем искать.

Из генерал-губернаторского дома чиновник особых поручений прямиком отправился в Жандармское управление, на Малую Никитскую. Пока ехал в княжьем, обитом синим бархатом возке, размышлял, как вести себя с полковником Сверчинским. Конечно, гипотеза о том, что Станислав Филиппович, многолетний конфидент князя и Ведищева, связан с революционерами, требовала известной живости воображения, но воображением Бог статского советника не обделил, к тому же за богатую приключениями жизнь ему случалось сталкиваться с сюрпризами и позамысловатей.

Итак, что можно было сказать о полковнике Отдельного корпуса жандармов Станиславе Сверчинском?

Скрытен, хитроумен, честолюбив, но в то же время очень осторожен, предпочитает держаться в тени. Аккуратный службист. Умеет ждать своего часа и на сей раз, кажется, дождался: пока лишь исправляет должность начальника управления, однако по всей вероятности будет в этом качестве утвержден, и тогда перед ним откроются самые аппетитные карьерные перспективы. Правда, и в Москве, и в Петербурге известно, что Сверчинский — человек Володи Красно Солнышко. Если Владимир Андреевич отправится из древнепрестольной на свалку, в Ниццу, полковника могут в завидной должности и вовсе не утвердить. Получалось, что смерть генерала Храпова для карьеры Станислава Филипповича — событие огорчительное и, возможно, даже фатальное. Во всяком случае, так представлялось на первый взгляд.

Ехать с Тверской до Малой Никитской было всего ничего, и, если б не ветер с косым снегом, Фандорин предпочел бы пройти пешком — на ходу лучше думается. Вот и поворот с бульвара. Возок проехал мимо чугунной решетки дома барона Эверт-Колокольцева, где во флигеле квартировал Эраст Петрович, а еще через двести шагов из вьюжной пелены вынырнул и знакомый желто-белый особняк с полосатой будкой у подъезда.

Фандорин вылез наружу, придержал рванувшийся улететь цилиндр и взбежал по скользким ступеням. В вестибюле статскому советнику лихо откозырял знакомый вахмистр и, не дожидаясь вопроса, доложил:

— У себя. Ждут. Позвольте, ваше высочорodie, шубу и головной убор. Отнесу в гардеробную.

Рассеянно поблагодарив, Эраст Петрович оглядел знакомый интерьер так, будто видел его впервые.

Коридор с чередой одинаковых клеенчатых дверей, скучные голубые стены с казенным белым бордюром, в дальнем конце — гимнастический зал. Возможно ли, чтобы в этих стенах таилась государственная измена?

В приемной дежурил адъютант управления поручик Смольянинов, румяный молодой человек с живыми черными глазами и лихо подкрученными усиками.

— Здравия желаю, Эраст Петрович, — весело приветствовал он привычного посетителя. — Какова погодка, а?

— Да-да, — покивал чиновник. — Я пройду?

И запросто, на правах старого сослуживца, а в скором будущем, возможно, и непосредственного начальника, вошел в кабинет.

— Ну что там в высших сферах? — поднялся ему навстречу Сверчинский. — Что Владимир Андреевич? Как действовать, что предпринимать? Просто места себе не нахожу. — И, понизив голос до страшного шепота. — Что думаете, снимут его?

— А это до некоторой степени б-будет зависеть от нас с вами.

Фандорин опустился в кресло, полковник сел напротив, и разговор сразу повернул в деловое русло.

— Станислав Филиппович, буду с вами откровенен. Среди нас — или здесь, в Жандармском, или в Охранном — есть п-предатель.

— Предатель? — Полковник так тряхнул головой, что нанес некоторый ущерб идеальному пробору, делившему гладко зализанную прическу на две симметричные половины. — У нас?!

— Да, предатель или б-болтун, что в данном случае одно и то же.

И чиновник изложил собеседнику свои умозаключения.

Сверчинский слушал, взволнованно крутя ус, а дослушав, приложил руку к сердцу и проникновенно сказал:

— Совершенно с вами согласен! Убедительнейшие и справедливейшие суждения. Но мое управление от подозрения прошу освободить. Наша задача в связи с приездом генерала Храпова была самая простая: обеспечение мундирного конвоя. Я и мер никаких особенных не принимал — просто велел подготовить конный полувзвод, и дело с концом. И уверяю вас, почтеннейший Эраст Петрович, что из всего управления в подробности были посвящены только двое: я и поручик Смолья-нинов. Ему как адъютанту я должен был все объяснить. Но вы ведь его знаете, он юноша ответственный, смысленный и самого благородного образа мыслей, такой не подведет. Да и я, смею надеяться, известен вам как человек неболтливый.

Эраст Петрович дипломатично наклонил голову:

— Именно п-поэтому я первым делом отправился к вам и ничего от вас не утаиваю.

— Уверяю вас, это или питерские, или гнезниковские! — расширил красивые бархатные глаза полковник, под “Гнезниковскими” имея в виду Охранное отделение, расположенное в Большом Гнезниковском переулке. — Про питерских ничего сказать не могу, не располагаю достаточной полнотой сведений, а вот у подполковника Бурляева в помощниках швали довольно — и бывшие нигилисты, и всякие темные личности. Там бы и пощупать. Я, конечно, не смею обвинять самого Петра Ивановича, упаси Боже, но за негласное обеспечение безопасности отвечала его филерская служба, а значит, был какой-никакой инструктаж, разъяснение — перед изрядной группой весьма сомнительных субъектов. Неосмотрительно. И еще одно... — Сверчинский замялся, словно не зная, стоит ли продолжать.

— Что? — спросил Фандорин, глядя ему прямо в глаза. — Возможна еще какая-то версия, которую я упустил? Говорите, Станислав Филиппович, говорите. Мы с вами начистоту.

— Есть ведь еще тайные агенты, которых в нашем ведомстве называют “сотрудниками”. То есть те члены революционных кружков, которые идут на сотрудничество с полицией.

— *Agents provocateurs (Агенты-provokatory (фр.))* ? — поморщился статский советник.

— Ну, не обязательно провокаторы. Иногда просто информанты. Без них в нашей работе никак невозможно.

— Откуда вашим шпионам знать подробности встречи секретного гостя, да еще вплоть до описания моей в-внешности? — сдвинул черные стрелки бровей Эраст Петрович. — Что-то не пойму.

Полковник был в явном затруднении. Он слегка покраснел, закрутил ус еще круче и доверительно понизил голос:

— Агенты бывают разные. И отношения у уполномоченных офицеров с ними тоже складываются по-разному. Иногда на основе совершенно частных... м-м-м... я бы даже сказал, интимных контактов. Ну, вы понимаете.

— Нет, — вздрогнул Фандорин, глядя на собеседника с некоторым испугом. — Не понимаю и не желаю понимать. Вы хотите сказать, что служащие жандармерии и Охранного отделения ради интересов дела вступают с агентами в м-мужеложеские отношения?

— Ах, ну почему же обязательно мужеложеские! — всплеснул руками Сверчинский. — Среди “сотрудников” достаточное количество женщин, причем как правило молодых и весьма недурных собой. Вы ведь знаете, как свободно нынешняя революционная и околореволюционная молодежь смотрит на вопросы пола.

— Да-да, — несколько сконфузился статский советник. — Приходилось слышать. Я и в самом деле не очень ясно представляю себе деятельность т-тайной полиции. Как-то до сих пор не приходилось заниматься революционерами, все больше убийцами, мошенниками и иностранными шпионами. Однако, Станислав Филиппович, вы явно подводите меня к кому-то из офицеров Охранки. К кому? Кто из них, по-вашему, имеет подозрительные связи? Полковник еще с полминуты изображал всей физиономией нравственные терзания, потом, словно решившись, зашептал:

— Эраст Петрович, дорогой, тут, конечно, дело отчасти приватное, но, зная вас как человека исключительной щепетильности и широких взглядов, не считаю себя в праве утаивать, тем более что дело особенной важности, пред которым блекнут все частные соображения, каковы... — Тут, несколько запутавшись в грамматике, Сверчинский сбился и заговорил проще. — Я располагаю сведениями, что подполковник Бурляев поддерживает знакомство с некоей Дианой — это, разумеется, агентурная кличка. Очень таинственная особа, сотрудничающая с властями бескорыстно, из идейных соображений, и потому ставящая собственные условия. Например, мы не знаем ни ее настоящего имени, ни места проживания — лишь адрес конспиративной квартиры, которую Департамент для нее снимает. Судя по всему, это барышня или дама из очень хорошей семьи. Имеет широчайшие и полезнейшие знакомства в революционных кругах Москвы и Санкт-Петербурга, оказывает полиции поистине неоценимые услуги...

— Она любовница Бурляева, и он мог ей проговориться? — нетерпеливо перебил Сверчинского чиновник. — Вы на это намекаете?

Станислав Филиппович растегнул тугой ворот, придвинулся ближе.

— Я... я не уверен, что она его любовница, но допускаю. Очень даже допускаю. А если так, то Бурляев вполне мог наболтать ей лишнего. Понимаете, двойные агенты, да еще такого склада, мало предсказуемы. Сегодня сотрудничают с нами, а завтра дают задний ход...

— Хорошо, учту.

Эраст Петрович о чем-то задумался и вдруг сменил тему:

— Я полагаю, Фрол Григорьевич п-протелефонировал вам, чтобы вы оказывали мне всемерное содействие.

Сверчинский приложил руку к груди — мол, всем, чем только смогу.

— Тогда вот что. Для расследования мне понадобится толковый п-помощник, он же офицер связи. Не одолжите мне вашего Смольянинова?

* * *

Вроде бы недолго пробыл статский советник в желто-белом особняке, не более получаса, а когда снова вышел на улицу, город было не узнать. Ветру надоело гонять белую труху по кривым улицам, снег улегся на крыши и мостовые рыхлыми грудками, небо же, которого совсем недавно будто бы и вовсе не было, волшебным образом прояснилось. Оказалось, что оно вовсе не низкое и крупитчатое, а напротив, очень высокое, радостно-синее и, как положено, увенчанное маленьким, но блестящим, как империял, золотым кружком. Над домами откуда ни возьмись повылезали елочные шары куполов, заиграл радужными брызгами новорожденный снег, и Москва проделала свой любимый фокус — обратилась из лягушки такой царевной, что вдохнуть вдохнешь, а выдохнуть позабудешь.

Эраст Петрович посмотрел вокруг, да и остановился, несколько даже ослепнув от сияния.

— Красота какая! — воскликнул поручик Смольянинов, но застыдилась чрезмерной восторженности и счел нужным снисходительно добавить. — Экие, право, метаморфозы... Мы сейчас куда, господин статский советник?

— В Охранное отделение. Погода и в самом деле славная. Д-давайте пройдемся.

Фандорин отпустил возок обратно в генерал-губернаторову конюшню, и пять минут спустя чиновник особых поручений и его румяный спутник шагали по Тверскому бульвару, где уже всю прогуливалась ошалевшая от неожиданной природной амнистии публика, хотя дворники еще только начали расчищать аллеи от снега.

Эраст Петрович то и дело ловил на себе взгляды — то испуганные, то сочувственные, то просто любопытствующие, и не сразу понял, в чем дело. Ах да, ведь сбоку и чуть сзади вышагивает молодец в синей жандармской шинели, при кобуре и шашке. Со стороны можно подумать, что приличного на вид господина в меховом плаще и замшевом цилиндре сопровождают под конвоем. Двое встречных студентов-технологов, Фандорину вовсе незнакомых, “арестанту” кивнули, а на “конвоира” посмотрели с ненавистью и презрением. Эраст Петрович оглянулся на поручика, но тот был все так же улыбочив и враждебности молодых людей, похоже, не заметил.

— Смольянинов, вы, очевидно, несколько дней проведете со мной. Не носите мундир, это может повредить делу. Ходите в штатском. И кстати, давно хотел вас с-спросить... Как получилось, что вы оказались в Жандармском корпусе? Ведь ваш отец, кажется, тайный советник? Могли бы служить в г-гвардии.

Поручик воспринял вопрос как приглашение сократить почтительную дистанцию, в один прыжок догнал чиновника и зашагал с ним плечо к плечу.

— Да что там хорошего в гвардии, — охотно откликнулся Смольянинов. — Парады да попойки, скука. А в жандармском служить одно удовольствие. Секретные задания, выслеживание опасных преступников, бывают и перестрелки. В прошлом году анархист в Новогирееве на даче засел, помните? Целых три часа отстреливался, двоих наших ранил. Меня тоже чуть не задел, пуля совсем близко от щеки вжикнула. Еще бы полдюйма, и шрам остался.

Последние слова были произнесены с явным сожалением об упущенной возможности.

— А не задевает вас то... неприязненное отношение, с к-которым к синим мундирам относятся в обществе, особенно в кругу ваших сверстников?

Эраст Петрович посмотрел на спутника с особенным интересом, но взгляд Смольянинова был по-прежнему безмятежен.

— Я на это внимания не обращаю, потому что служу России и совесть моя чиста. А предубеждение против чинов Жандармского корпуса рассеется, когда все поймут, как много мы делаем для защиты государства и жертв насилия. Вы ведь знаете, что эмблема, назначенная Корпусу императором Николаем Павловичем — белый платок для утирания слез несчастных и страждущих.

Такой простодушный энтузиазм заставил статского советника вновь взглянуть на поручика, и тот заговорил еще горячее:

— Нашу службу считают зазорной, потому что о ней мало знают. А между прочим, попасть в жандармские офицеры совсем непросто. Во-первых, принимают только потомственных дворян, потому что мы — главные защитники престола. Во-вторых, отбирают самых достойных и образованных из армейских офицеров, только тех, кто закончил училище не ниже, чем по первому разряду. Чтоб ни одного пятнышка по службе и упаси боже никаких долгов. У жандарма должны быть чистые руки. Знаете, какие экзамены мне пришлось выдержать? Ужас! Я за сочинение на тему “Россия в XX веке” высший балл получил, а все равно почти год очереди на курсы дожидался, и после окончания курсов еще четыре месяца вакансии ждал. В Московское управление меня, правда, папа устроил...

Этого Смольянинов мог бы и не добавлять, так что Эраст Петрович оценил честность молодого человека по достоинству.

— Ну и какое же будущее ожидает Россию в XX веке? — спросил Фандорин, покосившись на защитника престола с явной симпатией.

— Самое великое! Нужно только перенаправить настроение просвещенной части общества от разрушительности к созиданию, а непросвещенную часть общества следует образовывать и постепенно воспитывать в ней чувство самоуважения и достоинства. Это самое главное! Если этого не сделать, то Россию ожидают самые чудовищные испытания...

Однако какие именно испытания ожидают Россию, Эраст Петрович так и не узнал, потому что уже свернули в Большой Гнездиновский, и впереди показался неприметный двухэтажный дом зеленого цвета, в котором располагалось Московское охранное отделение. Человеку, не сведущему в хитросплетениях ветвей дерева русской государственности, непросто было бы разобраться, в чем состоит различие между Охранным отделением и Губернским жандармским управлением. Формально первому надлежало заниматься розыском политических преступников, а второму — дознанием, но, поскольку в секретных расследованиях розыск от дознания бывает неотделим, оба ведомства делали одну и ту же работу: истребляли революционную язву всеми предусмотренными и непредусмотренными законом способами. И жандармы, и “охранники” были людьми серьезными, многократно проверенными, допущенными к сокровеннейшим тайнам, однако же Управление подчинялось штабу Отдельного жандармского корпуса, а Отделение — Департаменту полиции. Путаница усугублялась еще и тем, что руководящие чины Охранного нередко числились по Жандармскому корпусу, а в жандармских управлениях служили статские чиновники, вышедшие из Департамента. Очевидно, в свое время кто-то мудрый, опытный, придерживающийся не слишком лестного мнения о людской природе, рассудил, что одного надзирающего и приглядывающего ока для беспокойной империи маловато. Ведь недаром и человекам Господь выделил не по одной зенице, а по две. Двумя глазами и крамолу выглядывать сподручней, и риска меньше, что одинокое око слишком много о себе возомнит. Поэтому по давней традиции отношения между двумя ответвлениями тайной полиции складывались ревнивые и неприязненные, что свыше не только дозволялось, но даже, пожалуй, и поощрялось.

В Москве извечная вражда между жандармами и “охранниками” до некоторой степени смягчалась единоначалием — и те, и другие подчинялись городскому обер-полицеймейстеру, — но здесь у обитателей зеленого дома имелось некоторое преимущество: обладая более мощной агентурной сетью, они лучше, чем их синемундирные коллеги, были осведомлены о жизни и настроениях большого города, а для начальства кто осведомленней, тот и ценнее. О некотором превосходстве Охранного косвенно свидетельствовала и сама дислокация Отделения — в непосредственной близости от резиденции обер-полицеймейстера, только пройти закрытым двором из одного черного хода в другой, а с Малой Никитской до полицмейстерова дома на Тверском бульваре было не менее четверти часа быстрого ходу.

Однако из-за затянувшегося отсутствия главного полицейского начальства хрупкое равновесие между Малой Никитской и Гнездиновским нарушилось, о чем Эрасту Петровичу было хорошо известно. Поэтому инсинуации Сверчинского в адрес подполковника Бурляева и его подчиненных следовало воспринимать с известной долей осторожности.

Фандорин толкнул неказистую дверь и оказался в темноватой передней с низким, потрескавшимся потолком. Не задерживаясь, статский советник кивнул молчаливому человеку в штатском (тот ответил почтительным поклоном) и по старинной витой лестнице поднялся на второй этаж. Смольянинов, придерживая шашку, грохотал следом.

Наверху обстановка была совсем иная: широкий светлый коридор с ковровой дорожкой, деловитый стук пишущих машин из-за обитых кожей дверей, на стенах бонтонные гравюры с видами старой Москвы.

Жандармский поручик, видимо, оказался на враждебной территории впервые и оглядывался с нескрываемым любопытством.

— Посидите тут, — показал ему Эраст Петрович на ряд стульев, а сам вошел в кабинет начальника.

— Рад вас видеть в добром здравии! — подполковник выскочил из-за стола и с преувеличенным оживлением бросился жать гостю руку, хотя они расстались каких-нибудь два часа назад, и статский советник, кажется, не давал ни малейших оснований тревожиться о своем здоровье.

Фандорин бурляевскую нервозность истолковал в том смысле, что подполковнику неудобно за давешнее арестование. Однако все положенные извинения были многословнейшим образом высказаны еще на вокзале, поэтому к досадному эпизоду за исчерпанностью темы чиновник возвращаться не стал, а сразу перешел к существенному.

— Петр Иванович, вчера вы докладывали мне о предполагаемых мерах по устройению б-безопасности визита генерал-адъютанта Храпова. Ваши предложения я одобрил. Сколько мне помнится, вы выделили двенадцать филеров для встречи на вокзале, четверых, одетых извозчиками, определили в уличное сопровождение, и еще две бригады по семь человек назначили для патрулирования окрестностей особняка на Воробьевых горах.

— Точно так, — осторожно подтвердил Бурляев, ожидая подвоха.

— Осведомлены ли были ваши филеры о том, что за персона п-прибывает?

— Лишь старшие каждой из бригад — всего четыре человека, исключительно надежные.

— Та-ак. — Статский советник закинул ногу на ногу, отложил цилиндр и перчатки на соседний стул и небрежно поинтересовался. — Надеюсь, вы не забыли сообщить этим ч-четверым, что общее руководство охраной возложено на меня?

Подполковник развел руками:

— Никак нет, Эраст Петрович. Не считал нужным. А что, следовало? Виноват.

— И что же, никто кроме вас во всем Отделении не знал, что встречать генерала поручено мне? — стремительно наклонился вперед Фандорин.

— Знали только мои ближайшие помощники — коллежский асессор Мыльников и старший чиновник для поручений Зубцов, а более никто. В нашем заведении лишнего болтать не принято. Мыльников, как вам известно, заведует филерской службой, от него утайки быть не могло. А Сергей Витальевич Зубцов — самый толковый из моих работников, он в свое время и разработал схему “Встреча Пэ-Пэ-эр”. Это, можно сказать, его профессиональная гордость. — Какая-какая встреча? — удивился Эраст Петрович.

— Пэ-Пэ-эр. “По первому разряду”. Такая служебная терминология. Мы ведем негласное наблюдение по разрядам, в зависимости от количества задействованных агентов. “Слежка по второму разряду”, “Арестование по третьему разряду” и прочее. “Встреча по первому разряду” — это когда нужно обеспечить безопасность особы первого ранга. Вот, например, две недели назад австрийский наследник приезжал, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Тоже тридцать филеров было задействовано двенадцать на вокзале, четыре в пролетках и дважды по семь вокруг резиденции. А “высший разряд” бывает только для его императорского величества. Все шестьдесят филеров работают, и из Петербурга еще Летучий отряд прибывает, не считая дворцовой охраны, жандармерии и прочего.

— Мыльникова я знаю, — задумчиво произнес чиновник — Евстратий Павлович, кажется? Видел его в деле, сноровистый. Он ведь из низов выслужился?

— Да, вознесся из простых городских. Малообразован, но сметлив, цепок, схватывает на лету Филеры на него как на Бога молятся, ну и он их в обиду не дает. Золото человек, я им очень доволен.

— Золото? — усомнился Фандорин. — А мне д-доводилось слышать, будто Мыльников на руку нечист? Живет не по средствам, и вроде бы даже служебное расследование было по поводу расходования казенных сумм?

Бурляев задушевно понизил голос:

— Эраст Петрович, у Мыльникова в полном ведении немалые средства на поощрение филеров. Как он распоряжается этими деньгами — не моя печаль. Мне нужно, чтобы его служба работала на ять, а это Евстратий Павлович обеспечивает. Чего ж еще?

Чиновник особых поручений обдумал высказанное. Суждение и, видимо, не нашелся, что возразить.

— Ну хорошо. А что за человек Зубцов? Я его почти совсем не знаю. То есть, видел, конечно, но никогда с ним не работал. Правильно ли я запомнил, что он из б-бывших революционеров?

— Истинно так, — с явным удовольствием принялся рассказывать начальник Охранного — Эта история — моя гордость. Я ведь сам Сергея Витальевича арестовывал, еще когда он студентом был. Пришлось с ним повозиться — поначалу держался чистым волчонком. И в карцере у меня посидел, на хлебе и воде, и поорал я на него, и каторгой пугал. А взял не страхом, убеждением. Смотрю — очень уж шустрого ума юноша, такие к террору и прочим насильственным мерам по самому складу мозга не склонны. Бомба и револьвер — это ведь для тупых, у кого недостает соображения, что лбом стену не прошибить. А мой Сергей Витальевич, примечая, любит о парламентаризме порассуждать, о союзе здравомыслящих патриотов и прочем. Одно удовольствие с ним было допросы вести, иной раз, поверите ли, до утра в предварилровке засиживался. Смотрю — он о своих товарищах по кружку критически отзывается, понимает их узость и обреченность, ищет выхода: как социальную несправедливость поправить и при этом страну динамитом на куски не разорвать. Очень мне это понравилось. Выхлопотал ему закрытие дела. Товарищи его, само собой, в измене заподозрили, отвернулись от него. А ему обидно — он-то перед ними чист. Можно сказать, один я у него друг остался. Встречались мы, говорили о том о сем, я ему что можно про свою работу рассказывал, про трудности и загвоздки всякие. И что вы думаете? Начал мне Сергей Витальевич советы давать — как лучше с молодежью разговаривать, как отличить пропагатора от террориста, что из революционной литературы почитать и прочее. Исключительно ценные советы. Однажды за рюмкой коньяку я ему говорю: “Сергей Витальевич, душа моя, привязался я к вам за эти месяцы, и больно мне видеть, как вы между двумя правдами мечетесь. Я ведь понимаю, что у ваших нигилистов тоже своя правда есть, только вам теперь к ним путь закрыт. А вы вот что, говорю, присоединяйтесь-ка к нашей правде, она, ей-богу, поосновательней будет. Я же вижу, вы истинный патриот земли русской, вам до ихних Интернационалов дела нет. Ну так и я патриот не меньше вас, давайте помогать России вместе”. И что же? Подумал Сергей Витальевич денек-другой, написал письма своим прежним приятелям — мол, разошлись наши дорожки — да и подал прошение о зачислении на службу под мое начало. Теперь он у меня правая рука, и далеко пойдет, вот увидите. Между прочим, ваш горячий поклонник. Просто влюблен в вас, честное слово. Только и разговоров что о ваших дедуктивных свершениях. Иной раз меня прямо ревность берет.

Подполковник засмеялся, судя по всему, очень довольный тем, что и себя в выгодном свете представил и будущему начальнику неглупо польстил, однако Фандорин по всегдашнему своему обыкновению вдруг взял и заговорил совсем о другом:

— Известна ли вам, Иван Петрович, некая д-дама по имени Диана?

Бурляев посмеиваться перестал, лицо словно окаменело и отчасти утратило обычное выражение грубоватого солдатского прямодушия — взгляд сделался острым, настороженным.

— Могу ли я полюбопытствовать, господин статский советник, почему вы интересуетесь этой дамой?

— Можете, — бесстрастно ответил Фандорин. — Я ищу источник, из которого сведения о нашем плане охраны попали к т-террористам. Пока удалось установить, что кроме Департамента полиции детали были известны т-только вам, Мыльникову, Зубцову, Сверчинскому и его адъютанту. Полковник Сверчинский допускает, что о мерах безопасности могла быть осведомлена “сотрудница” с агентурной к-кличкой Диана. Вы ведь с ней знакомы?

Бурляев ответил с внезапной злобой:

— Знаком. “Сотрудница” прекрасная, спору нет, но только Сверчинский напрасно намекает. Это называется с большой головы на здоровую! Если кто и мог ей проболтаться, то скорее он. Она из него веревки вьет!

— Как, Станислав Филиппович — ее любовник? — поразился чиновник особых поручений, едва успев проглотить слово “тоже”.

— А черт их там разберет, — все так же озлобленно рявкнул подполковник. — Очень даже возможно!

Сбитый с толку Эраст Петрович не сразу собрался с мыслями.

— И что она так хороша собой, эта Диана?

— Право не знаю! Никогда не видел ее лица. Петр Иванович сделал ударение на последнем слове, что придало всей фразе двусмысленное звучание.

Подполковник, очевидно, и сам это почувствовал, потому что счел необходимым пояснить:

— Видите ли, Диана никому из наших лица не показывает. Все встречи происходят на конспиративной квартире, в полумраке, да она еще и в вуали.

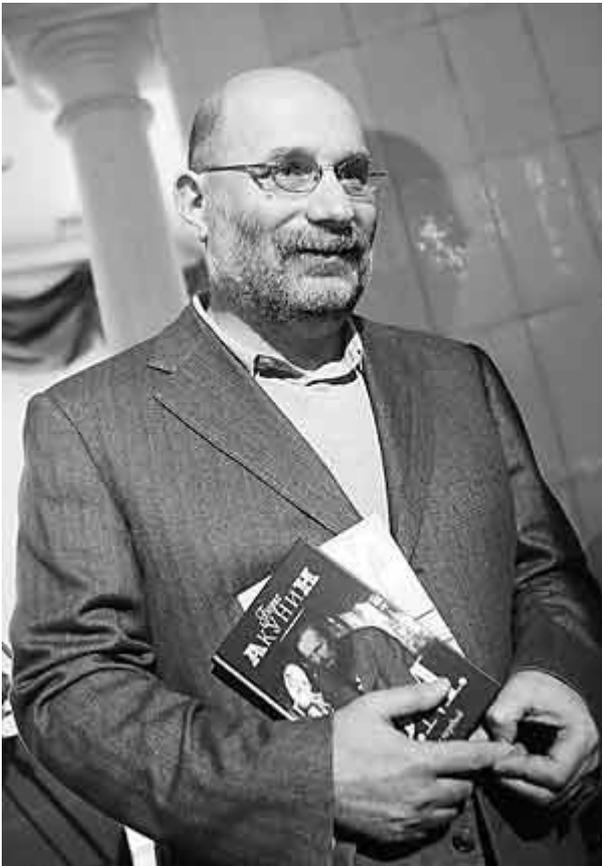
— Но это неслыханно!

— В романтическую героиню играет, — скривился Бурляев. — Уверен, что Сверчинский ее лица тоже не видел. Прочие части тела — весьма вероятно, но лицо наша Диана прячет, словно турецкая одалиска. Таково было твердое условие ее сотрудничества. Грозится, что при малейших поползновениях открыть ее инкогнито прекратит всякую помощь. Было особое указание из Департамента — попыток не предпринимать. Пусть, мол, интересничает, лишь бы сообщала данные.

Эраст Петрович сопоставил манеру, в которой Бурляев и Сверчинский говорили о загадочной “сотруднице”, и обнаружил в интонации и словах обоих штабс-офицеров черты несомненного сходства. Кажется, Управление и Отделение соперничали не только на попроще полицейской службы.

— Знаете что, Петр Иванович, — сказал Фандорин с самым серьезным видом. — Вы меня заинтриговали вашей т-тайнственной Дианой. Свяжитесь-ка с ней и сообщите, что я хочу немедленно ее видеть.

Приложение №2 Борис Акунин

Приложение № 3 Кадры из фильма Статский советник

князь Владимир Андреевич Долгорукий

Обложка фильма

Статский советник Эраст Петрович Фандорин

ANOTACE

Příjmení a jméno autora: Jana Krčková

Název katedry a fakulty: katedra slavistiky, FF

Název diplomové práce: Komentovaný překlad části knihy Borise Akunina „Statskij sovětnik“

Vedoucí diplomové práce: doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

Počet znaků: 172 551

Počet příloh: 3

Počet titulů použité literatury: 19

Klíčová slova: překladatelství, umělecký překlad, ruská literatura, reálie, ekvivalence, termín, archaismy, historismy, Boris Akunin.

Charakteristika diplomové práce: Předmětem této práce je komentovaný překlad části knihy Borise Akunina, který je považován za jednoho z nejúspěšnějších současných ruských autorů. Práce je rozdělena do čtyř kapitol. V první kapitole jsou popsány teoretické aspekty překladu a práce překladatele. Ve druhé kapitole je pojednáváno o autorovi knihy a knize samotné. Třetí kapitola je zaměřena na komentář k vlastnímu překladu. Čtvrtá kapitola obsahuje vlastní překlad části knihy.